

The background of the cover is a dark, moody illustration. It depicts a woman with long, flowing white hair and a pale, almost ethereal complexion. She is wearing a long, white, translucent dress that pools around her. She is lying on her back on a dark, cracked, and reflective surface, possibly a floor or a pool of water. Her eyes are closed, and her expression is peaceful. The lighting is dramatic, with strong highlights on her hair and dress, contrasting sharply with the dark, shadowy background. The overall tone is somber and mysterious.

АЛЕКСАНДР ДЮМА ГРАФИНЯ ДЕ МОНСОРО

Королева Марго

Александр Дюма
Графиня де Монсоро

«Public Domain»

1846

Дюма А.

Графиня де Монсоро / А. Дюма — «Public Domain»,
1846 — (Королева Марго)

Действие романа знаменитого французского писателя Александра Дюма происходит в эпоху гугенотских войн, во времена правления Генриха III. Но исторические события – описанные ярко и убедительно – являются лишь фоном сложной любовной интриги. Коварству, развращенности и лицемерию королевского двора автор противопоставляет благородство, искренность и верность бесстрашного графа де Бюсси и его возлюбленной Дианы.

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II,	18
Глава III	26
Глава IV	31
Глава V	37
Глава VI	43
Глава VII	49
Глава VIII	55
Глава IX	61
Глава X	66
Глава XI	74
Глава XII	86
Глава XIII	91
Глава XIV	104
Глава XV	112
Глава XVI	118
Глава XVII	124
Глава XVIII,	134
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Александр Дюма

Графиня де Монсоро

Часть первая

Глава I

Свадьба Сен-Люка

В последнее воскресенье Масленицы 1578 года, после народного гулянья, когда на парижских улицах затихало шумное дневное веселье, в роскошном дворце, только что возведенном на берегу Сены, почти напротив Лувра, для прославленного семейства Монморанси,¹ которое, породнившись с королевским домом, по образу жизни не уступало принцам, началось пышное празднество. Сие семейное торжество, следовавшее за общественными увеселениями, было устроено по случаю бракосочетания Франсуа д'Эпина де Сен-Люка, наперсника и любимца короля Генриха III, с Жанной де Коссе-Бриссак, дочерью маршала де Коссе-Бриссака.

Свадебный обед был дан в Лувре, и король, который с величайшей неохотой согласился на этот брак, явился к столу с мрачным выражением лица, совершенно неподобающим для такого случая. Да и наряд короля находился в полном соответствии с его лицом: Генрих был облачен в темно-коричневый костюм, тот самый, в котором его написал Клуэ² на картине, изображающей свадьбу Жуаеза. При виде этого угрюмого величия, этого короля, похожего на свой собственный призрак, гости цепенели от страха, и особенно сильно сжималось сердце у юной новобрачной, на которую король всякий раз, когда он удостоивал ее взгляда, взирал с явным неодобрением.

Однако насупленные в разгаре брачного пира брови короля, казалось, ни у кого не вызвали удивления; все знали, что причина кроется в одной из тех дворцовых тайн, что лучше обходить стороной, как подводные рифы, столкновение с которыми грозит неминуемым кораблекрушением.

Едва дождавшись окончания обеда, король порывисто вскочил, и всем гостям волею-неволей пришлось последовать его примеру; поднялись даже те, кто шепотом высказывал желание еще побыть за пиршественным столом.

Тогда Сен-Люк, долгим взглядом посмотрев в глаза жены, словно желая почерпнуть в них мужество, приблизился к своему господину.

— Государь, — сказал он, — не соблаговолит ли ваше величество послушать нынче вечером скрипки и украсить своим присутствием бал, который я хочу дать в вашу честь во дворце Монморанси?

Генрих III повернулся к новобрачному со смешанным чувством гнева и досады, но Сен-Люк склонился перед ним так низко, на лице его было написано такое смирение, а в голосе звучала такая мольба, что король смягчился.

— Да, сударь, — ответил он, — мы приедем, хотя вы совсем не заслуживаете подобного доказательства нашей благосклонности.

¹ Монморанси — один из старейших баронских родов Франции, происхождение которого возводят к VI в. В 1559 г., когда Франсуа де Монморанси женился на Диане де Франс, дочери короля Генриха II, они породнились с королевским домом.

² Клуэ Франсуа (1505 или 1510–1572) — придворный художник Франциска I и его преемников. Кисти Клуэ принадлежат портреты Франциска II, Генриха II, Карла IX и герцога Алансонского.

Тогда бывшая девица де Бриссак, отныне госпожа де Сен-Люк, почтительно поблагодарила короля, но Генрих повернулся к новобрачной спиной, не пожелав ей ответить.

– Чем вы провинились перед королем, господин де Сен-Люк? – спросила Жанна у своего мужа.

– Моя дорогая, я все расскажу вам потом, когда эта грозовая туча рассеется.

– А она рассеется?

– Должна, – ответил Сен-Люк.

Новобрачная еще не освоилась с положением законной супруги и не решилась настаивать; она запрятала любопытство в глубокие тайники сердца и дала себе слово продолжить разговор в другую, более благоприятную минуту, когда она сможет продиктовать свои условия Сен-Люку, не опасаясь, что он их отвергнет.

Итак, в тот вечер, когда начинается история, которой мы намерены поделиться с нашими читателями, во дворце Монморанси ожидали прибытия Генриха III. Но пробило уже одиннадцать часов, а короля все еще не было.

Сен-Люк пригласил на бал всех, кто числился в его друзьях или в друзьях короля. Кроме того, он разослал приглашения принцам и фаворитам принцев, начиная с приближенных нашего старого знакомого, герцога Алансонского, которого восшествие на королевский престол Генриха III сделало герцогом Анжуйским. Но герцог не считал нужным появиться на свадебном обеде в Лувре и, по всей видимости, не собирался присутствовать на свадебном балу во дворце Монморанси.

Короля Наваррского и его супруги в Париже не было, они, как это известно читателям нашего предыдущего романа, спаслись бегством в Беарн и там возглавили войска гугенотов, оказывавшие открытое сопротивление королю. Герцог Анжуйский, по своему всегдашнему обыкновению, тоже ходил в недовольных, но недовольство его было скрытым и незаметным; герцог неизменно старался держаться в задних рядах, выталкивая вперед тех дворян из своего окружения, кого не отрезвила ужасная судьба Ла Моля и де Коконнаса, чья казнь, несомненно, еще жива в памяти наших читателей.

Само собой разумеется, приверженцы герцога и сторонники короля пребывали в состоянии дурного мира: не менее двух-трех раз в месяц между ними завязывались дуэли, и только в редчайших случаях дело обходилось без убитых или по меньшей мере без тяжелораненых. Что до Екатерины Медичи, то самое заветное желание королевы-матери исполнилось – ее любимый сын достиг трона, о котором она так мечтала для него, а вернее сказать, для самой себя; теперь она царствовала, прикрываясь его именем, всем своим видом и поведением выказывая, что в сем брэнном мире занята только заботами о своем здоровье и ничто другое ее не беспокоит.

Сен-Люк, встревоженный не сулящим ничего хорошего отсутствием короля и принцев, пытался успокоить своего тестя, который по той же причине был огорчен до глубины души. Убеденный, как, впрочем, и весь двор, в том, что короля Генриха и Сен-Люка связывают тесные дружеские узы, маршал рассчитывал породниться с источником благодетелей, и – вот тебе на! – все вышло наоборот: его дочь сочеталась браком с ходячим воплощением королевской немилости. Сен-Люк всячески пытался внушить старику уверенность, которой сам не испытывал, а его друзья – Можирон, Шомберг и Келюс, разодетые в пух и прах, неестественно прямые в своих великолепных камзолах, с огромными брыжами, на которых голова покоилась, как на блюде, шуточками и ироническими соболезнованиями лишь подливали масла в огонь.

– Э! Бог мой! Наш бедный друг, – соболезновал Сен-Люку Жак де Леви, граф де Келюс, – я полагаю, на этот раз ты действительно пропал. Король на тебя сердится потому, что ты пренебрег его советами, а герцог Анжуйский, – потому, что ты не выказал должного почтения к его носу.³

³ Лицо герцога Анжуйского было обезображено оспой, казалось, что на этом лице два носа. (Прим. автора.)

– Ну нет, – возразил Сен-Люк, – ошибаешься, Келюс, король не пришел потому, что отправился на богомолье в Мининский монастырь, что в Венсенском лесу, а герцог Анжуйский – потому, что влюбился в какую-нибудь даму, которую я, как на грех, обошел приглашением.

– Рассказывай, – возразил Можирон. – Видел, какую мину скорчил король на обеде? А ведь у человека, который раздумывает, не взять ли ему посох да и не пойти ли на богомолье, и выражение лица бывает умиленное. Ну а герцог Анжуйский? Пусть ему помешали прийти какие-то личные дела, как ты утверждаешь, но куда же делись его анжуйцы, где хотя бы один из них? Оглянись вокруг – полнейшая пустота, даже бахвал Бюсси не соизволил явиться.

– Ах, господа, – сказал маршал де Бриссак, сокрушенно качая головой, – как все это смахивает на опалу. Господи боже мой! Неужто его величество разгневался на наш дом, всегда такой преданный короне?

И старый царедворец скорбно воздел руки горе.

Молодые люди смотрели на Сен-Люка, заливаясь смехом; их веселое настроение отнюдь не успокаивало старого маршала, а лишь усугубляло его отчаяние.

Юная новобрачная, задумчивая и сосредоточенная, мучилась тем же вопросом, что и ее отец, – чем мог Сен-Люк прогневать короля?

Сам Сен-Люк, конечно, знал, в чем он провинился, именно потому он и волновался больше всех.

Вдруг у одной из дверей залы возвестили о прибытии короля.

– Ах! – воскликнул просиявший маршал. – Теперь мне уже ничего не страшно; для полного счастья мне не хватает только услышать о прибытии герцога Анжуйского.

– А меня, – пробормотал Сен-Люк, – присутствие короля пугает больше, чем его отсутствие; он явился сюда неспроста, наверное, хочет сыграть со мной злую шутку, и герцог Анжуйский не счел нужным явиться по той же причине.

Эти невеселые мысли не помешали Сен-Люку со всех ног устремиться навстречу своему повелителю, который наконец-то расстался с мрачным коричневым одеянием и вступал в залу в колыпании перьев, блеске шелков, сиянии брильянтов.

Но в тот самый миг, когда в одной из дверей появился король Генрих III, в противоположной двери возник другой король Генрих III – полное подобие первого, точно так же одетый, обутый, причесанный, завитой, набеленный и нарумяненный. И придворные, толпой бросившиеся было навстречу первому королю, вдруг остановились, как волна, встретившая на своем пути опору моста, и, закрутившись водоворотом, отхлынули к той двери, в которую вошел королевский двойник.

Перед глазами Генриха III замелькали разинутые рты, разбегающиеся глаза, фигуры, совершавшие пируэты на одной ноге.

– Что все это значит, господа? – спросил король. Ответом был громкий взрыв хохота.

Король, вспыльчивый по натуре и в эту минуту особенно не расположенный к кротости, нахмурился, но тут сквозь толпу гостей к нему пробрался Сен-Люк.

– Государь, – сказал Сен-Люк, – там Шико, ваш шут. Он оделся точно так же, как ваше величество, и сейчас жалуется дамам руку для поцелуя.

Генрих III рассмеялся. Шико пользовался при дворе последнего Валуа свободой, равной той, которой был удостоен за тридцать лет до него Трибуле при дворе Франциска I, и той, которая будет предоставлена сорок лет спустя Ланжели при дворе короля Людовика XIII.

Дело в том, что Шико был необычный шут. Прежде чем зваться Шико, он звался де Шико. Простой гасконский дворянин, он не только дерзнул вступить в любовное соревнование с герцогом Майеннским, но и не постеснялся взять верх над этим принцем крови, за что герцог, как говорили, учинил над ним расправу и Шико пришлось искать убежища у Генриха III. За покровительство, оказанное ему преемником Карла IX, он расплачивался тем, что говорил королю правду, как бы горька она ни была.

– Послушайте, мэтр Шико, – сказал Генрих, – два короля на одном балу – слишком большая честь для хозяина.

– Коли так, то дозволю мне сыграть роль короля, как сумею, а сам попробуй изобразить герцога Анжуйского. Может, тебя и в самом деле примут за него, и ты услышишь что-нибудь любопытное или даже узнаешь, пусть не то, что твой братец замышляет, но хотя бы чем он занят сейчас.

– И в самом деле, – сказал король с явным неудовольствием, – мой брат, герцог Анжуйский, отсутствует.

– Еще одна причина, почему ты должен его заменить. Решено, я буду Генрихом, а ты – Франсуа, я буду царствовать, а ты – танцевать, я выложу весь набор ужимок, подходящих королевскому величию, а ты малость поразвлечешься, бедный король.

Взгляд короля остановился на Сен-Люке.

– Ты прав, Шико. Я займусь танцами, – сказал он.

«Как я ошибался, опасаясь королевского гнева, – подумал маршал де Бриссак. – Совсем наоборот, король в редкостном расположении духа».

И он засуетился, расточая комплименты всем гостям без разбору, налево и направо, а главное, не забывая при этом похвалить и себя за то, что ему удалось подыскать дочери супруга, столь щедро осыпанного милостями его величества.

Тем временем Сен-Люк подошел к своей жене. Жанна де Бриссак не была писаной красавицей, однако она обладала прелестными черными глазками, белоснежными зубками, ослепительным цветом лица, то есть всем тем, что в совокупности принято называть очаровательной внешностью.

– Сударь, – обратилась она к мужу, поглощенная все той же мыслью, – объясните мне, чего от меня хочет король? С тех пор как он здесь, он не перестает мне улыбаться.

– Но когда мы возвращались с обеда, вы говорили совсем другое, милая Жанна. Тогда его взгляд пугал вас.

– Тогда его величество был в дурном настроении, – сказала молодая женщина, – ну а теперь...

– Теперь еще хуже, – прервал ее Сен-Люк. – Король смеется, не разжимая губ. Я предпочел бы видеть его зубы. Жанна, бедняжка моя, король приготовил для нас какой-то подлый сюрприз. О, не смотрите на меня так нежно, умоляю вас, лучше всего повернитесь ко мне спиной! Смотрите, к нам весьма кстати приближается Можирон. Удержите его возле себя, приглубите, приласкайте его.

– Знаете, сударь, – улыбнулась Жанна, – вы даете мне довольно сомнительный совет, и если я в точности ему последую, могут подумать...

– Ах! – вздохнул Сен-Люк. – Ну и пусть подумают. Просто прекрасно будет, если подумают.

И, повернувшись спиной к своей донельзя удивленной супруге, он отправился ублажать Шико, который увлеченно пыжился, изображая короля, и своими гримасами вызывал всеобщее веселье.

Тем временем Генрих, пользуясь дарованной ему свободой от королевского величия, танцевал, но, танцуя, не терял из виду Сен-Люка: то подзывал его к себе и делился пришедшей в голову остротой, которая всякий раз, независимо от того, удалась она или нет, вызывала у новобрачного приступ громкого смеха, то угощал его из своей бонбоньерки засахаренным миндалем и глазированными фруктами, которые Сен-Люк неизменно находил превосходными. Стоило Сен-Люку на минуту отлучиться из той залы, где был король, хотя бы с намерением поприветствовать гостей в других залах, как Генрих тут же отряжал за ним одного из своих родственников или придворных, и сияющий улыбками новобрачный возвращался к своему повелителю, а король, увидев своего любимца, обретал превосходное расположение духа.

Внезапно королевских ушей достиг шум настолько сильный, что его не могла заглушить общая сумятица звуков.

– Эге! – сказал Генрих. – Кажется, это голос Шико. Ты слышишь, Сен-Люк? Король изво-лит гневаться.

– Да, государь, – отозвался Сен-Люк, не показывая вида, что уразумел намек, содержащийся в этих словах, – похоже, что он с кем-то не поладил.

– Подите узнайте, что там случилось, – распорядился король, – и немедленно доложите мне.

Сен-Люк отправился выполнять приказ.

И в самом деле, Шико громко кричал, в подражание королю выговаривая слова в нос:

– Я на выпуски кучу указов против расточительства, если их мало, я выпущу новые и буду их множить и множить, пока они не возымеют своего действия. Коли они недостаточно хороши, пусть их, по крайней мере, будет много. Клянусь рогом Вельзевула, моего кузена, шесть пажей, господин де Бюсси, – это слишком.

И Шико надул щеки, широко расставил ноги и подбоченился, добившись полного сходства с королем.

– Что он там болтает о Бюсси? – нахмурясь, спросил король.

Уже вернувшийся Сен-Люк хотел было ответить, но тут толпа расступилась и открыла их взорам шестерых пажей, одетых в камзолы из золотой парчи и увешанных ожерельями; на груди у каждого пажа всеми цветами радуги сиял герб его господина, вышитый драгоценными камнями. За пажами выступал красивый молодой мужчина, он высоко нес свою гордую голову и шествовал, презрительно вздернув верхнюю губу и бросая по сторонам надменные взоры. Его простая одежда из черного бархата разительно отличалась от богатых костюмов пажей.

– Бюсси! – раздались голоса. – Бюсси д'Амбуаз! – И толпа, хлынувшая навстречу вновь прибывшему, появление которого вызвало в зале такой переполох, расступилась, давая ему проход.

Можирон, Шомберг и Келюс окружили короля, словно желая защитить его от опасности.

– Ах вот как, слуга здесь, а хозяина что-то не видать, – сказал Можирон, намекая на неожиданное появление Бюсси и на отсутствие герцога Анжуйского, к свите которого тот принадлежал.

– Подождем, – заметил Келюс, – перед слугой идут его собственные слуги, а главный хозяин, может быть, появится после хозяина шести первых слуг.

– Тут есть о чем тебе поразмыслить, Сен-Люк, – вмешался Шомберг, самый молодой, а посему и самый дерзкий миньон⁴ короля Генриха. – Ты заметил, что господин де Бюсси не слишком-то почтителен по отношению к тебе? Видишь – на нем черный камзол. Какого черта! Разве это наряд для свадебного бала?

– Нет, – заметил Келюс, – это траур для похорон.

– Ах, уж не его ли это похороны и не надел ли он траур по самому себе? – пробормотал Генрих.

– И при всем том, Сен-Люк, – сказал Можирон, – герцог Анжуйский не последовал за Бюсси. Неужели ты и тут попал в немилость?

Это многозначительное «и тут» кольнуло новобрачного в самое сердце.

– Ну а почему, собственно, он обязан следовать за Бюсси? – подхватил Келюс. – Неужто вы позабыли: когда его величество оказал честь господину де Бюсси и обратился к нему с вопросом, не пожелает ли он принадлежать к людям короля, то Бюсси ответил, что, уже принадлежа к дому Клермонов, он не испытывает необходимости принадлежать кому-то еще и

⁴ *Миньон* (от фр. *mignon* – «милый») – фаворит.

вполне довольствуется возможностью быть хозяином самому себе, ибо уверен, что в собственной персоне обретет самого лучшего принца из всех существующих на свете.

Король сдвинул брови и закусил ус.

– И несмотря на это, – сказал Можирон, – как мне кажется, Бюсси все же поступил в свиту герцога Анжуйского.

– Ну и что же, – флегматично парировал Келюс, – значит, он счел, что герцог посильнее нашего короля.

Это замечание до глубины души задело Генриха, который всю свою жизнь по-братски ненавидел герцога Анжуйского. Поэтому, хотя король не произнес ни слова, он заметно для всех побледнел.

– Ну, ну, господа, – попытался утихомирить разгорающиеся страсти дрожащий от волнения Сен-Люк, – пощадите хоть немного моих гостей. Не портите мне день свадьбы.

Эта мольба, по-видимому, направила мысли Генриха в другое русло.

– В самом деле, не будем портить Сен-Люку день его свадьбы, господа, – сказал он, покручивая усы с лукавым видом, который не ускользнул от бедного новобрачного.

– Так что же выходит, – воскликнул Шомберг, – Бюсси нынче в союзе с Бриссаками?

– Откуда ты это взял? – спросил Можирон.

– Оттуда, что Сен-Люк стоит за него горой. Черт побери! В этом презренном мире каждый стоит только сам за себя. Я не солгу, сказав, что у нас защищают только своих родных, союзников и друзей.

– Господа, – возразил Сен-Люк, – господин де Бюсси мне не союзник, не друг, не родственник: он мой гость.

Услышав эти слова, король бросил на говорившего злобный взгляд.

– И кроме того, – поторопился исправить свой промах несчастный Сен-Люк, сраженный королевским взором, – я вовсе не собираюсь его защищать.

Бюсси, предшествуемый шестеркой пажей, с достоинством приближался к королю, намереваясь его приветствовать, но тут Шико, не стерпев, что кому-то отдают предпочтение перед его особой, закричал:

– Эй, ты, там! Бюсси! Бюсси д'Амбуаз! Луи де Клермон! Граф де Бюсси! Тебя, видать, не докличешься, пока не перечислишь всех твоих титулов. Неужто ты не видишь, где настоящий Генрих, неужто не можешь отличить короля от дурака? Тот, к которому ты так важно вышагиваешь, это Шико, мой дурак, мой шут. Он порой вытворяет такие лихие дурачества, что я со смеху помираю.

Однако Бюсси невозмутимо продолжал свой путь и, поравнявшись с Генрихом, уже хотел было склониться перед ним в поклоне, но тут король сказал:

– Разве вы не слышите, господин де Бюсси? Вас зовут.

И под громкий хохот миньонов повернулся спиной к молодому человеку.

Бюсси покраснел от гнева, но тут же взял себя в руки. Он сделал вид, будто принимает всерьез слова короля, и, словно не слыша шуточек Келюса, Шомберга и Можирона и не видя их наглых усмешек, обратился к Шико.

– Ах, простите, государь, – сказал он. – Иные короли так похожи на шутов, что ошибиться весьма нетрудно. Я надеюсь, вы извините меня за то, что я принял вашего шута за короля.

– Что такое? – протянул Генрих, поворачиваясь к Бюсси. – Что он сказал?

– Ничего, государь, – поспешил отозваться Сен-Люк, которому, по-видимому, небеса предназначили весь этот вечер быть миротворцем, – ничего, ровным счетом ничего.

– Нет, мэтр Бюсси, – изрек Шико, поднявшись на носки и надув щеки, как это делал король, желая придать себе величественный вид, – ваше поведение непростительно.

– Прошу извинить меня, государь, – смиренно молил Бюсси, – я задумался.

– О чем? Небось о своих пажах, сударь? – раздраженно спросил Шико. – Да, вы разоритесь на этих мальчишках, и, клянусь смертью Христовой, вы явно покусаетесь на наши королевские prerogatives.

– Но каким образом? – почтительно осведомился Бюсси; он понимал, что, позволив шуту занять свое место, король поставил самого себя в смешное положение. – Прошу ваше величество объясниться, и если я действительно допустил ошибку, ну что ж, я признаюсь в этом со всем смирением.

– Рядите в золотую парчу всякий сброд, – и Шико ткнул пальцем в пажей, – а вы, вы, – дворянин, полковник, отпрыск Клермонов, почти принц, наконец, вы являетесь на бал в простом черном бархате.

– Государь, – громко сказал Бюсси, поворачиваясь к миньонам короля, – я поступаю так потому, что в наше время всякий сброд наряжается как принцы, и хороший вкус требует от принцев, чтобы они отличали себя, одеваясь как всякий сброд.

И он вернул молодым миньонам, утопающим в блеске драгоценностей, усмешку не менее презрительную, чем те, которыми они награждали его минуту тому назад.

Генрих посмотрел на своих любимцев, побледневших от ярости; казалось, скажи он только слово, и они бросятся на Бюсси. Келюс, который больше других был зол на Бюсси и давно бы схватился с ним, не запрети ему этого король, положил руку на эфес шпаги.

– Уж не намекаете ли вы на меня и на моих людей? – воскликнул Шико. Узурпировав место короля, он произнес те слова, которые подобало бы произнести Генриху.

Но при этом шут встал в напыщенную героическую позу капитана Матамора⁵ и был настолько смешон, что половина зала разразилась хохотом. Другая половина молчала по очень простой причине: те, кто смеялся, смеялись над теми, кто хранил серьезный вид.

Трое друзей Бюсси, почуяв назревавшую стычку, сплотились вокруг него. Это были Шарль Бальзак д'Антрагэ – более известный под именем Антрагэ, Франсуа д'Оди, виконт де Рибейрак, и Ливаро.

Увидев такую подготовку к враждебным действиям, Сен-Люк догадался, что Бюсси пришел по поручению герцога с целью учинить скандал или бросить кому-нибудь вызов. При этой мысли Сен-Люк вздрогнул, он почувствовал себя зажатым между двумя могущественными и расpalенными гневом противниками, избравшими его дом полем сражения.

Несчастный новобрачный поспешил к Келюсу, возбужденный вид которого бросался всем в глаза, положил руку на его пальцы, сжимавшие эфес шпаги, и обратился к нему со словами увещевания:

– Бога ради, дружище, уймись. Подожди, наш час еще придет.

– Проклятие! Уймись ты сам, если можешь! – закричал Келюс. – Ведь пощечина этого наглеца задела тебя не меньше, чем меня. Кто оскорбил одного из нас, оскорбил всех нас, а кто оскорбил всех нас, оскорбил короля.

– Келюс, Келюс, – не отставал Сен-Люк, – подумай о герцоге Анжуйском, это он стоит за спиной Бюсси. Правда, его здесь нет, но тем более нам надо быть настороже, он невидим, но тем он опаснее. Надеюсь, ты не оскорбишь меня подозрением, что мне страшен слуга, а не господин?

– Дьявольщина! Да кто может быть страшен людям французского короля? Если мы подвергнемся опасности, сражаясь за короля, то король сумеет оборонить нас.

– Тебя – да, но не меня, – жалобно сказал Сен-Люк.

– Ах, пропади ты пропадом! И какого дьявола ты вздумал жениться?! Ведь ты знаешь, как ревнует король своих друзей.

⁵ *Капитан Матамор* – постоянный персонаж испанской комедии, хвастливый воин.

«Ладно, – подумал Сен-Люк, – раз уж каждый стоит только за себя, то не будем и мы о себе забывать. Я хочу прожить спокойно хотя бы первые две недели после свадьбы, а для этого мне надо задобрить герцога Анжуйского».

И с такими мыслями он оставил Келюса и направился к Бюсси.

После своих дерзких слов Бюсси стоял с гордо поднятой головой и обводил взглядом присутствующих. Он весь ушел в слух, надеясь в ответ на брошенные им оскорбления уловить какую-нибудь дерзость по своему адресу. Но никто на него не смотрел, все хранили упорное молчание: одни опасались вызвать неодобрение короля, другие – неодобрение Бюсси.

Последний, увидев приближающегося к нему Сен-Люка, решил, что наконец-то добился своего.

– Сударь, – обратился он к хозяину дома, – по-видимому, вы желаете побеседовать со мной и, наверное, я обязан этой честью тем словам, которые я только что произнес?

– Словам, которые вы только что произнесли? – с самым простодушным видом переспросил Сен-Люк. – А что, собственно, вы произнесли? Я ничего не слышал, уверяю вас. Я просто увидел вас и обрадовался, что могу доставить себе удовольствие приветствовать столь высокого гостя и поблагодарить его за честь, оказанную моему дому.

Бюсси был человеком незаурядным во всех отношениях: смелым до безрассудства, но в то же время образованным, остроумным и прекрасно воспитанным. Зная несомненное мужество Сен-Люка, он понял, что долг гостеприимства одержал в нем верх над утонченной щепетильностью придворного. Всякому другому Бюсси не преминул бы слово в слово повторить сказанную им фразу, то есть бросить вызов в лицо, но, обезоруженный дружелюбием Сен-Люка, он отвесил ему вежливый поклон и произнес несколько любезностей.

– Эге! – сказал Генрих, увидев, что Сен-Люк разговаривает с Бюсси. – Мне кажется, мой петушок уже прокукарекал капитану. Правильно сделал, но я не хочу, чтобы его убили. Пойдите, Келюс, узнайте, в чем там дело. Впрочем, нет, у вас слишком горячий нрав. Пойдите лучше вы, Можирон.

– Что ты сказал этому фату? – спросил король, когда Сен-Люк вернулся.

– Я, государь?

– Ну да, ты.

– Я пожелал ему доброго вечера.

– Вот как! И это все? – сердито буркнул король. Сен-Люк понял, что сделал неверный шаг.

– Я пожелал ему доброго вечера, – продолжал он, – а потом сказал, что завтра поутру буду иметь удовольствие пожелать ему доброго утра.

– Хорошо. А я было усомнился в твоей смелости, удалец.

– Но, ваше королевское величество, окажите мне милость сохранить это в тайне, – подчеркнул тихим голосом попросил Сен-Люк.

– Черт побери! Само собой, я не собираюсь тебе мешать. Хорошо бы ты избавил меня от него, но сам при этом не поцарапался.

Миньоны обменялись между собой быстрыми взглядами, но Генрих III сделал вид, что ничего не заметил.

– Ибо в конце концов, – продолжал он, – этот наглец стал совершенно невыносим.

– Да, да, – сказал Сен-Люк. – Но будьте спокойны, государь, рано или поздно на него найдется управа.

– Гм, – недоверчиво хмыкнул король, покачивая головой, – шпагой он владеет мастерски. Хорошо бы его покусала бешеная собака. Так бы мы от него отделались без всяких трудов.

И он бросил косой взгляд на Бюсси, который разгуливал по залу в сопровождении трех своих друзей, толкая или высмеивая всех, кого он считал врагами герцога Анжуйского, – само собой разумеется, что эти люди были сторонниками короля.

– Черт побери, – закричал Шико, – не смейте обижать моих любимчиков, мэтр Бюсси, а не то будь я хоть король-раскороль, но я обнажу шпагу не хуже любого шута.

– Ах, мошенник, – пробормотал Генрих, – даю слово, он прав.

– Если Шико будет продолжать свои шуточки в том же духе, я его поколочу, государь, – сказал Можирон.

– Не суйся, куда тебя не спрашивают, Можирон. Шико дворянин и весьма щепетилен в вопросах чести. К тому же колотушек заслуживает вовсе не он, здесь он отнюдь не из самых дерзких.

На этот раз намек был ясен; Келюс сделал знак д’О и д’Эпернону, которые блистали в других углах зала и не были свидетелями выходки Бюсси.

– Господа, – начал Келюс, отведя своих друзей в сторону, – давайте посоветуемся. Ну а ты, Сен-Люк, иди беседуй с королем и продолжай свое дело миротворца, по-моему, ты в нем весьма преуспел.

Сен-Люк счел это предложение разумным и отошел к королю, который о чем-то горячо спорил с Шико. Келюс увлек четырех миньонов в оконную нишу.

– Ну послушаем, зачем ты нас созвал, – сказал д’Эпернон. – Я там волочился за женой Жуаеза и предупреждаю: если ты не сообщишь что-нибудь по-настоящему важное, я тебя никогда не прощу.

– Я хочу вас предупредить, господа, – обратился Келюс к своим товарищам, – что сразу же после бала я отправляюсь на охоту.

– Отлично, – сказал д’О, – а на какого зверя?

– На кабана.

– Что это тебе взбрело в голову? Ехать охотиться в такой собачий холод! И для чего? Чтоб тебе же выпустили кишки в каком-нибудь перелеске?

– Ну и пусть! Все равно я еду.

– Один?

– Нет, с Можироном и Шомбергом, мы будем охотиться для короля.

– А-а! Понятно, – в один голос сказали Можирон и Шомберг.

– Король изъявил желание видеть завтра на своем обеденном столе кабанью голову.

– С отложным воротником по-итальянски, – сказал Можирон, намекая на простой отложной воротничок, который носил Бюсси, в отличие от пышных брыжей миньонов.

– Так, так, – подхватил д’Эпернон. – Идет. Я участвую в деле.

– Но что случилось? – спросил д’О. – Объясните мне, я все еще ни черта не понимаю.

– Э, да оглянись вокруг, мой милый.

– Ну, оглянулся.

– Разве ты не видишь наглеца, который смеется тебе в лицо?

– Бюсси, что ли?

– Ты угадал. А не кажется ли тебе, что это и есть тот самый кабан, чья голова порадовала бы короля?

– Ты уверен, что король... – начал д’О.

– Вполне уверен, – прервал его Келюс.

– Тогда пусть будет так. На охоту! Но как мы будем охотиться?

– Устроим засаду. Засада всего надежнее.

Бюсси издали заметил, что миньоны о чем-то совещаются, и, не сомневаясь, что речь идет о нем, направился к своим противникам, на ходу перебрасываясь шуточками с друзьями.

– Присмотрись получше, Антрагэ, взгляни-ка, Рибейрак, как они там разбились на парочки. Это просто трогательно! Их можно принять за Евриала с Нисом, Дамона с Пифием, Кастора с...⁶ Но постой, куда делся Поллукс?

– Поллукс женился, – ответил Антрагэ, – и наш Кастор остался без пары.

– Чем они там занимаются, по-вашему? – громко спросил Бюсси, дерзко разглядывая миньонов.

– Держу пари, – отозвался Рибейрак, – они изобретают новый крахмал для воротничков.

– Нет, господа, – улыбаясь, ответил Келюс, – мы сговариваемся отправиться на охоту.

– Шутить изволите, синьор Купидо, – сказал Бюсси, – для охоты нынче слишком холодно.

У вас вся кожа потрескается.

– Не беспокойтесь, сударь, – в тон ему ответил Можирон, – у нас есть теплые перчатки, и камзолы наши подбиты мехом.

– А-а, вот это меня успокаивает, – заметил Бюсси. – Ну и когда же вы выезжаете?

– Может быть, даже нынче ночью, – сказал Шомберг.

– Никаких «может быть». Непременно нынче ночью, – поправил его Можирон.

– В таком случае я должен предупредить короля, – заявил Бюсси. – Что скажет его величество, если завтра на утреннем туалете все его любимцы будут сморкаться, чихать и кашлять?

– Не трудитесь понапрасну, сударь, – сказал Келюс, – его величеству известно, что мы собираемся охотиться.

– На жаворонков, не так ли? – насмешливо поинтересовался Бюсси, стараясь придать своему голосу как можно более презрительное звучание.

– Нет, сударь, – сказал Келюс, – не на жаворонков, а на кабана. Нам надо во что бы то ни стало раздобыть его голову.

– А зверь? – спросил д'Антрагэ.

– Уже поднят, – ответил Шомберг.

– Но ведь еще нужно знать, где он пройдет, – сказал Ливаро.

– Ну, мы попытаемся это разузнать, – успокоил его д'О. – Не желаете ли поохотиться вместе с нами, господин де Бюсси?

– Нет, по правде говоря, я занят. Завтра мне нужно быть у герцога Анжуйского на приеме графа де Монсоро, которому герцог, как вы, наверное, слышали, выхлопотал должность главного ловчего.

– Ну а нынче ночью? – спросил Келюс.

– Сожалею, но и нынче ночью не могу. У меня свидание в одном таинственном доме в Сент-Антуанском предместье.

– Ах вот как! – воскликнул д'Эпернон. – Неужели королева Марго инкогнито вернулась в Париж? Ведь, по слухам, господин де Бюсси, вы унаследовали де Ла Молю.

– Не стану отнекиваться, но с недавних пор я отказался от этого наследства, и на сей раз речь идет о совсем другой особе.

– И эта особа вас ждет в одной из улочек Сент-Антуанского предместья? – спросил д'О.

– Вот именно, и я даже хочу обратиться к вам за советом, господин де Келюс.

– Рад вам услужить. Хотя я и не принадлежу к судейскому сословию, но все же горжусь тем, что никому еще не давал дурных советов, в особенности – друзьям.

⁶ ...Евриала с Нисом, Дамона с Пифием, Кастора с ... – Евриал и Нис, Дамон и Пифий, Кастор и Поллукс – имена этих героев античной мифологии и истории стали синонимами братской дружбы и верности. Юных троянцев Евриала и Ниса, как рассказывает в «Энеиде» Вергилий, дружба обрекла на смерть. Преданность друг другу двух философов Дамона и Пифия (или Финтия) – они жили в IV в. до н. э. – так поразила сицилийского тирана Дионисия, осудившего их на смерть, что он отпустил друзей и просил принять его в их союз. Боги Диоскуры – братья-близнецы Кастор и Поллукс (*греч.* Полидевк); в античной мифологии считались непревзойденным образцом братской любви.

– Говорят, что парижские улицы по ночам небезопасны, а Сент-Антуанское предместье весьма уединенная часть города. Какую дорогу вы посоветовали бы мне избрать?

– Черт побери! – сказал Келюс. – Луврскому перевозчику непременно придется ждать вас всю ночь до утра, поэтому на вашем месте, сударь, я воспользовался бы маленьким паромом в Прэ-о-Клерк и спустился бы вниз по реке до угловой башни, затем я пошел бы по набережной до Гран-Шатле, и дальше по улице Тиксерандери добрался бы де Сент-Антуанского предместья. Коли, дойдя до конца улицы Сент-Антуан, вам удастся без всяких происшествий миновать Турнельский дворец,⁷ вероятно, вы живым и невредимым постучитесь в дверь вашего таинственного дома.

– Благодарю за столь подробное описание дороги. Итак, вы сказали: паром в Прэ-о-Клерк, угловая башня, набережная до Гран-Шатле, затем улица Тиксерандери, затем улица Сент-Антуан. Будьте уверены – я не сверну с этого пути, – пообещал Бюсси.

И, поклонившись пятерым миньонам, он удалился, нарочито громко обратившись к Бальзаку д'Антрагэ:

– Решительно, с этим народом не о чем толковать, Антрагэ. Уйдем отсюда.

Ливаро и Рибейрак со смехом последовали за Бюсси и д'Антрагэ; удаляясь, вся компания несколько раз оборачивалась назад, словно обсуждая миньонов.

Миньоны сохраняли спокойствие – по-видимому, они решили ни на что не обращать внимания.

Когда Бюсси вошел в последнюю гостиную, где находилась госпожа де Сен-Люк, ни на минуту не терявшая из виду своего супруга, Сен-Люк многозначительно повел глазами в сторону удалявшегося фаворита герцога Анжуйского. Жанна с чисто женской проницательностью тут же все поняла: она догнала Бюсси и преградила ему путь.

– О господин де Бюсси, – сказала Жанна, – все кругом только и говорят что о вашем последнем сонете. Уверяют, что он...

– Высмеивает короля? – спросил Бюсси.

– Нет, прославляет королеву. Ах, умоляю, прочтите его мне.

– Охотно, сударыня, – сказал Бюсси.

И, предложив новобрачной руку, он начал на ходу декламировать свой сонет.

Тем временем Сен-Люк незаметно подошел к миньонам, они слушали Келюса.

– По таким отметинам зверя легко выследить. Итак, решено: угол Турнельского дворца, около Сент-Антуанских ворот, напротив дворца Сен-Поль.

– И прихватить с собой лакея? – спросил д'Эпернон.

– Никоим образом, Ногарэ, никоим образом, – возразил Келюс, – мы пойдем одни, только мы одни будем знать нашу тайну, мы своими руками выполним свой долг. Я ненавижу Бюсси, но я счел бы себя опозоренным, если бы позволил палке лакея прикоснуться к нему. Бюсси дворянин с головы до ног.

– Выйдем вместе, все шестеро? – осведомился Можирон.

– Все пятеро, а не все шестеро, – подал голос Сен-Люк.

– Ах да, ведь ты женат. А мы-то все еще по старой памяти числим тебя холостяком! – воскликнул Шомберг.

– Сен-Люк прав, – вмешался д'О, – пусть он, бедняга, хоть на первую брачную ночь останется с женой.

– Вы ошибаетесь, господа, – сказал Сен-Люк. – Моя жена безусловно стоит того, чтобы я остался с ней, но не она меня удерживает, а король.

⁷ Турнельский дворец – известен с конца XIV в. Принадлежал герцогу Беррийскому, герцогу Орлеанскому, королям Карлу VII, Людовику XII и Генриху II. Ко времени Генриха III неоднократно перестраивавшийся дворец пришел в упадок и был необитаем.

– Неужели король?

– Да, король. Его величество высказал желание, чтобы я проводил его до Лувра.

Молодые люди посмотрели на Сен-Люка с улыбкой, которую наш новобрачный тщетно пытался истолковать.

– Чего тебе еще надо? – сказал Келюс. – Король пылает к тебе столь необыкновенной дружбой, что прямо шагу без тебя ступить не может.

– К тому же мы вполне обойдемся и без Сен-Люка, – добавил Шомберг. – Оставим же нашего приятеля на попечение его короля и его супруги.

– Гм, но ведь мы идем на крупного зверя, – усомнился д'Эпернон.

– Ба! – беззаботно воскликнул Келюс. – Пусть только его выгонят на меня и дадут мне копье, а все остальное я беру на себя.

Тут они услышали голос Генриха: король звал Сен-Люка.

– Господа, – сказал новобрачный, – вы слышите, меня зовет король. Счастливой охоты, до встречи.

И Сен-Люк покинул общество своих друзей, но, вместо того чтобы поспешить к королю, он проскользнул мимо все еще стоящих шпалерами вдоль стен зрителей и отдыхающих танцоров и подошел к двери, за ручку которой уже взялся Бюсси, удерживаемый юной новобрачной, делавшей все, что было в ее силах, лишь бы не выпустить гостя.

– А! Доброй ночи, господин де Сен-Люк, – сказал Бюсси. – Но что случилось? Почему у вас такой возбужденный вид? Неужели и вы решили присоединиться к большой охоте, которую здесь собирают? Такое решение делает честь вашему мужеству, но не вашей галантности.

– Сударь, – ответил Сен-Люк, – у меня возбужденный вид, потому что я вас искал.

– В самом деле?

– И боялся, как бы вы не ушли. Милая Жанна, передайте вашему батюшке, пусть он попробует задержать короля. Мне нужно сказать господину де Бюсси два слова с глазу на глаз.

Жанна поторопилась выполнить поручение, она ничего не понимала во всех этих неотложных делах, но покорно подчинялась воле своего мужа, так как чувствовала, что речь идет о чем-то очень важном.

– Ну так что вы хотите мне сказать, господин де Сен-Люк? – осведомился Бюсси.

– Я хотел вам сказать, сударь, что парижские улицы нынче опасны, и ежели у вас назначено свидание на сегодняшний вечер, то лучше будет перенести его на завтра, а ежели вы все-таки попадете в окрестности Бастилии, то избегайте Турнельского дворца: там есть один угол, в котором могут спрятаться несколько человек. Вот и все, что я хотел вам сказать, господин де Бюсси. У меня и в мыслях нет, что человека, подобного вам, можно чем-то напугать, боже упаси, но подумайте хорошенько.

В эту минуту на весь зал раздался жалобный вопль Шико:

– Сен-Люк, мой маленький Сен-Люк! Что с тобой? Зачем ты прячешься? Ведь ты видишь, я жду тебя и без тебя не хочу возвращаться в Лувр.

– Я здесь, государь! – крикнул в ответ Сен-Люк, устремляясь на голос шута.

Рядом с Шико стоял Генрих III; паж уже подавал ему тяжелый плащ на горностаевом меху, другой паж держал наготове длинные – до локтей – перчатки, а третий – бархатную маску на атласной подкладке.

– Государь, – обратился Сен-Люк одновременно к обоим Генрихам. – Я буду иметь честь сопровождать вас с факелом до носилок.

– Нет, – ответил король, – Шико едет в одну сторону, я – в другую. Эти бездельники, твои друзья, отправились куда-то провожать Масленицу и предоставили мне возвращаться в Лувр в одиночестве, я на них понадеялся, а они меня безбожно подвели. Теперь тебе ясно – ты не можешь допустить, чтобы я уехал отсюда один. Ты мужчина степенный и женатый, тебе и подобает доставить меня к королеве. Пошли, дружище, пошли! Эй! Коня господину Сен-

Люку. Впрочем, нет, зачем тебе конь, мои носилки достаточно вместительны, в них найдется место для двоих.

Жанна де Бриссак не упустила ни звука из этого разговора. Она хотела заговорить, сказать Сен-Люку хотя бы одно слово, предупредить отца о том, что король увозит ее мужа, но Сен-Люк, приложив палец к губам, приказал ей молчать и держаться тише воды, ниже травы.

«Черт возьми! – сказал про себя Сен-Люк. – Теперь, когда я улестил Франсуа Анжуйского, не будем ссориться с Генрихом Валуа».

– Государь, – продолжал он уже во всеуслышание, – я готов. Я так предан вашему величеству, что по первому зову последую за вами хоть на край света.

Тут началась отчаянная суматоха, бесчисленные церемонные приседания и поклоны, и вдруг все разом прекратилось, наступила мертвая тишина – придворные хотели услышать, что скажет король на прощание Жанне де Бриссак и ее отцу. Король распростился с молодой женщиной и маршалом в самых милостивых выражениях.

Потом кони храпели и били копытами во дворе, и в витражах плясали красноватые отблески факелов. Наконец все придворные французского королевства и все свадебные гости, кто смеясь, кто дрожа от холода, растворились в ночном тумане.

Оставшись со своими прислужницами, Жанна вошла в спальню и преклонила колени перед образом особенно чтимого ею святого. Потом она отослала служанок, распорядившись, чтобы к возвращению ее супруга для него был приготовлен легкий ужин, и осталась одна.

Маршал де Бриссак проявил еще большую заботу о своем зяте: он отрядил шесть копеечников, наказав им дожидаться у дверей Лувра выхода Сен-Люка и сопровождать его домой. Но спустя два часа один из солдат вернулся и сообщил маршалу, что в Лувре закрыли все входы и начальник караула, запирая последнюю дверь, сказал:

– Не торчите здесь попусту, этой ночью больше никто не выйдет из Лувра. Его величество отошел ко сну, и все спят.

Маршал передал это известие своей дочери, Жанна объявила, что она очень тревожится, не сможет уснуть и намерена бодрствовать в ожидании мужа.

Глава II, из которой следует, что не всегда входит в дом тот, кто открывает дверь

В те времена Сент-Антуанские ворота представляли собой род каменного свода, напоминающего арку ворот Сен-Дени или Сен-Мартенских ворот в современном нам Париже. С левой стороны к ним вплотную подходили какие-то постройки, другим своим концом примыкавшие к Бастилии и как бы связывавшие Сент-Антуанские ворота со старой крепостью. Справа от ворот и до Бретонского дворца простирался обширный, мрачный и грязный пустырь. Если в дневное время на нем еще можно было встретить прохожего, то с наступлением темноты всякое движение тут затихало, ибо в те времена улицы по ночам превращались в воровские притоны, а ночные дозоры были редкостью. Запоздалые пешеходы робко жались к стенам крепости, поближе к часовому на башне, который, правда, не был в состоянии прийти на выручку, но мог хотя бы позвать на помощь и своими криками отпугнуть грабителей.

Само собой разумеется, что в зимние ночи прохожие вели себя еще более осмотрительно, нежели в летние.

Ночь, ознаменованная событиями, о которых мы только что рассказали, а также другими происшествиями, о которых нам еще предстоит поведать читателю, выдалась на редкость темной и морозной, небо сплошь затянули черные, низкие тучи, и спасительного часового за зубцами королевской твердыни невозможно было разглядеть, да и ему, в свою очередь, не стоило даже и пытаться различить на пустыре каких-нибудь прохожих.

Со стороны города перед Сент-Антуанскими воротами не стояло ни одного дома, там тянулись две высоких стены: справа – ограда церкви Святого Павла, а слева – стена, окружавшая Турнельский дворец. Эта последняя, подходя к улице Сен-Катрин, образовывала внутренний угол, тот «уголок», о котором Сен-Люк говорил Бюсси.

Дальше тесно жались друг к другу домишки, расположенные между улицей Жуи и широкой улицей Сент-Антуан, перед которой в те времена проходила улица Бийет и высилась церковь Святой Екатерины.

Ни один фонарь не освещал только что описанную нами часть старого Парижа. В те ночи, когда луна брала на себя освещение земли, здесь, на фоне звездного неба, четко выделялся огромный силуэт Бастилии, мрачной, величественной и неподвижной. В безлунные ночи на месте крепости виднелось лишь черное пятно густого мрака, сквозь которое там и сям пробивался бледный свет редких окон.

Описываемая нами ночь началась сильным морозом и должна была завершиться обильным снегопадом; в такую ночь ничья нога не осмеливалась ступить на растрескавшуюся землю пустыря, этого подобия дороги, ведущей в предместье, которой, как мы уже знаем, избегали запоздалые путники, предпочитавшие, безопасности ради, делать крюк. Однако опытный глаз мог бы заметить в углу, образуемом стенами Турнельского дворца, подозрительные черные тени, которые время от времени шевелились, наводя на мысль, что это какие-то бедолаги пытаются сохранить естественное тепло своих тел, с каждой минутой все более и более похищаемое у них неподвижностью, на которую они, по-видимому, сами добровольно обрекли себя в ожидании предстоящего события. Ночной мрак не позволял часовому на крепостной башне видеть, что происходит на площади, часовой также не мог слышать и разговор подозрительных теней, потому что они переговаривались шепотом. А между тем беседа их представляет для нас некоторый интерес.

– Этот бешеный Бюсси правильно нам накаркал, – сказала одна тень, – ночка сегодня вроде тех, что мы видели в Варшаве, когда король Генрих был польским королем; если так и дальше пойдет, то пророчество Бюсси сбудется – у нас кожа потрескается.

– Ну, ну, Можирон, что это ты расхныкался, как баба, – ответила другая тень. – Конечно, сейчас не жарко, но закутайся поплотней в плащ, засунь поглубже руки в карманы, и ты перестанешь зябнуть.

– Легко тебе говорить, Шомберг, – вмешалась третья тень, – сразу видно, что ты немец и сызмальства приучен к холоду. А вот у меня из губ кровь сочится, а на усах сосульки растут.

– А у меня руки мерзнут, – отозвался четвертый голос. – Могу пари держать – пальцы уже отмерзли.

– Бедненький Келюс, что же ты не захватил с собой муфту твоей маменьки? – ответил Шомберг. – Она была бы счастлива ссудить ее тебе, скажи ты ей только, что муфта поможет избавиться от ее ненаглядного Бюсси, которого она ставит на одну доску с чумой.

– Ах, боже мой, да имейте же терпение, – произнес пятый голос. – Еще минута, и, я уверен, вы будете жаловаться на жару.

– Да услышит тебя господь, д'Эпернон! – сказал Можирон, постукивая ногами.

– Это не я, – отозвался д'Эпернон, – это д'О сказал. А я молчу, боюсь, как бы слова не замерзли.

– Что ты говоришь? – спросил Келюс у Можирона.

– Д'О сказал, – ответил тот, – что пройдет минута – и нам станет жарко, а я заключил: «Да услышит тебя господь!»

– Кажется, господь его услышал, я вижу, по улице Сен-Поль что-то движется.

– Ошибаешься. Это не может быть он.

– А почему?

– Потому что он намеревался ехать не по ней.

– Ну и что из того? Разве не мог он почуять неладное и поехать другой дорогой?

– Вы не знаете Бюсси. Раз уж он сказал, по какой дороге поедет, то по ней он обязательно и поедет, даже если будет знать, что сам дьявол караулит его в засаде.

– Ну а пока что, – сказал Келюс, – там все же идут два человека.

– Верно, верно, – подхватило несколько голосов, подтверждая достоверность его наблюдения.

– В таком случае, господа, чего мы ждем? Вперед! – предложил Шомберг.

– Минуточку, – вмешался д'Эпернон, – стоит ли потрошить добрых буржуа или честную повитуху?... Ага! Они останавливаются.

Действительно, дойдя до перекрестка улиц Сен-Поль и Сент-Антуан, два человека, заинтересовавшие пятерых друзей, остановились, словно в нерешительности.

– Ну и ну! Неужели они нас увидели? – сказал Келюс.

– Откуда же? Мы и сами-то себя с трудом различаем.

– Верно, – согласился Келюс. – Гляди-ка! Гляди! Они свернули налево... остановились перед каким-то домом... чего-то ищут.

– Ей-богу, ты прав.

– Похоже, что они собираются войти, – сказал Шомберг. – Неужели мы их упустим?

– Но это не он, ведь он намеревался идти в Сент-Антуанское предместье, а эти двое вышли из улицы Сен-Поль и спустились вниз, – возразил Можирон.

– Ну а кто поручится, – настаивал Шомберг, – что эта продувная бестия не провела нас? Он мог сбить нас с толку то ли нечаянно – по забывчивости, то ли умышленно – из хитрости.

– Правда твоя, так могло случиться, – согласился Келюс.

Это предположение заставило всю компанию миньонов стремительно броситься вперед. Как свора голодных псов, они выскочили из своего убежища и, размахивая обнаженными шпагами, ринулись на двух человек, остановившихся перед дверью какого-то дома.

Один из двух незнакомцев уже повернул было ключ в замочной скважине, и дверь подавалась, но тут шум, поднятый нападающими, заставил таинственных пришельцев обернуться.

– Что там такое, д’Орильи? – спросил, оборачиваясь, тот, кто был пониже ростом. – Не на нас ли покушаются?

– Ах, монсеньор, – ответил тот, кто открывал дверь, – мне кажется, дело идет к этому. Вы сообразовали бы назвать себя или пожелаете сохранить инкогнито?

– Они вооружены! Мы в ловушке!

– Какие-нибудь ревнивцы нас выследили. Боже правый! Я говорил вам не раз – эта дама такая красotka, что непременно должна иметь поклонников.

– Войдем, д’Орильи, поторопись, лучше выдерживать осаду за дверью, чем перед дверью.

– Да, монсеньор, если только в крепости вас не ждут враги. Но кто поручится?..

Орильи не успел кончить. Миньоны короля с быстротой молнии преодолели пространство в сотню шагов, отделявшее их от двух пришельцев. Келюс и Можирон, бежавшие вдоль стены, бросились между дверью и незнакомцами, дабы отрезать им путь к отступлению. Шомберг, д’О и д’Эпернон приготовились напасть со стороны улицы.

– Смерть ему! Смерть ему! – вопил Келюс, как всегда самый неистовый из всей компании.

Вдруг тот, кого величали монсеньором и у кого спрашивали, не пожелает ли он сохранить инкогнито, повернулся к Келюсу, сделал шаг вперед и надменно скрестил руки на груди.

– Мне слышалось, вы угрожали смертью наследнику французского престола, господин де Келюс? – зловещим голосом отчеканил он.

Келюс отшатнулся, в глазах у него потемнело, колени подогнулись, руки бессильно опустились.

– Монсеньор герцог Анжуйский! – воскликнул он.

– Монсеньор герцог Анжуйский! – хором повторили все остальные.

– Ну как, мои дворянчики, – угрожающе сказал Франсуа, – будем мы еще кричать: «Смерть ему! Смерть ему!»?

– Монсеньор, – пробормотал д’Эпернон, – это была просто шутка. Простите нас.

– Монсеньор, – поддержал его д’О, – мы даже и мысли допустить не могли, что встретим ваше высочество в этом глухом квартале, на окраине Парижа.

– Шутка! – воскликнул Франсуа, не устаивая д’О ответом. – У вас странная манера шутить, господин д’Эпернон. Ну что ж, раз это не меня, то кого же тогда вы хотели заколоть шутки ради?

– Монсеньор, – почтительно сказал Шомберг, – мы видели, как Сен-Люк вышел из дворца Монморанси и направился в эту сторону. Его поведение нас удивило, и мы захотели узнать, с какой целью супруг оставляет свою жену в первую брачную ночь.

Оправдание звучало довольно правдоподобно: на следующий день герцогу Анжуйскому, по всей вероятности, донесли бы, что Сен-Люк не ночевал во дворце Монморанси и выдумка Шомберга таким образом подтвердилась бы.

– Господин де Сен-Люк? Неужели вы меня приняли за Сен-Люка, господи?

– Да, монсеньор, – в один голос ответили пятеро друзей.

– Но разве мыслимо так грубо ошибиться? – усомнился герцог Анжуйский. – Господин де Сен-Люк на целую голову выше меня.

– Это так, монсеньор, но он одинакового роста с господином д’Орильи, который имеет честь вас сопровождать, – нашелся Келюс.

– И потом, ночь такая темная, монсеньор, – подхватил Можирон.

– И еще, – того человека, который вкладывал ключ в замочную скважину, мы приняли за самого главного из вас двоих, – пробормотал д'О.

– И, наконец, – заключил Келюс, – монсеньор не может предположить, что мы осмелились бы даже помыслить против него что-нибудь дурное, что мы дерзнули бы помешать пусть даже развлечениям его высочества.

Задавая вопросы и выслушивая более или менее складные ответы, диктуемые растерянностью или страхом, Франсуа предпринял ловкий стратегический маневр: разговаривая, он шаг за шагом удалялся от порога той двери, у которой его захватили, и шаг за шагом, подобно тени, следовал за ним д'Орильи, его лютнист, его неизменный спутник в ночных похождениях. Таким образом они незаметно отошли на значительное расстояние от заветного дома, и миньонам уже не удалось бы узнать его среди других строений.

– Моим развлечениям! – с горечью воскликнул герцог. – Да откуда вы взяли, что я ищу здесь развлечений?!

– Ах, монсеньор, в любом случае, что бы вас сюда ни привело, – ответил Келюс, – простите нас. Мы тотчас же уходим.

– Хорошо. Прощайте, господа.

– Монсеньор, – счел нужным добавить д'Эпернон, – как хорошо известно вашему высочеству, мы народ не болтливый.

Герцог Анжуйский, уже сделавший было шаг, собираясь уйти, резко остановился и нахмурил брови.

– О чем вы толкуете, господин Ногарэ, и кто от вас требует, чтобы вы не болтали?

– Монсеньор, мы подумали: ваше высочество одни, в этот час, в сопровождении только своего доверенного лица...

– Ошибаетесь. Вот что следует думать, и я желаю, чтобы вы это думали, относительно того, почему я оказался здесь в столь поздний час...

Пятеро друзей застыли в глубочайшем почтительнейшем внимании.

– Я пришел сюда, – продолжал герцог Анжуйский, старательно растягивая слова, словно желая навеки запечатлеть в памяти слушателей каждый звук, – я пришел сюда посоветоваться с евреем Манасесом, он умеет гадать на стекле и кофейной гуще. Как вы знаете, Манасес проживает на улице Турнель. Д'Орильи вас заметил издали и принял за лучников, делающих обход. Тогда, – добавил принц, с особой, свойственной ему свирепой насмешливостью, которой страшились все, кто знал его характер, – как и подобает постоянным посетителям колдунов, мы попытались спрятаться: прижались к стене и хотели укрыться в дверной нише от ваших грозных взглядов.

Давая эти разъяснения, принц незаметно вышел на улицу Сен-Поль и оказался на расстоянии голоса от часовых Бастилии – предосторожность отнюдь не излишняя в случае нового нападения, возможность которого, несмотря на все клятвенные заверения и униженные извинения миньонов, герцог отнюдь не считал исключенной: ему было слишком хорошо известно, какую застарелую и глухую ненависть питает к нему его царствующий брат.

– Теперь вы знаете, чему следует верить и, главное, что следует говорить, а посему прощайте, господа. Само собой разумеется, не трудитесь меня сопровождать.

Миньоны низкими поклонами распрощались с принцем, который направился в сторону, противоположную той, куда двинулись они, и несколько раз оборачивался, дабы убедиться, действительно ли они уходят.

– Монсеньор, – обратился к принцу д'Орильи, – клянусь, эти люди замышляют недоброе. Время уже к полночи. Мы здесь, как они говорят, в глухом квартале. Вернемся побыстрей во дворец, монсеньор, вернемся немедленно.

– Нет, – сказал принц, останавливаясь, – напротив, воспользуемся их уходом.

– Ваше высочество ошибаетесь. Они и не думают уходить. Монсеньор может в этом удостовериться своими собственными глазами; взгляните, они спрятались в том убежище, откуда выскочили на нас. Видите, монсеньор, вон там, в этом закоулке на углу Турнельского дворца.

Франсуа всмотрелся в темноту, д'Орильи был совершенно прав. Все пятеро снова укрылись в том же самом углу. Несомненно, появление принца помешало им привести в исполнение какой-то замысел. И, может быть даже, они остались в этом пустынном месте с целью выследить принца и его спутника и убедиться, действительно ли те идут к еврею Манасесу.

– Итак, монсеньор, какое решение вы приняли? – спросил д'Орильи. – Я заранее подчиняюсь любому приказу вашего высочества, но, по моему разумению, оставаться здесь было бы неосторожно.

– Проклятие, – сказал принц. – До чего же досадно прекращать игру!

– Я вас вполне понимаю, монсеньор, но ведь партию можно и отложить. Я уже имел честь сообщить вашему высочеству все, что мне удалось разузнать. Дом снят на год, мы знаем, что апартаменты дамы – на втором этаже, мы достигли взаимного понимания со служанкой, у нас есть ключ от входной двери. С такими козырями на руках мы можем не спешить.

– Ты уверен, что дверь открылась?

– Совершенно уверен, к ней подошел третий ключ из тех, что я принес с собой.

– Кстати, а ты ее запер?

– Дверь?

– Да.

– Ну конечно, монсеньор.

Как бы искренно ни прозвучал ответ д'Орильи на вопрос его покровителя, мы все же должны сказать, что фаворит герцога далеко не был уверен в том, что запер дверь, хотя хорошо помнил, что открыл ее. Однако его убежденный тон не оставлял герцогу и тени сомнения ни в первом, ни во втором.

– И все же, – сказал принц, – я был бы не прочь узнать...

– Что они там делают, монсеньор? Я вам могу сказать это почти безошибочно. Они сидят в засаде и кого-то подстерегают. Уйдем отсюда. У вашего высочества немало врагов. Кто знает, что они могут вытворить?

– Ну ладно, уйдем, я согласен, но мы обязательно вернемся.

– Только не этой ночью, монсеньор. Пусть ваше высочество поймет мои страхи. Мне повсюду мерещатся засады и ловушки; я всего боюсь, и это вполне понятно, ведь я сопровождаю первого принца крови... наследника короны... а столько людей хотят, чтобы она вам не досталась.

Эти слова так подействовали на Франсуа, что он тотчас же решил отступить, но, уходя, не преминул отпустить крепкое словцо по адресу тех, кто осмелился встать на его пути, пообещав себе отплатить сторицей всем пятерым.

– Что ж тут поделаешь? – сказал он. – Вернемся во дворец. Распроклятая свадьба уже кончилась, и Бюсси должен быть там. Ему-то, наверное, посчастливилось завязать добрую ссору, и он заколот или завтра утром заколет кого-нибудь из этих постельных миньонов. Такая мысль меня несколько утешает.

– Да будет так, монсеньор, станем уповать на Бюсси. Что до меня, то я не желаю ничего лучшего. Я, как и вы, ваше высочество, полагаюсь в этом отношении на Бюсси, как на каменную стену.

И герцог со своим верным спутником отправились восвояси.

Они еще не свернули за угол улицы Жуи, как наши пятеро друзей заметили, что на углу улицы Тизон показался всадник, закутанный в длинный плащ. Копыта коня сухо и четко стучали по окаменевшей земле, и белое перо на шляпе всадника в густом ночном мраке посеребрил бледный луч луны, которому удалось прорваться сквозь сплошную пелену туч и плотный,

насыщенный дыханием близкого снегопада воздух. Всадник туго натягивал поводья, и у коня, вынужденного идти шагом, бока, несмотря на холод, были покрыты хлопьями пены.

– На этот раз он, – сказал Келюс.

– Нет, не он, – отозвался Можирон.

– Почему?

– Потому что этот один, а Бюсси мы оставили с Ливаро, д'Антрагэ и Рибейраком, они не позволили бы ему так рисковать.

– И все же это он, он, – сказал д'Эпернон. – Прислушайся, разве ты не распознаешь его звонкое «хм», взглядишь хорошенько, кто еще умеет так гордо закидывать голову? Он едет один.

– Тогда, – сказал д'О, – это ловушка.

– Ловушка или нет, в любом случае, – вмешался Шомберг, – это он, а раз так, то за шпаги, господа, за шпаги!

И действительно, всадником был Бюсси, который безмятежно ехал по улице Сент-Антуан, неотступно следуя по пути, указанному Келюсом. Как мы знаем, Сен-Люк предостерег его, и хотя слова хозяина дома заронили в душу молодого человека вполне понятную тревогу, все же, выйдя из дверей дворца Монморанси, он расстался со своими тремя друзьями. В этой беззаботности проявилось присущее Бюсси удалство, которое так ценил в себе сам доблестный полковник. Он говорил: «Я всего лишь простой дворянин, но в груди у меня сердце императора; когда я читаю в жизнеописаниях Плутарха о подвигах древних римлян, я не нахожу в античности ни одного героя, деяния которого я не мог бы повторить во всех подробностях».

К тому же Бюсси подумал, что, может быть, Сен-Люк, никогда не принадлежавший к числу его друзей, проявил о нем заботу лишь потому, что сам попал в затруднительное положение. Быть может, его предупреждение было сделано с тайным намерением напугать Бюсси, вынудить его принять излишние меры предосторожности и выставить в смешном виде перед врагами, если и в самом деле найдутся такие смельчаки, которые отважатся его подкараулить. А для Бюсси показаться смешным было страшнее, чем любая опасность. Даже у своих недругов он пользовался репутацией человека смелого до безрассудства и, стараясь поддерживать свою славу на тех вершинах, которых она достигла, шел на самые дерзостные выходки. Так же и в эту ночь, действуя по примеру героев Плутарха, он отослал домой трех товарищей – сильный эскорт, способный дать отпор целому эскадрону.

И вот теперь, в одиночестве, скрестив руки под плащом, вооруженный только шпагой и кинжалом, Бюсси ехал к дому, где его ожидало не любовное свидание, как это можно было подумать, а письмо, которое каждый месяц в один и тот же день посылала ему с нарочным королева Наваррская в память об их нежной дружбе. Бравый воин, неукоснительно выполняя обещание, данное им прекрасной Маргарите, всегда являлся в дом гонца за ее посланием ночью и без провожатых, дабы никого не скомпрометировать.

Бюсси беспрепятственно проделал часть пути от улицы Гран-Огюстен до улицы Сент-Антуан, но, когда он подъехал к улице Сен-Катрин, его настороженный, острый и приученный к темноте глаз различил во мраке у стены смутные очертания человеческих фигур, которые не заметил имевший меньшие основания быть настороже герцог Анжуйский. Не надо забывать и того, что даже человек, поистине мужественный сердцем, чуя приближение опасности, испытывает возбуждение и все его чувства, и его мозг напрягаются до предела.

Бюсси пересчитал черные тени на темной стене.

– Три, четыре, пять. Это еще без слуг, а слуги, наверное, засели где-нибудь поблизости и прибегут на подмогу по первому зову. Сдается мне, эти господа с должным почтением относятся к моей особе. Вот дьявол! Для одного человека дела тут выше головы. Так, так! Значит, благородный Сен-Люк меня не обманул, и если он даже первый проткнет мое брюхо в драке, все равно я скажу ему: «Спасибо за предупреждение, приятель!»

Рассуждая сам с собой, Бюсси продолжал двигаться вперед: его правая рука спокойно лежала под плащом, а левой он расстегнул пряжку у плаща.

И тут Шомберг крикнул: «За шпаги!», его товарищи повторили этот клич, и все пятеро выскочили на дорогу перед Бюсси.

– А, вот оно что, господа, – раздался резкий, но спокойный голос Бюсси, – видно, нашего бедного Бюсси собираются заколоть. Так это он тот дикий зверь, тот славный кабан, на которого вы собирались поохотиться? Что ж, прекрасно, господа, кабан еще распорет брюхо кое-кому из вас, клянусь вам в этом, а вы знаете, что я не трачу клятв попусту.

– Пусть так! – ответил Шомберг. – И все же ты невежа, сеньор Бюсси д'Амбуаз. Ты разговариваешь с нами, пешими, восседая на коне.

При этих словах рука молодого человека, затянутая в белый атлас, выскользнула из-под плаща и блеснула в лунном свете, как серебряная молния. Бюсси не понял смысла этого жеста, хотя и почуял в нем угрозу. Поэтому он хотел было, по своему обычаю, ответить дерзостью на дерзость, но, вонзив шпоры в брюхо лошади, почувствовал, что она пошатнулась и словно осела под ним. Шомберг с присущей ему ловкостью, не раз подтвержденной в многочисленных поединках, которые он, несмотря на юные годы, уже имел на своем счету, метнул нож с широким клинком, более тяжелым, чем рукоятка, и это страшное оружие, перерезав скакательный сустав коня, застряло в ране, как топор в стволе дерева.

Бедное животное глухо заржало, дернулось всем телом и упало на подогнувшиеся колени.

Бюсси, как всегда готовый к любым неожиданностям, молниеносно соскочил на землю со шпагой в руке.

– А, негодяи! – вскричал он. – Это мой любимый конь, вы мне за него дорого заплатите.

Шомберг смело ринулся вперед, но при этом плохо рассчитал длину шпаги Бюсси, которую наш герой держал прижатой к туловищу, – так можно ошибиться в дальности броска свернувшейся спиралью ядовитой змеи, – рука Бюсси внезапно развернулась, словно туго сжатая пружина, и шпага проколола Шомбергу бедро.

Раненый вскрикнул.

– Отлично, – сказал Бюсси. – Вот я и сдержал свое слово. У одного шкура уже продырявлена. Тебе надо было подрезать шпагу Бюсси, а не сухожилия его лошади, растяпа.

И пока Шомберг перевязывал носовым платком раненую ногу, Бюсси с быстротою молнии бросился в бой, острие его длинной шпаги то сверкало у самых глаз, то чуть не касалось груди его противников. Он бился молча, ибо позвать на помощь, а следовательно, признаться в своей слабости, было бы недостойно имени, которое он носил. Бюсси ограничился тем, что обмотал свой плащ вокруг левой руки, превратив его в щит, и отступил на несколько шагов, но не замышляя спастись бегством, а рассчитывая добраться до стены, к которой можно было бы прислониться и, таким образом, прикрыть себя от нападения с тыла. При этом он не переставал вертеть шпагой во все стороны и каждую минуту делал добрый десяток выпадов, порой ощущая мягкое сопротивление живой плоти, свидетельствующее, что удар достиг цели. Вдруг он поскользнулся и невольно взглянул себе под ноги. Этим мгновенно воспользовался Келюс и нанес ему удар в бок.

– Попал! – радостно закричал Келюс.

– Как же – в плащ, – ответил Бюсси, не желавший признаться, что он ранен. – Только трусы так попадают.

И, прыгнув вперед, он выбил из рук Келюса шпагу с такой силой, что она отлетела на десять шагов в сторону. Однако Бюсси не удалось воспользоваться плодами этой победы, так как в тот же миг на него с удвоенной яростью обрушились д'О, д'Эпернон и Можирон. Шомберг перевязал рану, Келюс подобрал шпагу, и Бюсси понял: сейчас он будет окружен, в его распоряжении остается не более минуты, если за эту минуту он не доберется до стены – он погиб.

Бюсси отпрыгнул назад, положив расстояние в три шага между собой и своими противниками; четыре шпаги устремились вослед и быстро догнали его, но слишком поздно: он успел сделать еще один скачок и прислониться к стене. Тут он остановился, сильный, как Ахилл или Роланд, встречая улыбкой бурю ударов и проклятий, которые обрушились на его голову.

Внезапно он почувствовал, что лоб его покрылся испариной, а в глазах помутилось.

Бюсси совсем позабыл о своей ране, и эти признаки близящегося обморока напомнили ему о ней.

– Ага, ты слабеешь, – крикнул Келюс, учащая удары.

– Суди сам, – сказал Бюсси, – вот, получай!

И эфесом шпаги он хватил Келюса в висок. От удара этой железной руки миньон короля навзничь рухнул на землю.

И потом, возбужденный, разъяренный, словно дикий вепрь, который, отбросив насевших на него собак, сам кидается на своих врагов, Бюсси издал яростный вопль и ринулся вперед. Д'О и д'Эпернон отступили, Можирон поднял Келюса с земли и поддерживал его; Бюсси каблуклом сломал шпагу Келюса и колющим ударом ранил д'Эпернона в предплечье. Одно мгновение казалось, что он победил. Но Келюс пришел в себя, а Шомберг, несмотря на рану, присоединился к товарищам, и снова четыре шпаги засверкали перед Бюсси. Бюсси вторично почувствовал себя на краю гибели. Он напрягся до предела и, шаг за шагом, снова начал отходить к стене. Ледяной пот на лбу, глухой звон в ушах, кровавая пелена, застилающая глаза, – все свидетельствовало, что силы его исчерпаны. Шпага ему не повиновалась, мысли путались. Вытянутой назад левой рукой он нащупал стену и, прикоснувшись к ее холодной поверхности, почувствовал некоторое облегчение, но тут, к его великому удивлению, стена поддалась под его рукой. То была не стена, а незапертая дверь.

Тогда Бюсси воспрянул духом и, понимая, что наступает решающий миг, собрал последние остатки сил. Он так стремительно и с такой яростью атаковал своих противников, что они либо опустили шпаги, либо отвели их в сторону. Воспользовавшись этой мгновенной передышкой, Бюсси проскользнул в дверной проем и, повернувшись, толкнул дверь резким ударом плеча. Щелкнул замок. Теперь все было позади. Смертельная опасность миновала. Бюсси победил, потому что сумел остаться в живых.

Затуманенным радостью глазом он прижался к дверному окошечку и сквозь частую решетку увидел бледные, растерянные, злые лица своих врагов. Сначала раздался глухой стук – это шпаги со всего маху вонзались в толстую деревянную дверь, затем загревели крики бешенства и безрассудные вызовы. И тогда Бюсси почувствовал, что земля уходит из-под ног и стена шатается. Он сделал три шага вперед и оказался в какой-то прихожей, затем повернулся кругом и упал навзничь на ступеньки лестницы. Ему показалось, что он падает в глубокую, темную яму. И больше Бюсси ничего не чувствовал.

Глава III

О том, как иногда бывает трудно отличить сон от яви

Прежде чем потерять сознание, Бюсси успел засунуть носовой платок под рубашку и сверху прижать его перевязью от шпаги, соорудив таким образом некое подобие повязки на глубокую и пылающую рану, откуда вытекала горячая струя крови. Но к тому времени он уже потерял много крови, и обморок, о котором мы рассказали в предыдущей главе, был неизбежен.

Однако то ли в возбужденном от боли и гнева мозгу раненого, несмотря на глубокий обморок, все еще теплилось сознание, то ли обморочное состояние на некоторое время сменилось лихорадкой, которая, в свою очередь, уступила место новому обмороку, но вот что он увидел или что привиделось ему за этот миг бодрствования или сна, – мгновение сумерек, промелькнувшее между мраком двух ночей.

Он лежит в какой-то комнате, обставленной мебелью резного дерева, стены комнаты покрыты гобеленами с изображениями людей, потолок расписан. Люди на гобеленах стоят в самых разнообразных позах: одни держат в руках цветы, другие – копья; кажется, будто они вышли из стен и толпятся, пытаясь по какой-то невидимой лестнице взобраться на потолок. В проеме между окнами висит портрет женщины, напоенный светом, однако Бюсси чудится, что рамкой портрету служит дверной наличник. Бюсси лежит неподвижно, словно прикованный к своему ложу сверхъестественной силой, лишенный возможности даже пошевелиться, утратив все свои чувства, кроме зрения, и с нежностью смотрит на окружающие его человеческие фигуры. Его восхищают и жеманные улыбки дам с цветами в руках, и неестественно бурный гнев кавалеров, вооруженных шпагами. Видит он эти фигуры впервые или где-то они уже ему встречались? Этого он не может понять, мыслям мешает ощущение тяжести в голове.

Вдруг ему кажется, что портрет ожил, восхитительное создание вышло из рамы и приближается к нему; на женщине длинное белое платье, подобное одеяниям ангелов, белокурые волосы волнами ниспадают на плечи, глаза под густыми бархатистыми ресницами сверкают, как черная яшма, кожа настолько тонка, что, кажется, можно увидеть, как под ней переливается кровь, окрашивая ее в нежный розовый цвет. Дама с портрета сияет волшебной красотой, ее протянутые руки манят Бюсси. Он судорожно пытается вскочить с постели и упасть к ногам незнакомки, но его удерживают на ложе узы, подобные тем, которые держат брненное тело в могиле, пока душа, пренебрегая земным притяжением, возносится в небеса.

Это досадное чувство скованности заставляет Бюсси обратить внимание на постель, где он лежит. Он видит великолепную кровать резного дерева, из тех, что изготовлялись во времена Франциска I, балдахин у нее из белого шелка, тканного золотом.

При виде женщины Бюсси перестает интересоваться фигурами на стенах и потолке. Незнакомка с портрета становится для него всем, он пытается разглядеть пустое место, которое должно было бы остаться в раме. Однако какое-то облачко, непроницаемое для глаз, плавает перед рамой и скрывает ее из виду, тогда Бюсси переносит свой взор на таинственное видение и весь сосредоточивается на этом чудесном образе. Он пробует обратиться к нему с мадригалом, которые имел обыкновение слагать в честь прекрасных дам.

Но внезапно женщина исчезает, чья-то темная фигура закрывает ее от Бюсси. Эта фигура неуверенно движется вперед, вытянув перед собой руки, словно игрок в жмурки, которому выпало водить.

Кровь ударяет в голову Бюсси, раненый приходит в такое неистовство, что, будь он только в состоянии двигаться, он немедленно бросился бы на непрошеного гостя; по правде говоря, он даже пытается броситься, но не может пошевелить ни рукой, ни ногой.

Пока Бюсси тщетно порывается встать с постели, к которой его словно приковали, незнакомец говорит:

– Уже все? Я пришел наконец?

– Да, мэтр, – отвечает ему голос, такой нежный, что все фибры сердца Бюсси трепещут, – вы можете снять повязку.

Бюсси силится приподнять голову, он хочет взглянуть, не даме ли с портрета принадлежит этот дивный голос, но его попытка не увенчивается успехом. В поле зрения Бюсси – только молодой, ладный мужчина, который, повинувшись сделанному ему приглашению, снял с глаз повязку и растерянно оглядывает комнату.

«Пусть убирается к дьяволу», – думает Бюсси. И хочет выразить свою мысль словами или жестом, но ни голос, ни руки ему не повинуются.

– А, вот теперь я понимаю! – восклицает молодой мужчина, приближаясь к постели. – Вы ранены, не так ли, мой любезный господин? Ну что ж, попробуем вас заштопать.

Бюсси рад бы ответить, но знает, что для него это невозможно. Глаза его застилает ледяной туман, и словно тысячи острых иголок вбиваются в кончики пальцев.

– Неужели рана смертельна? – слышит он все тот же нежный голос, исполненный такого горестного сочувствия, что у Бюсси выступают на глазах слезы, теперь уже он не сомневается – голос принадлежит даме с портрета.

– Еще не знаю, сударыня, минуту терпения, и я отвечу на ваш вопрос, – говорит молодой мужчина, – а пока что он опять сознание потерял.

И это было все, что смог разобрать Бюсси, ему еще показалось, что он слышит удаляющееся шуршание юбки, потом ему, словно раскаленным железом, пронзили бедро, и последние искры сознания, еще тлевшие в его мозгу, разом потухли.

Впоследствии Бюсси никак не мог определить, какое время продолжался его обморок.

Когда он очнулся, холодный ветер обдувал ему лицо, слух царапали какие-то хриплые и крикливые голоса. Он открыл глаза – посмотреть, не фигуры ли это с гобеленов пререкаются с фигурами на потолке, и, рассчитывая найти портрет на месте, завертел головой в разные стороны. Но не было ни гобеленов, ни потолка, да и сам портрет исчез бесследно. Справа от Бюсси стоял мужчина в серой блузе и повязанном вокруг пояса белом, замаранном кровью переднике, слева монах из монастыря Святой Женевьевы, склонившись, поддерживал ему голову, прямо перед Бюсси какая-то старуха бормотала молитвы.

Блуждающий взор молодого человека вскоре остановился на возвышавшейся впереди каменной стене, скользнул вверх по ней, измеряя высоту, и раненый узнал Тампль, угловую башню Бастилии. Холодное, блеклое небо над Тамплем робко золотили первые лучи восходящего солнца.

Бюсси лежал просто-напросто на улице или, вернее, на краю рва, и этот ров был ровом Тампля.

– Ах, благодарю вас, добрые люди, что взяли на себя труд принести меня сюда, – сказал Бюсси. – Мне не хватало воздуха, но ведь можно было открыть окна в комнате, мне было куда покойнее там – на моей постели с белыми с золотом занавесками, чем здесь – на сырой земле. Ну да не в этом дело... У меня в кармане, если только вы не позаботились сами расплатиться с собой за свои труды, что было бы весьма предусмотрительно с вашей стороны... так вот у меня в кармане найдется десятка два золотых экю. Они ваши, друзья мои, забирайте их.

– Но, сиятельный господин, – сказал мясник, – мы вовсе не переносили вас сюда, вы лежали здесь, на этом самом месте, мы шли мимо рано утром и увидели вас.

– Вот дьявол, – выругался Бюсси, – а молодой лекарь тут был?

Присутствующие переглянулись.

– Все еще бредит, – заметил монах, сокрушенно качая головой.

Затем он обратился к Бюсси:

– Сын мой, я думаю, что вам подобало бы исповедаться.

Бюсси испуганно посмотрел на монаха.

– Тут не было никакого лекаря, наш бедный добрый молодой человек, – запричитала старуха. – Вы лежали здесь один-одинешенек и холодный, как покойничек. Гляньте, вокруг вас все снежком запорошило, а под вами земля черная.

Бюсси почувствовал боль в боку, вспомнил, что получил удар шпагой, просунул руку под плащ и нащупал перевязь, а под ней на ране – носовой платок, на том самом месте, куда он его подложил накануне.

– Ничего не понимаю, – сказал он.

Воспользовавшись полученным разрешением, все, кто стоял около Бюсси, не мешкая, поделили между собой содержимое кошелька, осыпая его владельца громкими выражениями сочувствия.

– Ладно, – сказал Бюсси, когда дележка закончилась, – все это прекрасно, друзья мои. Ну а сейчас доставьте меня домой.

– Ах, будьте покойны, будьте покойны, бедный добрый молодой человек, – затараторила старуха, – мясника бог силушкой не обидел, а потом – он и лошадь держит и может вас на нее посадить.

– Правда? – спросил Бюсси.

– Святая правда, – отозвался мясник, – и я сам, и мой коняга готовы вам служить.

– И все-таки, сын мой, – сказал монах, когда мясник отправился за своим конем, – я посоветовал бы вам свести счеты с господом.

– Как вас величают, святой отец? – спросил Бюсси.

– Меня зовут брат Горанфло.

– Послушай-ка, братец Горанфло, – сказал Бюсси, усаживаясь, – я надеюсь, что эта минута для меня еще не наступила. К тому же, отче, я тороплюсь. Я совсем замерз и хотел бы уже быть у себя во дворце и согреться.

– А как называется ваш дворец?

– Дворец Бюсси.

– Как! Дворец Бюсси?

– Ну и что тут удивительного?

– Значит, вы из людей Бюсси?

– Я сам Бюсси, собственной персоной.

– Бюсси! – завопила толпа. – Сеньор де Бюсси! Храбрый Бюсси! Бич миньонов! Да здравствует Бюсси!

И на плечах собравшегося простонародья молодой человек был с почетом доставлен в свой дворец, а монах, на ходу пересчитывая золотые экю, доставшиеся на его долю, покачивал головой и бормотал:

– Если это тот самый головорез Бюсси, то я не удивляюсь, что он не пожелал исповедаться.

Вернувшись в свой дворец, Бюсси велел позвать хирурга, который его обычно пользовал. Эскулап нашел рану несерьезной.

– Скажите мне, – обратился к нему Бюсси, – этой раной уже кто-нибудь занимался?

– По правде говоря, я не могу это утверждать, хотя, пожалуй, рана выглядит очень свежей.

– А могла ли она вызвать бред?

– Конечно.

– Вот дьявол, – выругался Бюсси. – И все же – эти фигуры с цветами и копьями, расписной плафон, резная кровать с шелковыми занавесками, белыми с золотом, портрет очаровательной черноглазой блондинки, лекарь, который играл в жмурки и которому я чуть было не крикнул:

«Горячо!», неужели все это бред, а в действительности была лишь драка с миньонами? Тогда – где же я дрался? Ах да, вспомнил. Возле Бастилии, около улицы Сен-Поль. Я прислонился к стене, но это была не стена, а дверь, и, на мое счастье, она открылась. Я с трудом ее закрыл. А потом я оказался в прихожей и тут потерял сознание, и больше ничего не помню. Может быть, мне все привиделось, вот в чем вопрос! Да, кстати, а мой конь? Ведь там, на месте боя, должны были подобрать моего убитого коня. Доктор, прошу вас, кликните кого-нибудь.

Врач позвал слугу.

Бюсси расспросил пришедшего и узнал, что конь, искалеченный, истекающий кровью, на рассвете притащился домой и ржанием разбудил челядинцев. Тотчас же во дворце подняли тревогу, люди Бюсси, боготворившие своего господина, ни минуты не медля, бросились на розыски, и большая часть их еще не вернулась.

– Значит, бредом был только портрет, – рассуждал Бюсси, – и, наверное, он действительно мне привиделся. Разве мыслимо, чтобы портрет выходил из рамы и беседовал с лекарем, у которого завязаны глаза? Да я просто рехнулся! И все же, как мне помнится, дама на портрете была восхитительна. У нее...

И Бюсси начал вызывать в воображении женский образ во всех подробностях; страстная дрожь – трепет любви, который согревает и будоражит душу, – с бархатистой мягкостью скользнула по его груди.

– И все это мне привиделось! – горестно воскликнул Бюсси, пока хирург перевязывал его рану. – Смерть Христова! Это просто немыслимо. Таких снов не бывает! Ну-ка, повторим еще раз.

Бюсси принялся в сотый раз восстанавливать в памяти случившееся.

– Я был на балу. Сен-Люк меня предупредил, сказал, что у Бастилии меня подкарауливают. Со мной были Антрагэ, Рибейрак и Ливаро. Я их отослал. Поехал по набережной мимо Гран-Шатле и дальше. У Турнельского дворца заметил людей, которые меня поджидали. Они напали на меня, искалечили подо мной лошадь. Мы крепко бились. Я оказался в прихожей. Тут мне стало плохо, а потом... Ах, вот это «а потом» меня и убивает! После этого «а потом» – лихорадка, бред, видение... А потом, – вздохнул Бюсси, – я очнулся на откосе рва у Тампля, там женевьевский монах во что бы то ни стало хотел меня исповедовать. Все равно я все узнаю, – заверил Бюсси самого себя после минутного молчания, в течение которого он снова перебрал свои воспоминания, одно за другим. – Доктор, неужели из-за этой царапины мне опять придется торчать в четырех стенах пятнадцать дней безвыходно, как в прошлый раз?

– Смотря по обстоятельствам. Да и сможете ли вы двигаться?

– Это я-то не смогу? Совсем напротив. У меня ноги так и рвутся ступить на пол.

– Ну-ка, сделайте несколько шагов.

Бюсси легко спрыгнул с постели и довольно бодро описал круг по комнате, представив наглядное доказательство того, что он уже далеко продвинулся на пути к исцелению.

– Годится, – сказал хирург, – если только вы в первый же день не сядете на коня и не проскачете десять лье.

– Вот это по-моему! – воскликнул Бюсси. – Вы лучший из докторов. Однако прошлой ночью я видел другого медика. Да, да, отлично видел, весь его облик врезался мне в память, и, если мне доведется с ним повстречаться, я его узнаю с первого взгляда. Уверю вас.

– Мой дорогой сеньор! Я вам советую не тратить время на розыски, после ранения шпагой всегда лихорадит, вы бы должны знать это, ведь у вас на теле уже двенадцатая отметина.

– Ах, боже мой! – неожиданно вскричал Бюсси, который все это время не переставая искал объяснений тайнам прошлой ночи и вдруг был поражен новой мыслью. – Может быть, мой сон начался перед дверью, а не за дверью? Может, не было ни прихожей, ни лестницы, как не было ни кровати с белыми и золотыми занавесками, ни портрета? Может, эти негодяи сочли меня мертвым и тихохонько оттащили в ров Тампля, чтобы сбить с толку возможных

свидетелей? Тогда я, конечно, видел все остальное в бреду. Святый боже! Если это так, если это они подсунули мне видение, которое меня так волнует, мучит, убивает, то, клянусь, я выпущу кишки им всем, от первого до последнего.

– Мой дорогой сеньор, – прервал его лекарь, – коли вы желаете быстрого исцеления, вам не следует так расходиться.

– Разумеется, исключая нашего славного Сен-Люка, – продолжал Бюсси, не слушая лекаря. – Он показал себя настоящим другом. Поэтому ему первому я нанесу сегодня визит.

– Только не раньше пяти часов вечера, – заметил лекарь.

– Согласен, – ответил Бюсси. – Однако, уверяю вас, мое выздоровление пойдет быстрее, если я буду выходить и навещать друзей, а если останусь здесь в тиши и в одиночестве, болезнь может затянуться.

– Возможно, вы и правы, – согласился хирург, – ведь вы во всех отношениях не похожи на других больных. Ну что ж, действуйте по своему усмотрению, монсеньор. Я дам вам только один совет: постарайтесь, пожалуйста, чтобы вас не проткнули еще раз, прежде чем эта ваша рана не затянется полностью.

Бюсси пообещал сделать все, что будет в его силах, оделся, приказал подать носилки и отправился во дворец Монморанси.

Глава IV

О том, как бывшая девица де Бриссак, а ныне госпожа де Сен-Люк провела свою первую брачную ночь

Луи де Клермон, более известный под именем Бюсси д'Амбуаз, которого Брантом, его кузен, причислял к великим полководцам XVI века, был красивым мужчиной и образцом благородства. С древних времен ни один смертный не одерживал более славных побед. Короли и принцы наперебой домогались его дружбы. Королевы и принцессы сберегали для него свои самые благосклонные улыбки. Бюсси унаследовал от де Ла Моля нежную привязанность Маргариты Наваррской, и добрая королева, обладавшая любвеобильным сердцем и, после уже описанной нами смерти своего избранника, несомненно нуждавшаяся в утешении, натворила ради отважного красавца Бюсси д'Амбуаза столько безумств, что даже встревожила Генриха, своего супруга, хотя всем известно, как мало значения придавал король Наваррский женским выходкам. Известно также, что герцог Анжуйский никогда не простил бы Бюсси любовь сестры, если бы не считал, что эта любовь побудила нашего героя стать его, герцога, приверженцем. И на этот раз Франсуа снова пожертвовал своим чувством в угоду глухому и нерешительному честолюбию, которое должно было причинить ему так много неприятностей в жизни и принести так мало плодов.

Но в гуще военных подвигов, честолюбивых замыслов и любовных интриг Бюсси сохранял душу, недоступную человеческим слабостям: он не ведал страха, да и любви ему не довелось испытать, по крайней мере до того дня, с которого мы начали наше повествование. Его сердце – он сам называл его сердцем императора, оказавшимся в груди простого дворянина, – сохраняло девственную чистоту и было подобно алмазу, только что извлеченному на свет божий из недр шахты, где он вызревал, и еще не прошедшему через руки гранильщика. Но в сердце Бюсси не было места помыслам, которые и в самом деле могли бы привести нашего героя на императорский трон. Он полагал себя достойным короны, но был достоин чего-то большего, и корона служила ему только мерилом жизненного успеха.

Сам Генрих III предложил Бюсси свою дружбу, однако Бюсси отклонил королевскую милость, сказав, что друзьям короля приходится быть его слугами, а может, кое-чем и похуже, а такие условия ему, Бюсси, не подходят. Генриху III пришлось молча проглотить обиду, усугубленную еще и тем, что Бюсси выбрал себе в покровители герцога Анжуйского. Впрочем, последний был повелителем Бюсси в той же мере, в коей владелец зверинца может считаться повелителем льва. Ведь хозяин зверинца лишь обслуживает и кормит благородного зверя, дабы тот не растерзал его самого. Вот таким был и Бюсси, которого Франсуа использовал как орудие расправы со своими личными недругами. Бюсси понимал это, но подобная роль его устраивала. Бюсси выбрал себе девиз, напоминающий девиз Роганов, гласивший: «Королем я не могу быть, принцем – не хочу, Роган я есмь». Бюсси говорил себе: «Я не могу быть королем Франции, но герцог Анжуйский хочет и может им быть, я буду королем герцога Анжуйского».

И в самом деле он был им.

Когда люди Сен-Люка увидели, что ко дворцу Монморанси приближаются носилки этого ужасного Бюсси, они со всех ног бросились предупреждать господина де Бриссака.

– Что, господин де Сен-Люк у себя? – осведомился Бюсси, высовывая голову из-за занавесок.

– Нет, сударь, – сказал привратник.

– А где он сейчас?

– Не знаю, сударь, – отвечал достойный страж. – Нынче у нас во дворце никто места себе не находит. Господин де Сен-Люк со вчерашнего вечера не возвращался домой.

– Да неужели! – воскликнул удивленный Бюсси.

– Все так, как я имел честь вам доложить.

– Ну а госпожа де Сен-Люк?

– О! Госпожа де Сен-Люк – это другое дело.

– Она-то дома?

– Да.

– Передайте, что я буду счастлив, ежели она позволит мне лично засвидетельствовать ей свое почтение.

Спустя пять минут посланец вернулся и сообщил, что госпожа де Сен-Люк будет рада видеть господина де Бюсси.

Бюсси слез с бархатных подушек и поднялся по парадной лестнице. Жанна де Коссе вышла к неожиданному гостю и встретила его посередине парадной залы.

Она была смертельно бледна, черные, как вороново крыло, волосы придавали этой бледности желтоватый оттенок, подобный цвету слоновой кости; глаза покраснели от треволнений бессонной ночи, а на щеке можно было заметить серебристый след еще не высохшей слезы. Бледность лица хозяйки дома вызвала у Бюсси улыбку, и он даже начал было складывать мадригал в честь стыдливо опущенных глазок, но приметы глубокого горя, явственно различимые на лице молодой женщины, заставили его прервать импровизацию.

– Добро пожаловать, господин де Бюсси, – приветствовала гостя Жанна, – хотя, я думаю, вы появились здесь не с добрыми вестями.

– Соболаговолите объясниться, сударыня, – попросил Бюсси. – Каким образом ваш покорный слуга может быть недобрым вестником в этом доме?

– Ах, но разве минувшей ночью вы не дрались на дуэли с Сен-Люком? Ведь я права? Признайтесь.

– Я, с Сен-Люком? – удивленно переспросил Бюсси.

– Да, с Сен-Люком. Он покинул меня, чтобы поговорить с вами. Вы держите сторону герцога Анжуйского, он – короля. Вот вы и поссорились. Не скрывайте от меня ничего, господин де Бюсси, умоляю вас. Вы должны понять мои страхи. Он уехал с королем, это верно, но ведь он мог проводить короля и где-нибудь встретиться с вами. Скажите мне правду, что случилось с господином де Сен-Люком?

– Сударыня, – сказал Бюсси, – поистине, я не верю своим ушам. Я ждал, что вы поинтересуетесь, оправился ли я после ранения, а вы мне учиняете допрос с пристрастием.

– Сен-Люк вас ранил? Значит, он дрался с вами! – воскликнула Жанна. – Ах, вы сами видите?

– Да нет же, сударыня, он не дрался, наш дорогой Сен-Люк. Во всяком случае, дрался не со мной, никоим образом не со мной, и, благодарение богу, это не он меня ранил. Больше того, он сделал все возможное, чтобы спасти меня от этой раны. Впрочем, ведь он сам должен был вам рассказать, что отныне мы с ним вроде как Дамон и Пифий.

– Он сам! Но как же он мог мне что-нибудь рассказать, если с тех пор я его больше не видела?

– Вы его больше не видели? Значит, привратник не солгал?

– Что он вам сказал?

– Что господин де Сен-Люк вышел из дому в одиннадцать часов и не вернулся... Значит, с одиннадцати часов ночи вы не видели своего супруга?

– Увы, не видела.

– Но где он может быть?

– Вот об этом я у вас и спрашиваю.

– Черт побери! Расскажите мне все по порядку, сударыня, – сказал Бюсси, уже начавший подозревать причину внезапного исчезновения Сен-Люка, – это просто прелестно...

Бедная женщина взглянула на него, оцепенев от изумления.

– Нет, нет. Я хотел сказать – это весьма прискорбно, – поправился Бюсси. – Я потерял много крови и поэтому иногда заговариваюсь и несу черт знает какой вздор. Поведайте же мне эту горестную историю. Прошу вас, сударыня, говорите.

И Жанна рассказала все, что ей было известно: как Генрих III приказал Сен-Люку сопровождать его королевскую особу в Лувр, и как двери Лувра закрылись, и как начальник караула сказал, что из дворца больше никто не выйдет, и как действительно в ту ночь из королевского дворца никто больше не вышел.

– Прекрасно, – сказал Бюсси. – Я понимаю.

– Как! Вы понимаете?

– Да. Его величество увез Сен-Люка в Лувр, и, войдя в Лувр, Сен-Люк уже не смог оттуда выбраться.

– А кто его не пустил?

– Проклятие! – сказал Бюсси в затруднении. – Вы требуете от меня разглашения государственной тайны.

– Но ведь я сама ходила туда, в Лувр, и мой отец тоже.

– Ну и как?

– Часовые нам ответили, что они не понимают, чего мы хотим, по их словам, Сен-Люк должен был уже вернуться домой.

– Это еще раз убеждает меня в том, что господин де Сен-Люк в Лувре, – сказал Бюсси.

– Вы так думаете?

– Я в этом уверен, и, если вы пожелаете, вы тоже сможете в этом удостовериться.

– Каким образом?

– Увидеть своими собственными глазами.

– Разве это возможно?

– Вне всякого сомнения.

– Но если я явлюсь во дворец, меня отошлют обратно, как один раз уже отослали, и с теми же самыми словами, которые я уже слышала. Если он там, то почему меня к нему не пускают?

– Я спрашиваю – вы хотите проникнуть в Лувр?

– Но для чего?

– Увидеть Сен-Люка.

– Ну а если его там нет?

– Э, смерть Христова, я вам говорю – он там.

– Как все это странно!

– Нет, это по-королевски.

– Но вы-то сами, разве вы можете войти в Лувр?

– Конечно. Ведь я не жена Сен-Люка.

– Вы меня искушаете.

– Решайтесь. Пойдемте со мной.

– Как вас понять? Вы говорите, что жене Сен-Люка вход в Лувр воспрещен, а сами хотите ее туда ввести.

– Ни в коем случае, сударыня. Я хочу взять с собой вовсе не жену Сен-Люка. Женщину! Вот еще!

– Значит, вы смеетесь надо мной, а я в таком горе. Как это жестоко с вашей стороны!

– Что вы, любезная графиня, прошу вас – выслушайте меня. Вам двадцать лет, вы высокого роста, у вас черные глаза и стройная талия, вы очень похожи на самого юного из моих пажей... На того милого мальчика, которому вчера вечером так к лицу была золотая парча, понимаете?

– Ах, какой стыд, господин де Бюсси! – краснея, воскликнула Жанна.

– Послушайте, я располагаю только этой возможностью, других у меня нет. Надо либо прибегнуть к ней, либо отказаться от нее. Вы хотите видеть вашего дорогого Сен-Люка? Да или нет?

– О! За свидание с ним я отдала бы все на свете.

– Ладно. Я обещаю свести вас с ним и ничего не прошу от вас взамен.

– Да... но...

– Я вам объяснил, как это произойдет.

– Ну хорошо, господин де Бюсси, я сделаю все, как вы хотите. Только предупредите, пожалуйста, вашего юношу, что мне потребуется один из его костюмов и что я пришлю за ним служанку.

– Не надо присылать. Я велю показать мне новехонькие наряды, которые я заказал для своих бездельников, чтобы они могли блеснуть на балу у королевы-матери. Тот костюм, который, по моему разумению, больше всего подойдет к вашей фигуре, я отошлю вам. А потом мы встретимся в каком-нибудь условленном месте, ну, например, нынче вечером на углу улиц Сент-Оноре и Прувэр, и оттуда...

– Оттуда?

– Ну да. Оттуда мы с вами отправимся прямехонько в Лувр.

Жанна рассмеялась и протянула Бюсси руку.

– Простите мои подозрения, – сказала она.

– Охотно. Вы даете мне возможность сыграть знатную шутку, которая развеселит всю Европу. Это я ваш должник, сударыня.

И, раскланявшись с молодой женщиной, он поспешил в свой дворец, заняться приготовлением к маскараду.

Вечером, в условленный час, Бюсси и госпожа де Сен-Люк встретились у заставы Сержан. Бюсси не узнал бы молодую женщину, не будь она одета в костюм его собственного пажа. В мужском наряде Жанна была очаровательна. Обменявшись несколькими словами, сообщники направились к Лувру.

В конце Фосе-Сен-Жермен-л'Оксеруа им встретила довольно многочисленная толпа, которая заняла всю улицу и загрозила проход.

Жанна испугалась. Бюсси по факелам и аркебузам узнал людей герцога Анжуйского, впрочем, и самого герцога нетрудно было распознать по буланому коню и по белому бархатному плащу, который он любил надевать при выездах в город.

– Ну вот, – сказал Бюсси, оборачиваясь к Жанне, – вы боялись, мой милый паж, что вас не пустят в Лувр. Теперь будьте спокойны, вы вступите туда с музыкой. – Эй, монсеньор! – воззвал он к герцогу Анжуйскому во всю мощь своих легких.

Крик Бюсси пролетел над улицей, не затерявшись в нестройном гуле голосов и конском топоте, и достиг высочайшего слуха.

Принц повернул голову.

– Это ты, Бюсси, – обрадованно воскликнул он, – а мне сказали, ты ранен насмерть! И по этому случаю я сейчас направляюсь к тебе на улицу Гренель.

– Честное слово, монсеньор, – ответил Бюсси, даже не подумав поблагодарить принца за проявленное к нему внимание, – я остался жив только благодаря самому себе. По правде сказать, монсеньор, вы меня засунули в отменный капкан и бросили там на произвол судьбы. Вчера после бала у Сен-Люка я угодил в настоящую резню. Кроме меня, никого из анжуйцев там не было, и, по чести, мне чуть было не выпустили всю кровь, какая только есть в моем теле.

– Смертью клянусь, Бюсси, они за нее дорого заплатят, за твою кровь. Я их заставлю пересчитать каждую каплю.

– Ну да, все это на словах, – с присущей ему развязностью возразил Бюсси, – а на деле вы по-прежнему будете расточать улыбки перед любым из них, кто попадется вам навстречу. Хоть бы, улыбаясь, вы им клыки показывали, а то ведь вы всегда плотно сжимаете губы.

– Ладно, ладно, – сказал принц, – ты пойдешь со мной в Лувр и сам увидишь.

– Что я увижу, монсеньор?

– Увидишь, как я буду говорить с моим братом.

– Послушайте, монсеньор, я не пойду в Лувр, если эта прогулка сулит мне какое-нибудь новое оскорбление. Сносить оскорбления – это годится для принцев крови и для миньонов.

– Будь спокоен. Я принял твою рану близко к сердцу.

– Но обещаете ли вы мне полное удовлетворение?

– Клянусь, ты останешься доволен. Ну что, ты все еще колеблешься?

– Монсеньор, я вас так хорошо изучил.

– Сказано тебе, пойдем; об этом заговорят.

– Вот ваше дело и сделано, – шепнул Бюсси на ухо графине. – Между обоими милыми братцами, которые терпеть не могут друг друга, начнутся бурные препирательства, а вы тем временем разыщете своего ненаглядного муженька.

– Ну как, – спросил герцог, – решился ты наконец? Может быть, ждешь, пока я не поручусь своим словом принца?

– О нет, – сказал Бюсси, – ваше слово принесет мне несчастье. Ну ладно, будь что будет, я иду с вами, и пусть попробуют меня оскорбить – я сумею отомстить за себя.

И Бюсси занял свое обычное место возле принца; новый паж неотступно шагал за ним, словно привязанный к своему господину.

– Тебе самому мстить за себя! Да ни в коем случае! – сказал принц в ответ на угрозу, прозвучавшую в словах Бюсси. – Это не твоя забота, мой храбрый рыцарь. Я сам позабочусь о возмездии. Послушай, – добавил он вполголоса, – я знаю, кто пытался тебя убить.

– Ба! – воскликнул Бюсси. – Неужто ваше высочество потрудились произвести розыски?

– Я их видел.

– То есть как это? – спросил удивленный Бюсси.

– Да так. Я сам столкнулся с ними у Сент-Антуанских ворот. Они на меня там напали и чуть было не закололи вместо тебя. Я и не подозревал, что это тебя они подстерегают, разбойники... Иначе...

– Ну и что иначе?

– А твой новый паж был с тобой в этой передрыге? – спросил принц, оставив свою угрозу незаконченной.

– Нет, монсеньор, – сказал Бюсси, – я был один; а вы, монсеньор?

– Я? Со мной был Орильи. А почему ты был один?

– Потому что я хотел сохранить репутацию храброго Бюсси, которой меня наградили.

– И они тебя ранили? – спросил принц, с обычной для него быстротой отвечая выпадом на полученный удар.

– Послушайте, – сказал Бюсси, – я не хотел бы давать им повод для ликования, но мне достался отличный удар шпагой, бедро продырявлено насквозь.

– Ах, негодяи! – возмутился принц. – Орильи был прав, они и в самом деле умышляли недоброе.

– Вы видели засаду, и с вами был Орильи, который владеет шпагой почти так же виртуозно, как лютней, и Орильи предупредил ваше высочество, что эти люди умышляют недоброе, и вас было двое, а их только пятеро. Почему же вы не задержались, не пришли мне на выручку?

– Проклятие! Чего ты хочешь? Ведь я не знал, кого они ждут в этой засаде.

– «Сгинь, нечистая сила!» – как говаривал король Карл Девятый при виде друзей короля Генриха Третьего. Но вы не могли не подумать, что они хотят заполучить кого-то из ваших

друзей, а так как в Париже один я осмеливаюсь называться вашим другом, то нетрудно было угадать, кого они ждут.

– Пожалуй, ты прав, мой дорогой Бюсси, – сказал Франсуа, – мне это как-то не пришло в голову.

– Да что уж там... – вздохнул Бюсси, словно у него не хватило слов для выражения всего, что он думал о своем покровителе.

Они прибыли в Лувр. Герцог Анжуйский был встречен у ворот капитаном и стражниками. Капитан имел строгий приказ – никого не впускать в Лувр, но, само собой разумеется, этот приказ не распространялся на первое лицо в государстве после короля. Поэтому принц вместе со своей свитой вступил под арку подъемного моста.

– Монсеньор, – обратился к принцу Бюсси, видя, что они вошли уже в главный двор, – отправляйтесь поднимать шум у короля и не забудьте, что обязались мне клятвой, а сам я пойду скажу два слова одному своему приятелю.

– Ты меня покидаешь, Бюсси? – беспокоился Франсуа, которому присутствие его любимца придавало смелости.

– Так надо, но пусть это вас не смущает, будьте уверены, в самый разгар переполоха я появлюсь. Кричите, монсеньор, кричите, черт побери! Надрывайте глотку так, чтобы я вас слышал, ведь вы понимаете, если ваш голос до меня не донесется, я не приду к вам на подмогу.

И, воспользовавшись тем, что герцог вошел в парадную залу, Бюсси проскользнул в боковую дверь, за ним последовала Жанна.

Бюсси был в Лувре как у себя дома. Он поднялся по потайной лестнице, прошел два или три безлюдных коридора и оказался в некоем подобии передней.

– Ждите меня здесь, – сказал он Жанне.

– Ах, боже мой, вы меня бросаете одну! – всполошилась молодая женщина.

– Так надо, – ответил Бюсси. – Я должен разведать дорогу и подготовить ваш выход на сцену.

Глава V

О том, что предприняла бывшая девица де Бриссак, ныне госпожа де Сен-Люк, дабы провести свою вторую брачную ночь не так, как она провела первую

Бюсси направился в столь любимую некогда Карлом IX оружейную палату, после нового распределения луврских покоев ставшую опочивальней короля Генриха III, который украсил комнату по своему вкусу. Карл IX, король-охотник, король-кузнец, король-поэт, собрал в ней олени рога, аркебузы, манускрипты, книги и ручные тиски. Генрих III велел установить два ложа из шелка и бархата и развесить по стенам фривольные картинки, реликвии, освященные папой скапулеры,⁸ мешочки с ароматическими веществами, привезенные с Востока, и коллекцию превосходных фехтовальных рапир.

Бюсси знал, что Франсуа испросил у своего брата аудиенцию в галерее, а значит, короля в опочивальне нет; ему также было известно, что смежная с опочивальней комната, которую прежде занимала кормилица короля Карла IX, теперь отведена под спальню очередного королевского фаворита. А так как Генрих III отличался непостоянством в своих привязанностях, то в этом помещении побывали в последовательном порядке Сен-Мегрен, Можирон, д'О, д'Эпернон, Келюс и Шомберг. По предположению Бюсси, сейчас там должен был обитать Сен-Люк, к которому, как мы уже видели, король воспылал нежностью столь сильной, что даже решился похитить своего любимчика у его законной супруги.

Генрих III был странным созданием, он сочетал в себе поверхностность и глубокомыслие, трусость и отвагу. Всегда скучающий, всегда возбужденный, всегда мечтательный, он вечно искал развлечений: днем любил шум, движение, игры, физические упражнения, шутовство, маскарады, интриги, ночью ему нужны были яркий свет, болтовня, молитвы или оргии. Генрих являл собой, быть может, единственный образчик такого человеческого типа в нашем современном мире. Этому античному гермафродиту следовало родиться в одном из городов Востока, среди немых рабов, евнухов, янычаров, философов и софистов, тогда его царствование ознаменовало бы некую промежуточную эпоху между Нероном и Гелиогабалом,⁹ время утонченного разврата и неведомых доселе безумств.

Итак, Бюсси, заподозрив, что Сен-Люка держат в бывшей комнате кормилицы, постучал в двери передней, общей для этой комнаты и для королевской опочивальни.

Капитан гвардейцев отворил ему.

– Господин де Бюсси! – удивленно воскликнул он.

– Да, он самый, любезный господин де Нанси. Я послан от короля к господину де Сен-Люку.

– Прекрасно, – ответил офицер. – Известите господина де Сен-Люка, что к нему пришли от короля.

Через оставшуюся полуотворенной дверь Бюсси бросил взгляд своему пажу.

Затем, снова повернувшись к господину де Нанси, спросил:

– Что он там делает, бедняга Сен-Люк?

⁸ *Скапулеры* (от фр. *scapulaire*) – предмет церковного облачения: кусок ткани, накинутый на плечи и ниспадающий на грудь и спину.

⁹ ...*между Нероном и Гелиогабалом* ... – Клавдий Нерон и Марк Аврелий Антонин Гелиогабал – римские императоры (соотв. 54–68 гг. и 180–192 гг.), запятнавшие себя оргиями и убийствами. Имена их стали нарицательными для всякого жестокого и развратного правителя.

– Играет в карты с Шико в ожидании короля, который сейчас дает аудиенцию герцогу Анжуйскому по просьбе его высочества.

– Не позволите ли вы моему пажу обождать меня здесь? – спросил Бюсси у начальника караула.

– А почему бы нет? – ответил капитан.

– Входите, Жан, – обратился Бюсси к молодой женщине.

И показал рукой на оконную нишу, куда Жанна и поспешила укрыться.

Едва она успела забиться в нишу, как появился Сен-Люк. Господин де Нанси деликатно отошел на расстояние, не позволявшее ему слышать разговор.

– Чего еще хочет от меня король? – насупившись, спросил Сен-Люк. – Ах, это вы, господин де Бюсси?

– Собственной персоной, милейший Сен-Люк, и прежде всего... – тут Бюсси понизил голос, – прежде всего благодарю за услугу, которую вы мне оказали.

– Ах, – сказал Сен-Люк, – право, не стоит благодарности. Мне было не по себе при мысли, что такого храбреца зарежут, словно кабана. Но ведь я полагал, вы уже на том свете.

– Меня чуть-чуть туда не отправили; однако надо сказать, что в таких делах «чуть-чуть» имеет большое значение.

– А как вам удалось уцелеть?

– С Шомбергом и д'Эперноном я расквитался прелестным ударом шпаги и, по моему разумению, вернул им долг с лихвой. Ну а Келюс должен благодарить кости своего черепа. У него оказался самый крепкий череп из всех, которым до сих пор доводилось подвернуться мне под руку.

– Ах, расскажите мне, пожалуйста, все во всех подробностях. Это меня развлечет, – сказал Сен-Люк, зевая с риском вывихнуть себе челюсть.

– К сожалению, сейчас у меня нет времени, мой дорогой Сен-Люк. К тому же я пришел сюда совсем по другому делу. Вы здесь очень скучаете, не правда ли?

– По-королевски, этим все сказано.

– Вот и отлично, я пришел подразвлечь вас. Черт побери! Услуга за услугу.

– Вы правы, услуга, которую вы мне оказываете, никак не меньше той, что вам оказал я. От скуки умирают так же хорошо, как и от шпаги; тянется это подольше, но зато выходит вернее.

– Бедный граф! – посочувствовал Бюсси. – Я вижу, вы здесь на положении узника.

– И самого настоящего. Король полагает, что его может развлечь только такой весельчак, как я. Король слишком добр, так как со вчерашнего дня я скорчил ему больше гримас, чем его обезьяна, и наговорил больше дерзостей, чем его шут.

– Ну что ж, посмотрим. Может быть, настал и мой черед вам услужить? Что бы вы хотели?

– Конечно, – сказал Сен-Люк, – вы могли бы посетить мой дом или, точнее говоря, дом маршала де Бриссака и успокоить бедную малютку: несомненно, она в большой тревоге, и мое поведение кажется ей весьма и весьма подозрительным.

– И что ей сказать?

– Э, проклятие! Опишите ей все, что вы видели, скажите, что я узник, запертый в четырех стенах, и общаться со мной можно только через окошечко, что со вчерашнего дня король неустанно твердит мне о дружбе, как Цицерон, который о ней писал, и о добродетели, как Сократ,¹⁰ а кстати сказать, Сократ и на самом деле был добродетельным.

– И что вы ему на это отвечаете? – смеясь, спросил Бюсси.

¹⁰ ...твердит мне о дружбе, как Цицерон, который о ней писал, и о добродетели, как Сократ ... – Среди сочинений Марка Туллия Цицерона (106—43 гг. до н. э.), выдающегося римского политического деятеля, оратора и писателя, есть и диалог «О дружбе». Сократ (469—399 гг. до н. э.) – выдающийся афинский философ. Познанию сущности добродетели он придавал особое значение.

– Смерть Христова! Я ему отвечаю, что, если говорить о дружбе, я неблагодарная свинья, а что касается добродетели, то я убежденный распутник, но все напрасно – король, тяжело вздыхая, упорно продолжает бубнить свое: «Ах, Сен-Люк, неужели дружба – всего лишь призрак? Ах, Сен-Люк, неужели добродетель – всего лишь пустой звук?» Впрочем, надо отдать ему справедливость, раз сказав все это по-французски, он тут же все повторяет уже по-латыни, а затем произносит в третий раз по-гречески.

При этом выпад паж, на которого Сен-Люк не обращал никакого внимания, рассмеялся.

– А что вы хотите, мой друг? Он пытается вас растрогать. *Bis repetita placent*¹¹ и тем более *ter*.¹² И это все, чем я могу вам служить?

– Ах, боже мой, да; боюсь, что это все.

– Ну тогда я уже выполнил ваше поручение.

– То есть как?

– Я угадал, что с вами случилось, и уже заранее все растолковал вашей супруге.

– И что она сказала?

– Поначалу не хотела мне верить, но, – добавил Бюсси, скользнув взглядом по оконной нише, – я надеюсь, она в конце концов сдастся перед очевидностью. Итак, попросите у меня чего-нибудь другого, чего-нибудь трудного, даже невозможного, я буду счастлив выполнить любую вашу просьбу.

– Тогда, мой дорогой друг, ссудите часа на два гиппогрифа у славного рыцаря Астольфа,¹³ приведите его сюда под мое окно, я вскочу на его круп сзади вас, и вы меня отвезете к моей жене. А потом, коли вздумается, можете лететь на луну.

– Дорогой друг, – сказал Бюсси, – можно все сделать гораздо проще: я приведу гиппогрифа к вашей супруге и доставлю ее сюда, к вам.

– Сюда?

– Конечно, сюда.

– В Лувр?

– В самый Лувр. Разве это не кажется вам еще более забавным? Отвечайте!

– Смерть Христова! Безусловно.

– И вы перестанете скучать?

– Даю слово, перестану.

– Ибо здесь вы во власти смертной скуки, не правда ли? Вы мне жаловались на скуку.

– Спросите у Шико. С сегодняшнего утра он мне опостылел, и я предложил ему обменяться парочкой ударов на шпагах. Этот бездельник рассердился так уморительно, что я чуть со смеху не лопнул. Хорошо еще, я человек незлобивый, и все же если так будет продолжаться дальше, то либо я его заколю, чтобы малость порассеяться, либо он меня.

– Чума на вашу голову! Этим не шутят, вы знаете, что Шико превосходный фехтовальщик. Вы томитесь в своей тюрьме, но подумайте – в гробу вам будет еще скучнее.

– Честное слово, вот в этом я не уверен.

– Полноте, – с улыбкой сказал Бюсси. – Хотите, я оставлю вам своего пажа?

– Мне?

– Да, вам. Это прелестный мальчик.

– Спасибо, – сказал Сен-Люк, – пажи мне противны. Король предложил допустить ко мне любого моего пажа, но я отказался. Предложите вашего мальчика королю, который устраивает

¹¹ Повторять дважды хорошо (лат.).

¹² Трижды (лат.).

¹³ ...ссудите часа на два гиппогрифа у славного рыцаря Астольфа ... – Рыцарь Астольф, один из спутников Роланда, – персонаж поэмы итальянского поэта Л. Ариосто (1474–1553) «Неистовый Роланд». Гиппогриф – сказочное животное, полуконь, полугриф.

свой дом. Что до меня, то, когда я выберусь отсюда, я буду жить как на Зеленом празднестве в замке Шенонсо: меня будут обслуживать одни женщины, и я сам подберу для них костюмы.

– Ба! – настаивал Бюсси. – А все же попробуйте.

– Бюсси, – с досадой сказал Сен-Люк, – с вашей стороны нехорошо так издеваться надо мной.

– Ну, уступите мне, сделайте милость.

– Ни за что.

– Говорю вам, я знаю, чего вам недостает.

– Нет, нет и нет. Тысячу раз нет.

– Эй, паж! Подойдите сюда!

– Смерть Христова! – воскликнул Сен-Люк.

Паж покинул свое убежище и приближался к ним, весь пунцовый от смущения.

– О! О! – прошептал Сен-Люк. Узнав Жанну в костюме пажа де Бюсси, он потерял дар речи.

– Ну как, – осведомился Бюсси, – отослать его обратно?

– Нет, истинный бог, нет! – воскликнул Сен-Люк. – Ах, Бюсси, Бюсси, клянусь вам в вечной дружбе!

– Не забывайте, Сен-Люк, что если вас и не слышат, то все же на вас смотрят.

– Ваша правда, – отозвался Сен-Люк.

И, уже сделав два стремительных шага к жене, он отпрянул на три шага назад. Действительно, господин де Нанси, удивленный весьма выразительной пантомимой, которую невольно разыграл Сен-Люк, начал было прислушиваться к их разговору, но тут мысли капитана отвлек сильный шум, донесшийся из застекленной галереи.

– Ах, боже мой! – воскликнул господин де Нанси. – Видно, его величество изволит гневаться на кого-то.

– Очень похоже на это, – подхватил Бюсси, изобразив на лице испуг. – Но на кого? Неужели на герцога Анжуйского, с которым я пришел в Лувр?

Капитан поправил шпагу на бедре и двинулся к галерее, откуда, сквозь своды и стены, доносились возбужденные голоса.

– Ну, скажите, разве я не хорошо все устроил? – спросил Бюсси.

– А что там происходит? – поинтересовался Сен-Люк.

– Король и герцог Анжуйский рвут друг друга на куски. Это, должно быть, прелюбопытнейшее зрелище; я мчусь туда, чтобы ничего не пропустить. А вы воспользуйтесь суматохой, но только не вздумайте бежать. Все равно это бесполезно, король вас из-под земли достанет. Лучше спрячьте сего благолепного отрока, которого я вам оставляю, куда-нибудь в безопасное место. Есть у вас потайной шалаш?

– Найдется, клянусь богом, а впрочем, если бы и не нашелся, я бы его сам построил. По счастью, я прикидываюсь больным и не выхожу из спальни.

– В таком случае прощайте, Сен-Люк. Сударыня, не забывайте меня в своих молитвах.

И Бюсси, как нельзя более довольный шуткой, которую ему удалось сыграть с Генрихом III, вышел из королевской передней и направил свои стопы в галерею, где король, багровый от гнева, убеждал герцога Анжуйского, белого от ярости, что главным зачинщиком событий прошлой ночи был Бюсси.

– Я вас заверяю, государь, – горячился герцог Анжуйский, – д'Эпернон, Шомберг, д'О, Можирон и Келюс подкарауливали его у Турнельского двorca.

– Кто вам это сказал?

– Я их сам видел, государь. Собственными глазами видел.

– В кромешной тьме, не правда ли? Ночью было темно, как в печке.

– Ну, я распознал их не по лицам.

- А тогда по чему же вы их распознали? По спинам, что ли?
- Нет, государь, по голосам.
- Они с вами говорили?
- Если бы только говорили! Они меня приняли за Бюсси и напали на меня.
- На вас?
- Да, на меня.
- А что за нелегкая вас понесла к Сент-Антуанским воротам?
- Какое это имеет значение?
- Хочу знать, и все тут. Нынче у меня разыгралось любопытство.
- Я шел к Манасесу.
- К Манасесу, к еврею!
- А вы-то небось навещаете Руджиери, отравителя.
- Я волен навещать кого вздумается. Я – король.
- Вы не отвечаете, а отмахиваетесь от ответа.
- Как бы то ни было, я повторяю: их вызвал на это Бюсси.
- Бюсси?
- Да.
- Где же?
- На балу у Сен-Люка.
- Бюсси вызвал сразу пятерых? Полноте! Бюсси – храбрец, но он не сумасшедший.
- Клянусь смертью Христовой! Вам говорят – я лично был свидетелем его поведения. И потом – Бюсси еще не на такое способен. Вы тут мне его невинным агнцем расписали, а он ранил Шомберга в ляжку, д'Эпернона в руку, а Келюса чуть не уложил на месте.
- В самом деле? – приятно удивился герцог. – А вот об этом он умолчал. При первой встрече не премину его поздравить.
- А я, – сказал король, – я никого не намерен поздравлять, но я примерно накажу этого забияку.
- Тогда я, – возразил герцог, – я, на которого ваши друзья замахиваются, не только нападая на Бюсси, но и дерзая поднять руку непосредственно на мою особу, тогда я наконец узнаю, действительно ли я ваш брат и действительно ли никто во Франции, кроме вашего величества, не имеет права смотреть мне прямо в лицо и не опустить глаза, если не из почтения, то хотя бы из страха.
- В эту минуту, привлеченный громкими, срывающимися на крик голосами обоих братьев, появился Бюсси в нарядном костюме из зеленого атласа с розовыми бантами.
- Государь, – сказал он, отвесив Генриху III глубокий поклон, – позвольте засвидетельствовать вам мое нижайшее почтение.
- Клянусь богом! Вот и он! – воскликнул Генрих.
- Ваше величество, мне послышалось, что вы оказали мне высокую честь, упомянув мое имя? – спросил Бюсси.
- Да, – ответил король, – рад вас видеть, ибо что бы там мне ни говорили, но ваше лицо пышет здоровьем.
- Государь, доброе кровопускание весьма освежает кожу, и поэтому нынче вечером я должен выглядеть особенно свежим.
- Ну хорошо, если на вас напали, сеньор де Бюсси, если вас покалечили, обратитесь ко мне с жалобой, и я вас рассужу.
- Позвольте, государь, – сказал Бюсси, – на меня не нападали, меня не калечили, мне не на что жаловаться.
- Генрих остолбенел от изумления и уставился на герцога Анжуйского.
- А вы что мне говорили? – спросил он.

– Я сказал, что у Бюсси сквозная рана в бедре от удара шпагой.

– Это правда, Бюсси?

– Поскольку брат вашего величества так утверждает, значит, это правда. Первый принц крови не может лгать.

– И, получив удар шпагой в бедро, вы ни на кого не жалуетесь? – сказал Генрих.

– Я стал бы жаловаться, государь, только в том случае, если бы мне отрубили правую руку, чтобы я не смог отомстить сам за себя, да и тогда, – добавил неисправимый дуэлянт, – я, по всей вероятности, рассчитался бы с обидчиком левой рукой.

– Наглец, – пробормотал Генрих.

– Государь, – обратился к нему герцог Анжуйский, – вы только что толковали о правосудии. Ну что ж, окажите нам правосудие, ничего другого мы не просим. Велите учинить расследование, назначьте судей, и пусть они определяют, кто устроил засаду и кто готовил убийство.

Генрих покраснел.

– Нет, – ответил он, – я и на этот раз предпочел бы не знать, кто прав, кто виноват, и объявить всем полное помилование. Я хотел бы примирить этих заклятых врагов, но, к сожалению, Шомберга и д'Эпернона раны удерживают в постели. Впрочем, господин герцог, кто из моих друзей, по-вашему, был самым неистовым? Скажите, вам это нетрудно определить, ведь, по вашим словам, они и на вас нападали.

– По-моему, Келюс, государь, – сказал герцог Анжуйский.

– Даю слово, вы правы, – сказал Келюс. – Я не прятался за чужие спины, ваше высочество тому свидетель.

– Раз так, – провозгласил Генрих, – пускай господин де Бюсси и господин де Келюс помиряются от лица всех участников.

– О! – воскликнул Келюс. – Что это значит, государь?

– Это значит: я хочу, чтобы вы обнялись с господином де Бюсси, обнялись здесь, на моих глазах, и немедленно.

Келюс нахмурился.

– В чем дело, синьор? – прогнусавил Бюсси, повернувшись к Келюсу и размахивая руками в подражание бурной жестикуляции итальянца Панталоне.¹⁴ – Неужели вы откажете мне в этой милости?

Выходка была столь неожиданной и Бюсси вложил в нее столько шутовского усердия, что даже король рассмеялся. Тогда Бюсси приблизился к Келюсу.

– Давай, Монсу, – сказал он, – такова воля короля. – И обвил руками шею миньона.

– Надеюсь, эта церемония нас ни к чему не обязывает? – прошептал Келюс на ухо Бюсси.

– Не волнуйтесь, – также шепотом ответил Бюсси. – Рано или поздно, но мы встретимся.

Весь красный и растрепанный, Келюс, дрожа от ярости, отпрянул назад.

Генрих нахмурил брови, но Бюсси, все еще изображая Панталоне, сделал пируэт и покинул залу совета.

¹⁴ *Панталоне* – постоянный персонаж итальянской комедии, порочный и скупой старик.

Глава VI

О том, как совершался малый вечерний туалет короля Генриха III

После этой начавшейся трагедией и закончившейся комедией сцены, отголоски которой, подобно эху, вылетели из Лувра и распространились по всему городу, король в великом гневе последовал в свои покои; сопровождавший его Шико назойливо осаждал своего господина просьбами об ужине.

– Я не голоден, – бросил король, перешагивая через порог своей опочивальни.

– Возможно, – ответил Шико, – но я, я взбешен до крайности, и меня мучит желание кого-то или что-то укусить, ну хотя бы зажаренную баранью ножку.

Король сделав вид, что ничего не слышит, расстегнул свой плащ, положил его на постель, снял шляпу, приколотую к волосам длинными черными булавками, и швырнул на кресло. Затем устремился в переднюю, в которую выходила дверь из комнаты Сен-Люка, смежной с королевской опочивальней.

– Жди меня здесь, шут, – приказал он, – я вернусь.

– О, не спеши, сын мой, – сказал Шико, – не торопись. Мне бы даже хотелось, – продолжал он, прислушиваясь к удаляющимся шагам Генриха, – чтобы ты подольше там оставался и дал бы мне время подготовить тебе маленький сюрприз.

Когда шум шагов совсем затих, Шико открыл дверь в переднюю и крикнул: «Эй, кто там есть!»

Подбежал слуга.

– Король изменил свое решение, – сказал Шико, – он велел подать сюда изысканный ужин на две персоны, для него и для Сен-Люка. И советовал особое внимание обратить на вино. Теперь поторапливайтесь.

Слуга повернулся на каблуках и со всех ног помчался выполнять приказ Шико, ничуть не сомневаясь, что он исходит от самого короля.

Тем временем Генрих III, как мы уже говорили, прошел в комнату, отведенную Сен-Люку; последний, будучи предупрежден о королевском визите, лежал в постели и слушал, как читает молитвы старик слуга, последовавший за ним в Лувр и разделивший его заточение. В углу, на позолоченном кресле, опустив голову на руки, глубоким сном спал паж, приведенный Бюсси.

Одним взглядом король охватил всю эту картину.

– Что это за юноша? – подозрительно спросил он у Сен-Люка.

– Разве вы забыли, ваше величество? Заперев меня здесь, вы милостиво разрешили мне вызвать одного из моих пажей.

– Да, конечно, – ответил Генрих.

– Ну я и воспользовался вашим дозволением, государь.

– Ах вот как!

– Ваше величество раскаиваетесь в том, что даровали мне это развлечение? – осведомился Сен-Люк.

– Нет, сын мой, нет. Напротив. Забавляйся, сделай милость. Как ты себя чувствуешь?

– Государь, – сказал Сен-Люк, – меня сильно лихорадит.

– Оно и видно. У тебя все лицо пылает, мой мальчик. Пощупаем пульс, ты знаешь, ведь я кое-что смыслю в медицине.

Сен-Люк неохотно протянул руку.

– Ну да, – сказал король, – пульс прерывистый, возбужденный.

- О государь, – простонал Сен-Люк, – я и вправду серьезно болен.
- Успокойся. Я пришлю к тебе моего придворного врача.
- Благодарствуйте, государь, я не выношу Мирона.
- Я сам буду ухаживать за тобой.
- Государь, я не допущу...
- Я прикажу постелить мне постель в твоей спальне, Сен-Люк. Мы проболтаем всю ночь, у меня накопилась уйма всякой всячины, которой я хотел бы с тобой поделиться.
- Ах! – в отчаянии воскликнул Сен-Люк. – Вы называете себя человеком, сведущим в медицине, вы называете себя моим другом и хотите мне помешать выспаться. Клянусь смертью Христовой, лекарь, у вас странная манера обращаться с вашими пациентами! Клянусь смертью Христовой, государь, вы как-то уж слишком по-своему любите своих друзей!
- Как! Ты хочешь остаться наедине со всеми твоими страданиями?
- Государь, со мной Жан, мой паж.
- Но он спит.
- Вот потому-то я и предпочитаю, чтобы за мной ухаживали слуги; по меньшей мере они не мешают мне спать.
- Ну хоть позволь мне вместе с ним бодрствовать у твоего изголовья, клянусь, я заговорю с тобой, только если ты проснешься.
- Государь, я просыпаюсь злющий как черт, и надо очень привыкнуть ко мне, чтобы простить все глупости, которые я наболтаю перед тем, как окончательно прийти в себя.
- Ну хотя бы приди побудь при моем вечернем туалете.
- А потом мне будет дозволено вернуться к себе и лечь в постель?
- Ну само собой.
- Коли так, извольте! Но предупреждаю, я буду жалким придворным, даю вам слово. Меня уже сейчас чертовски клонит ко сну.
- Ты волен зевать, сколько тебе вздумается.
- Какой деспотизм! – сказал Сен-Люк. – Ведь в вашем распоряжении все остальные мои приятели.
- Как же, как же! В хорошеньком они состоянии, Бюсси отделал их лучше некуда. У Шомберга продырявлена ляжка, у д'Эпернона запястье разрезано, как испанский рукав. Келюс все еще не может прийти в себя после вчерашнего удара эфесом шпаги по голове и сегодняшних объятий. Остаются д'О, – а он надоел мне до смерти, – и Можирон, который вечно на меня ворчит. Ну, пошли, разбуди этого спящего красавца, и пусть он тебе подаст халат.
- Государь, не благоволит ли ваше величество покинуть меня на минуту?
- Для чего это?
- Уважение...
- Ну, какие пустяки.
- Государь, через пять минут я буду у вашего величества.
- Через пять минут, согласен. Но не более пяти минут, ты слышишь, а за эти пять минут припомни для меня какие-нибудь забавные истории, и мы постараемся посмеяться.
- С этими словами король, получивший половину того, что он хотел получить, вышел, удовлетворенный тоже наполовину.
- Дверь еще не успела закрыться за ним, как паж внезапно встрепенулся и одним прыжком очутился у портьеры.
- Ах, Сен-Люк, – сказал он, когда шум королевских шагов затих, – вы меня снова покидаете. Боже мой! Какое мучение! Я умираю от страха. А что, если меня обнаружат?
- Милая моя Жанна, – ответил Сен-Люк, – Гаспар, который перед вами, защитит вас от любой нескромности. – И он показал ей на старого слугу.
- Может быть, мне лучше уйти отсюда? – краснея, предложила молодая женщина.

– Если таково ваше неперменное желание, Жанна, – печально проговорил Сен-Люк, – я прикажу проводить вас во дворец Монморанси, ибо только мне одному воспрещается покидать Лувр. Но если вы будете столь же добры, сколь вы прекрасны, если вы отыщете в своем сердце хоть какие-то чувства к несчастному Сен-Люку, пусть хотя бы простое расположение, вы подождете здесь несколько минут. У меня невыносимо разболелась голова, нервы, внутренности, королю надоест видеть перед собой такую жалкую фигуру, и он отошлет меня в постель.

Жанна опустила глаза.

– Ну хорошо, – сказала она, – я подожду, но скажу вам, как король: не задерживайтесь.

– Жанна, моя ненаглядная Жанна, вы восхитительны. Положитесь на меня, я вернусь к вам, как только предоставится малейшая возможность. И, знаете, мне пришла в голову одна мысль, я ее хорошенько обдумую и, когда вернусь, расскажу вам.

– О том, как выбраться отсюда?

– Надеюсь.

– Тогда идите.

– Гаспар, – сказал Сен-Люк, – не пускайте сюда никого. Через четверть часа закройте дверь на ключ и ключ принесите мне в опочивальню короля. Потом отправляйтесь во дворец Монморанси и скажите, чтобы там не беспокоились о госпоже графине, а сюда возвращайтесь только завтра утром.

Эти распоряжения, которые Гаспар выслушал с понимающей улыбкой, пообещав выполнить все в точности, вызвали на щеках Жанны новую волну яркого румянца.

Сен-Люк взял руку своей жены и запечатлел на ней нежный поцелуй, затем решительными шагами направился в комнату Генриха, который начинал уже выказывать беспокойство.

Оставшись одна, Жанна, вся дрожа от нервного напряжения, укрылась за пышными складками балдахина кровати, притаившись в уголке постели. Мечтая, волнуясь, сердясь, новобрачная машинально вертела в руках сарбакан¹⁵ и тщетно пыталась найти выход из нелепого положения, в которое она попала.

При входе в королевскую опочивальню Сен-Люка оглушил терпкий, сладострастный аромат, пропитавший все помещение. Ноги Генриха утопали в ворохах цветов, которым срезали стебли из боязни, как бы они – не приведи бог! – не побеспокоили нежную кожу его величества: розы, жасмин, фиалки, левкой, несмотря на холодное время года, покрывали пол, образуя мягкий, благоухающий ковер.

В комнате с низким, красиво расписанным потолком, как мы уже говорили, стояли две кровати, одна из них – особенно широкая, хотя и была плотно придвинута изголовьем к стене, занимала собой чуть ли не третью часть помещения.

На шелковом покрывале этой кровати красовались шитые золотом мифологические персонажи, они изображали историю Кеней,¹⁶ или Кениды, превращавшегося то в мужчину, то в женщину, и, как можно себе представить, для изображения этой метаморфозы художнику приходилось до предела напрягать свою фантазию. Балдахин из посеребренного полотна оживляли различные фигуры, вышитые шелком и золотом; ту его часть, которая, примыкая к стене, образовывала изголовье постели, украшали королевские гербы, вышитые разноцветными шелками и золотой канителью.

Окна были плотно закрыты занавесями из того же шелка, что и покрывало постели, этой же материей были обиты все кресла и диваны. С потолка, посередине комнаты, на золотой цепи свисал светильник из позолоченного серебра, в котором пылало масло, источавшее тонкий аромат. Справа у постели золотой сатир держал в руке канделябр с четырьмя зажженными

¹⁵ *Сарбакан* – длинная духовая трубка для стрельбы небольшими стрелами или шариками. В XIII в. сарацины еще употребляли ее как оружие. Во Франции она служила развлечением знати.

¹⁶ *Кеней* – мифологический герой из племени лапифов, отличавшийся неуязвимостью. Согласно более поздним мифам, Кеней первоначально был девушкой Кенидой, которую бог Посейдон по ее просьбе превратил в мужчину.

свечками из розового воска. Эти ароматические свечи, по толщине не уступавшие церковным, вместе со светильником довольно хорошо освещали комнату.

Король восседал на стуле из черного дерева с золотыми инкрустациями, поставив босые ноги на цветочный ковер. Он держал на коленях семь или восемь маленьких щенят-спанелей, их влажные мордочки нежно щекотали королевские ладони. Двое слуг почтительно разбирали на пряди и завивали подобранные сзади, как у женщины, волосы короля, его закрученные кверху усы, его редкую клочковатую бородку. Третий слуга осторожно накладывал на лицо его величества слой жирной розовой помады, приятной на вкус и источающей невероятно соблазнительный запах.

Генрих сидел, закрыв глаза, и с величественным и глубокомысленным видом индийского божества позволял производить над своей особой все эти манипуляции.

– Сен-Люк, – бормотал он, – где же Сен-Люк?

Сен-Люк вошел. Шико взял его за руку и подвел к королю.

– Держи, – сказал он Генриху III, – вот он, твой дружок Сен-Люк. Прикажи ему помазаться или, правильнее сказать, вымазаться твоей помадой, ибо, если ты не примешь этой необходимой предосторожности, случится беда: либо тебе, пахнущему так хорошо, будет казаться, что он дурно пахнет, либо ему, который ничем не пахнет, будет казаться, что ты слишком уж благоухаешь. Ну-ка, подайте сюда гребенки и притирания, – добавил Шико, располагаясь в большом кресле напротив короля, – я тоже хочу помазаться.

– Шико! Шико! – воскликнул Генрих. – У вас очень сухая кожа, она потребует изрядного количества помады, а ее и для меня-то едва хватает; ваши волосы так жестки, что мои гребешки поломают о них все зубья.

– Моя кожа высохла в непрерывных битвах за тебя, неблагодарный король! И кудри мои жестки только потому, что ты меня постоянно огорчаешь, и от этого они все время стоят дыбом. Однако если ты отказываешь мне в помаде для щек, то есть для моей внешней оболочки, пусть будет так, сын мой, вот все, что я могу сказать.

Генрих пожал плечами с видом человека, не расположенного развлекаться шуточками столь низкого пошиба.

– Оставьте меня в покое, – сказал он, – вы несете вздор.

Затем повернулся к Сен-Люку:

– Ну как, сын мой, прошла твоя голова?

Сен-Люк поднес руку ко лбу и испустил жалобный вздох.

– Вообрази, – продолжал Генрих, – я видел Бюсси д'Амбуаза. Ай! Сударь, – воскликнул он, обращаясь к куаферу, – вы меня обожгли.

Куафер бросился на колени.

– Вы видели Бюсси д'Амбуаза? – переспросил Сен-Люк, внутренне трепеща.

– Да, – ответил король, – можешь ты понять, как эти растяпы, которые на него впятером набросились, ухитрились упустить его из рук? Я прикажу колесовать их. Ну а если бы ты был с ними, как ты думаешь, Сен-Люк?

– Государь, вероятно, и мне посчастливилось бы не больше, чем моим товарищам.

– Полно! Зачем ты так говоришь? Ставлю тысячу золотых экю, что на каждые шесть попаданий Бюсси у тебя было бы десять. Черт возьми! Надо посмотреть, как это у тебя получается. Ты все еще дерешься на шпагах, малыш?

– Ну конечно, государь.

– Я спрашиваю, часто ли ты упражняешься в фехтовании.

– Почти ежедневно, когда здоров, но, когда болею, я ни на что не гожусь.

– Сколько раз тебе удавалось задеть меня?

– Мы фехтовали примерно наравне, государь.

– Да, но я фехтую лучше Бюсси. Клянусь смертью Христовой, сударь, – сказал Генрих брадобрею, – вы мне оторвете ус.

Брадобрей упал на колени.

– Государь, – попросил Сен-Люк, – укажите мне лекарство от болей в сердце.

– Ешь побольше, – ответил король.

– О государь, мне кажется, вы ошибаетесь.

– Нет, уверяю тебя.

– Ты прав, Валуа, – вмешался Шико, – я и сам испытываю сильные боли не то в сердце, не то в желудке, не знаю точно где, и потому выполняю твое предписание.

Тут раздались странные звуки, словно часто-часто защелкала зубами обезьяна.

Король обернулся и взглянул на шута.

Шико, в одиночку проглотив обильный ужин, заказанный им на двоих от имени короля, весело лязгая зубами, что-то поглощал из чашки японского фарфора.

– Вот как! – воскликнул Генрих. – Черт возьми, что вы там делаете, господин Шико?

– Я принимаю помаду внутрь, – ответил Шико, – раз уж наружное употребление мне запрещено.

– Ах, предатель! – возмутился король и так резко дернул головой, что намазанный помадой палец камердинера угодил ему прямо в рот.

– Ешь, сын мой, – с важностью проговорил Шико. – Я не такой деспот, как ты; наружное или внутреннее – все равно, оба употребления я тебе разрешаю.

– Сударь, вы меня задушите, – сказал Генрих камердинеру.

Камердинер упал на колени, как это проделали до него куафер и брадобрей.

– Пусть позовут капитана гвардейцев! – закричал Генрих. – Пусть немедленно позовут капитана.

– А зачем он тебе понадобился, твой капитан? – осведомился Шико. Он обмакнул палец в содержимое фарфоровой чашки и хладнокровно обсасывал его.

– Пусть он нанижет Шико на шпагу и приготовит из его тела, каким бы оно ни было костлявым, жаркое для моих псов.

Шико вскочил на ноги и нахлобучил шляпу задом наперед.

– Клянусь смертью Христовой! – завопил он. – Бросить Шико собакам, скормить дворянина четвероногим скотам! Добро, сын мой, пусть он только появится, твой капитан, и мы увидим.

С этими словами шут выхватил из ножен свою длинную шпагу и так потешно принялся размахивать ею перед куафером, брадобреем и камердинером, что король не мог удержаться от смеха.

– Но я голоден, – жалобно сказал он, – а этот плут один съел весь ужин.

– Ты привередник, Генрих, – ответил Шико. – Я приглашал тебя за стол, но ты не пожелал. На худой конец, тебе остался бульон. Что до меня, то я уже утолил свой голод и иду спать.

Пока шла эта словесная перепалка, появился старик Гаспар и вручил своему господину ключ от комнаты.

– И я тоже иду, – сказал Сен-Люк. – Я чувствую, что больше не могу держаться на ногах, еще немного – и я нарушу всякий этикет и в присутствии короля свалюсь в нервном припадке. Меня всего трясет.

– Держи, Сен-Люк, – сказал король, протягивая молодому человеку двух своих щенков, – возьми их с собой, непременно возьми.

– А что прикажете с ними делать?

– Положи их с собой в постель, болезнь оставит тебя и перейдет на них.

– Благодарствую, государь, – сказал Сен-Люк, водворяя щенков обратно в корзину. – Я не доверяю вашим предписаниям.

– Ночью я навещу тебя, Сен-Люк, – пообещал король.

– О, ради бога, не утруждайте себя, государь, – взмолился Сен-Люк. – Вы можете меня разбудить внезапно, и говорят, от этого случается эпилепсия.

С этими словами Сен-Люк отвесил королю поклон и вышел из комнаты. Пока дверь не закрылась, король в знак дружеского расположения усердно махал вслед ему рукой.

Шико исчез еще раньше.

Двое или трое придворных, присутствовавших при вечернем туалете короля, в свою очередь покинули опочивальню.

Возле короля остались только слуги. Они наложили на его лицо маску из тончайшего полотна, пропитанную благовонными маслами. В маске были прорезаны отверстия для носа, глаз и рта. На лоб и уши короля почтительно натянули шелковый колпак, украшенный серебряным шитьем.

Затем короля облекли в ночную кофту из розового атласа, стеганного на вате и подбитого шелком, на руки натянули перчатки из кожи, такой мягкой, что на ощупь ее можно было принять за шерсть. Перчатки доходили до локтей, изнутри они были покрыты слоем ароматного масла, придававшего им особую эластичность, секрет которой нельзя было разгадать, не вывернув перчатки наизнанку.

Когда таинство королевского туалета было завершено, Генриху вручили золотую чашу с крепким бульоном, но, прежде чем поднести этот сосуд ко рту, он отлил половину бульона в другую чашу, точную копию той, что держал в руках, и приказал отнести ее Сен-Люку и пожелать ему доброй ночи.

Затем настала очередь бога, с которым в тот вечер Генрих, несомненно в силу своей чрезмерной занятости, обошелся довольно небрежно. Он ограничился тем, что наскоро пробормотал одну-единственную молитву и даже не прикоснулся к освященным четкам. Затем он велел раскрыть постель, окропленную кориандром, ладаном и корицей, и улегся.

Умостившись на многочисленных подушках, Генрих приказал убрать цветочный настил, от которого в комнате стало душно. Чтобы проветрить помещение, на несколько секунд распахнули окна. Затем в мраморном камине запылали сухие виноградные лозы, пышный и яркий огонь мгновенно вспыхнул и тут же угас, но по всей опочивальне разлилось приятное тепло.

Тогда слуги задернули все занавески и портьеры и впустили в комнату огромного пса, королевского любимца, которого звали Нарцисс. Одним прыжком Нарцисс вскочил на королевское ложе, потоптался на нем, повертелся и улегся поперек постели в ногах у своего хозяина.

Последний слуга, оставшийся в комнате, задул свечи из розового воска в руках золотого сатира, притушив свет ночника, сменив фитиль на более узкий, и, в свою очередь, на цыпочках вышел из опочивальни.

И вот уже король Франции, став спокойнее, беспечнее, беспамятнее праздных монахов своего королевства, засевших в тучных монастырях, забыл о том, что на свете есть Франция.

Он уснул.

Полчаса спустя бодрствовавшие в галереях часовые, которым с их постов были видны занавешенные окна королевской опочивальни, заметили, что светильник в ней погас и серебристое сияние луны заменило на стеклах окрашивавший их изнутри нежный розоватый свет. Часовые подумали, что его величество крепко спит.

И тогда умолкли все шумы внутри и снаружи Лувра, и в его сумрачных коридорах можно было услышать полет даже самой осторожной летучей мыши.

Глава VII

О том, как король Генрих III на следующий день оказался обращенным, хотя причины обращения остались неизвестны

Два часа прошли спокойно.

Вдруг тишину разорвал леденящий душу вопль. Он исходил из опочивальни его величества. Однако ночник там по-прежнему был потушен, во дворце стояла все та же глубокая тишина и не раздавалось ни одного звука, кроме этого страшного крика короля.

Ибо кричал король.

А потом послышался стук падающей мебели, звон фарфора, разлетающегося на мелкие осколки, и торопливые, тревожные шаги человека, который, обезумев, мечется из угла в угол, и новый вопль, сопровождаемый собачьим лаем. Тогда повсюду вспыхнули огни, в галереях заблестели шпаги, и мраморные колонны задрожали от тяжелой поступи заспанной стражи.

– К оружию! – гремело со всех сторон. – К оружию! Король зовет! На помощь королю! Скорей!

И в одно мгновение капитан гвардейцев, полковник швейцарцев, придворные, дежурные аркебузиры ворвались в королевскую опочивальню, и два десятка факелов разом осветили темную комнату.

Кресло опрокинута, на полу осколки фарфора, постель смята, простыни и одеяла разбросаны по всему полу, а возле кровати – Генрих, нелепый и жуткий в своем ночном одеянии, волосы – дыбом, выпученные глаза вперились в одну точку.

Правая рука короля протянута вперед и трепещет, как лист на ветру.

Левая рука судорожно вцепилась в рукоятку бессознательно схваченной шпаги.

Пес, взбудораженный не меньше своего хозяина, смотрит на короля, широко расставив лапы, и жалобно завывает.

Казалось, Генрих окаменел от ужаса; люди, вбежавшие в опочивальню, не смели нарушить это оцепенение и только переглядывались и ждали, охваченные страшной тревогой.

И тут в комнату влетела полуодетая, закутанная в широкий плащ юная королева Луиза Лотарингская; отчаянные вопли супруга разбудили это белокурое и нежное создание, которое вело на грешной земле беспорочную жизнь святой.

– Государь, – обратилась она к королю, вся трясаясь от страха, – что случилось? Боже мой! До меня донеслись ваши крики, и вот я прибежала.

– Ни... ни... ничего... – пробормотал король, все еще уставившись в одну точку; казалось, он различает в воздухе какой-то призрак, видимый только ему одному.

– Но ваше величество кричали, – настаивала королева. – Значит, ваше величество страдает.

Ужас был так отчетливо выражен на лице короля, что постепенно сообщился всем собравшимся в опочивальне. Одни отступили к стене, другие придвинулись к королю и пожирали его глазами, пытаясь удостовериться, не ранен ли он, не поразила ли его молния, не укусил ли какой-нибудь ядовитый гад.

– О государь! – воскликнула королева. – Небом вас заклинаю, не держите нас в таком страхе. Может быть, позвать вам лекаря?

– Лекаря? – мрачно переспросил Генрих. – Нет, тело мое здорово, это душа, это дух мой страдает... Нет, не лекаря... исповедника.

Придворные переглянулись, обшарили глазами двери, занавески, паркет, потолок...

Но нигде не осталось ни малейшего следа от невидимого призрака, который так напугал короля.

После того как тщетность поисков стала очевидной, любопытство удвоилось: мрак тайны сгустился – король потребовал исповедника.

Тотчас же гонец вскочил на коня, и тысячи искр рассыпались по мощеному двору Лувра. За каких-нибудь пять минут Жозефа Фулона, аббата монастыря Святой Женеьевы, разбудили, вытащили из постели и доставили к королю.

С появлением духовника сумятица улеглась и восстановилась тишина. Все задавали друг другу вопросы, строили догадки, находили объяснения, но главным образом дрожали от страха... Король исповедуется!

Наутро после ночного переполоха король поднялся первым и распорядился запереть все входы и выходы и никого не впускать во дворец, кроме его духовника.

Затем он приказал позвать к нему казначея, продавца воска, церемониймейстера, взял свой молитвенник в черном переплете и принялся читать молитвы, потом прервал чтение, занялся было вырезыванием фигурок святых, но вдруг и это занятие бросил и приказал созвать всех миньонов.

Выполнять этот приказ начали с Сен-Люка, но Сен-Люк мучился сильнее, чем когда-либо. Он изнывал, он был раздавлен смертельной усталостью. Болезнь довела его до полного изнеможения, вызвала сонливость; прошлой ночью он впал в глубокий сон, похожий на летаргию, и единственный во всем дворце ничего не слышал, хотя от королевской опочивальни его отделяла только тонкая стенка. Поэтому он испросил дозволения остаться в постели, пообещав прочесть столько молитв, сколько будет угодно королю.

Когда Генриху рассказали, какие муки испытывает несчастный Сен-Люк, он перекрестился и приказал послать к бедному страдальцу королевского аптекаря.

Затем король распорядился доставить в Лувр из монастыря Святой Женеьевы все дисциплины, служащие для бичевания. Одетый во все черное, он прошел перед строем своих миньонов – перед хромающим Шомбергом, перед д'Эперноном с рукой на перевязи, перед Келюсом, который все еще не пришел в себя, перед дрожащими от страха д'О и Можироном, прошел, раздавая им плети и наставляя своих любимчиков безжалостно бичевать самих себя и друг друга.

Д'Эпернон попросил освободить его от бичевания, ссылаясь на раненую руку, которая не позволит ему достойно отвечать на полученные удары, что, несомненно, внесет разлад в общую гармонию.

Но Генрих ответил, что такое покаяние будет еще угоднее богу.

Он пожелал сам подать пример благочестивого рвения. Снял камзол, колет, рубашку и принялся хлестать себя по плечам с усердием святого великомученика. Шико хотел было, по своей обычной привычке, посмеяться и отделаться шуточками, но, перехватив свирепый взгляд короля, уразумел, что время не для шуток. Тогда он, как и все остальные, взял дисциплину и принялся за дело с той лишь разницей, что бичевал не себя, а своих соседей, а если поблизости не оказывалось ничьей спины, то сбивал отшелушившуюся краску с колонн и со стен.

В этой суматохе лицо короля понемногу приняло более спокойное выражение, однако на нем все еще отражалась какая-то гнетущая тайная дума.

Неожиданно Генрих бросился вон из опочивальни, приказав миньонам не прекращать бичевания в его отсутствие. Но стоило двери за ним захлопнуться, и все дисциплины опустились, как по мановению волшебной палочки. Только Шико продолжал хлестать д'О, которого он недолюбливал. Д'О старательно отвечал шуту той же монетой. Это был настоящий поединок на плетках.

Генрих устремился в покои королевы. Он преподнес в дар своей супруге жемчужное ожерелье стоимостью в двадцать пять тысяч экю, обаял ее и расцеловал в обе щеки – обряд, который ему не случалось проделывать уже более года, – а потом попросил Луизу снять с себя все драгоценности и надеть власяницу.

Луиза Лотарингская, всегда кроткая и покладистая, тотчас же согласилась. Она лишь спросила, почему ее возлюбленный супруг подарил ей жемчужное ожерелье, раз он желает, чтобы она нарядилась в рубище.

– Во искупление моих грехов, – ответил Генрих.

Такой ответ удовлетворил королеву, так как она лучше всех остальных знала, какое великое множество грехов должен искупить ее муж. Луиза выполнила желание Генриха, и он покинул покои королевы, назначив ей встречу в своей опочивальне.

При появлении короля бичевание возобновилось. Д'О и Шико, не прекращавшие обмениваться ударами, были покрыты кровью. Король похвалил их за усердие и назвал своими единственными настоящими друзьями.

Спустя десять минут вошла королева, одетая во власяницу. Тут же всему двору были розданы свечи, и придворные щеголи и щеголихи, а также добрые парижане, благоговейно преданные своему королю и святой деве, невзирая на непогоду, направились на Монмартр, ступая босыми ногами по льду и снегу. Поначалу все они дружно дрожали от холода, но вскоре многих согрели яростные удары, которые Шико щедро раздавал тем, кто имел несчастье оказаться в пределах досягаемости его плетки.

Д'О признал себя побежденным и держался на расстоянии доброй полусотни шагов от Шико.

К четырем часам дня мрачное шествие закончилось, монастыри получили богатые пожертвования, у всего двора распухли ноги, со спин куртизанов была содрана кожа, королева появилась на всеобщее обозрение в одной рубашке из небеленого холста, король – с четками в виде черепов. И слез, и воплей, и молитв, и ладана, и песнопений – всего было вдоволь.

Как видите, денек выдался просто на славу.

Действительно, чтобы угодить королю, все покорно терпели холод и удары плетей, и никто не мог угадать, почему их повелитель, еще позавчера весело носившийся в танце, нынче с таким самозабвением предавался унылому делу покаяния и умерщвления плоти.

Гугеноты, лигисты и вольнодумцы, смеясь, глазели, как движется покаянное шествие, и, будучи по природе своей гнусными злопыхателями, осмеливались отпускать ядовитые замечания – дескать, прошлый раз процессия была куда внушительней, да и к бичеванию кающиеся относились с большей ответственностью, – хотя эти утверждения совершенно не соответствовали истине.

Генрих вернулся в Лувр голодный, с плечами, исполосованными синими и багровыми рубцами. Во время шествия он ни на шаг не отходил от королевы и, пользуясь каждой передышкой, каждой остановкой процессии возле какой-нибудь часовни, сулил ей новые и новые подарки или строил планы совместного паломничества к святыням.

Что касается Шико, то, устав размахивать плеткой и проголодавшись от этого непривычного физического упражнения, на которое его подвигнул король, он после Монмартрских ворот незаметно отделился от процессии и вместе со своим дружкой, братом Горанфло, тем самым монахом из монастыря Святой Женеьевы, который собирался исповедовать Бюсси, завернул в садик одной харчевни, пользовавшейся отменной репутацией. Там приятели распили изрядное количество бутылок пряного вина и полакомились чирком, убитым в болотах Гранж-Бательер. Затем, когда процессия возвращалась обратно, Шико снова занял свое место в рядах кающихся и вернулся в Лувр, с превеликим усердием бичуя без разбора всех, кто попадется под руку, – и кавалеров и дам; на его языке это называлось: «Раздавать полное отпущение грехов».

Когда стемнело, король почувствовал себя усталым от поста, от ходьбы босыми ногами по снегу, от неистовых ударов плети. Он приказал сервировать постный ужин, положить на плечи припарки, развести в камине большой огонь и отправился навестить Сен-Люка. Сен-Люк выглядел совсем здоровым и веселым.

Со вчерашнего дня король сильно переменился. Теперь он думал только о бренности всего земного, о покаянии и смерти.

– Ах! – вздохнул он с выражением человека, глубоко разочарованного. – Господь прав, делая наше существование столь горьким и тягостным.

– Но почему, государь? – спросил Сен-Люк.

– Потому что человек, устав от тягот мира сего, не страшится смерти, а, напротив, жаждет ее прихода.

– Прошу прощения, государь, – возразил Сен-Люк, – говорите только за себя самого, я вовсе не жажду смерти. Отнюдь.

– Слушай, Сен-Люк, – произнес король, сокрушенно покачивая головой, – ты поступишь правильно, ежели последуешь моему совету, более того, моему примеру.

– С превеликим удовольствием, государь, коли ваш пример мне понравится.

– Хочешь, я оставлю корону, а ты – жену, и мы вместе затворимся в какой-нибудь обители? У меня есть разрешение нашего святейшего отца. Завтра мы уже примем постриг, я буду зваться брат Генрих...

– Простите, государь, простите, но вы не дорожите своей короной, она вам уже изрядно поднадоела, иное дело моя жена – она мне очень дорога, ведь я ее совсем еще не знаю. Поэтому я не могу принять ваше предложение.

– Ох, ох, – завздыхал Генрих, – по-видимому, ты не так уж болен, как это кажется.

– Правда ваша, государь, мне весьма полегчало. Дух мой спокоен, а сердце исполнено радости. И я испытываю безумную тягу к счастью и к наслаждениям.

– Бедный Сен-Люк! – вздохнул король, складывая ладони, как на молитву.

– Это вчера, государь, нужно было ко мне обращаться с вашими предложениями, вчера. О, вчера я был капризным и угрюмым страдальцем. Из-за пустяка мог бы утопиться в колодце. Но нынче вечером все по-другому, я прекрасно провел ночь и отлично – день. Клянусь смертью Христовой! Да здравствует жизнь со всеми ее утехами!

– Ты все поминаешь Христа, богохульник!

– Разве я поклялся Христом, государь? Возможно. Но ведь было время – и вы им клялись, если только память мне не изменяет.

– Я клялся, Сен-Люк, но отныне я не клянусь.

– Ну, про себя я так не скажу. Я буду помянуть спасителя по возможности меньше, только это я и могу вам пообещать. К тому же господь бог добр и милостив к нам, грешникам, когда грехи наши происходят от человеческих слабостей.

– Ты думаешь, бог дарует мне прощение?

– О, за вас, государь, я не поручусь, я говорю только за себя, за вашего смиренного слугу. Чума меня возьми! Вы, вы греховодничали по-королевски, ну а я грешил, как жалкий любитель, как частное лицо. Надеюсь, в Судный день у господина в руках будут разные весы и разные гири на них.

Король глубоко вздохнул и забормотал «Confiteor»,¹⁷ ударяя себя в грудь при словах «*mea culpa*».¹⁸

– Сен-Люк, – спросил он, – скажи наконец, не хочешь ли ты провести ночь в моей опочивальне?

¹⁷ Исповедуюсь (лат.).

¹⁸ Моя вина (лат.).

– Это зависит от того, – ответил Сен-Люк, – чем мы будем заниматься в опочивальне вашего величества.

– Мы зажжем все свечи, я лягу, а ты считаешь молитвы святым.

– Благодарствую, государь.

– Ты отказываешься?

– Такое времяпровождение меня не соблазняет.

– Ты меня покидаешь в беде, Сен-Люк, ты меня покидаешь!

– Нет. Я вас не покидаю. Отнюдь!

– Неужели?

– Коли вам так угодно.

– Конечно, мне угодно.

– Но при одном условии *sine qua non*.¹⁹

– Каком?

– Пусть ваше величество повелит накрыть столы, созвать придворных, и, ей-богу, мы славно потанцуем.

– Сен-Люк! Сен-Люк! – вскричал король, охваченный ужасом.

– В чем дело? – сказал Сен-Люк. – Я хочу подурочиться сегодня вечером, лично я. А у вас, государь, нет желания выпить и поплясать?

Но Генрих не отвечал. Его дух, порой столь жизнерадостный и бодрый, все больше и больше омрачался; казалось, он борется с какой-то тяготившей его тайной мыслью, так птица, к лапке которой привязан кусок свинца, не может взлететь и тщетно хлопает крыльями.

– Сен-Люк, – наконец произнес король замогильным голосом, – видишь ли ты сны?

– Да, государь, и очень часто.

– Ты веришь в сны?

– Из благоразумия.

– Как так?

– Очень просто. Сны успокаивают, утешают в житейских горестях. К примеру сказать, прошлой ночью мне снился превосходный сон.

– А именно, расскажи...

– Мне снилось, что моя жена...

– Ты все еще думаешь о своей жене, Сен-Люк?

– Более чем когда-либо.

– Ах! – сокрушенно произнес король и возвел глаза к потолку.

– Мне снилось, – продолжал Сен-Люк, – что моя жена, сохранив свое прекрасное лицо, ибо, государь, жена у меня красавица...

– Увы, да, – сказал король. – Ева тоже была красавицей, нечестивый грешник, а Ева погубила нас всех.

– Ах, вот почему вы настроены против моей жены. Но вернемся к моему сну, государь.

– Я тоже, – сказал король, – и я видел сон...

– Итак, моя жена, сохранив свое прекрасное лицо, обрела крылья и тело птицы, и вот она, пренебрегая всеми решетками и запорами, перелетает через стены Лувра и с нежным, коротким криком прижимается головкой к стеклам моего окна, и я понимаю, что этим криком она хочет сказать: «Открой мне, Сен-Люк, раствори окно, мой дорогой муженек!»

– И ты открыл? – спросил король, находившийся на грани полного отчаяния.

– А как же иначе? – воскликнул Сен-Люк. – Я со всех ног бросился открывать.

– Суетный ты человек.

– Суетный, если вам так угодно, государь.

¹⁹ Непременном (лат.).

– Но тут, надеюсь, ты проснулся.

– Напротив, государь, я всячески старался не просыпаться. Уж до того хорош был сон.

– Значит, ты продолжал его видеть?

– Сколько мог, государь.

– И нынешней ночью, ты рассчитываешь...

– Конечно, рассчитываю на продолжение, и, не извольте гневаться, ваше величество, поэтому-то я и не могу принять ваше милостивое приглашение заняться чтением молитв. Если уж бодрствовать, государь, то я бы хотел по крайней мере получить взамен упущенного сновидения нечто равноценное. И как я уже говорил, если бы ваше величество сообразовало приказать, чтобы накрыли столы и послали за музыкантами...

– Довольно, Сен-Люк, довольно! – сказал король, поднимаясь с места. – Ты губишь себя, ты и меня погубишь, задержись я здесь у тебя еще немножко. Прощай, Сен-Люк, уповаю, что небо, вместо того бесовского сна-искусителя, ниспошлет тебе сон во спасение, такой сон, который побудил бы тебя завтра покаяться вместе с нами, и тогда мы и спасемся все вместе.

– Сомневаюсь, государь, более того, уверен, что общего спасения у нас не получится, и посему осмелюсь посоветовать вашему величеству нынче же вечером вышвырнуть за двери Лувра этого отпетого вольнодумца Сен-Люка, который решительно собирается умереть нераскаянным.

– Нет, – сказал Генрих, – нет, уповаю, что нынче ночью благодать господня осенит и тебя, подобно тому, как она снизошла на меня, грешного. Доброй ночи, Сен-Люк, я буду молиться за тебя.

– Доброй ночи, государь, а я за вас увижу сон.

И Сен-Люк затянул первый куплет более чем легкомысленной песенки, которую Генрих любил напевать, когда бывал в хорошем настроении духа; знакомый мотив заставил короля ускорить отступление, он захлопнул за собой дверь комнаты Сен-Люка и вернулся к себе, бормоча:

– Господи, владыко живота моего, ваш гнев справедлив и законен, ибо мир с каждым днем делается все хуже и хуже.

Глава VIII

О том, как король боялся страха, который он испытал, и как шико боялся испытать страх

Выйдя от Сен-Люка, король увидел, что его приказ уже выполнен и весь двор собрался в главной галерее.

Тогда он осыпал своих друзей кое-какими милостями: сослал в провинцию д'О, д'Эпернона и Шомберга, пригрозил отдать под суд Можирона и Келюса, если они еще раз посмеют напасть на Бюсси, Бюсси пожаловал свою руку для поцелуя, а своего брата Франсуа обнял и долго прижимал к сердцу.

К королеве он был чрезвычайно внимателен, наговорил ей тьму любезностей, и придворные даже подумали, что за наследником французского престола теперь дело не станет.

Однако обычный час отхода ко сну приближался, и нетрудно было заметить, что король, елико возможно, оттягивает свой вечерний туалет. Наконец часы в Лувре пробили десять. Генрих медленно обвел глазами придворных; казалось, он раздумывал, кому бы поручить то занятие, от которого уклонился Сен-Люк.

Шико перехватил его взгляд.

– Вот так раз! – сказал он со своей обычной бесцеремонностью. – Нынче вечером ты, мне кажется, строишь глазки, Генрих. Может быть, ты ищешь, кому бы преподнести жирное аббатство с десятью тысячами ливров дохода? Сгинь, нечистая сила! А какой лихой приор из меня выйдет! Подавай сюда твое аббатство, сын мой, подари его мне.

– Сопровождайте меня, Шико, – сказал король. – Доброй ночи, господа. Я иду спать.

Шико повернулся к придворным, подкрутил усы, принял грациозную позу и, томно закатив глаза, повторил, подражая голосу Генриха:

– Доброй ночи, господа, доброй ночи. Мы идем спать.

Придворные закусил губы, король покраснел.

– Ах да, – спохватился Шико, – а где мой куафер, где мой брадобрей, где мой камердинер – и прежде всего где моя помада?

– Нет, – возразил король, – ничего этого не будет. Начинается пост, и я приступил к покаянию.

– Ах, до чего жаль помады, – вздохнул Шико.

Король и шут вошли в уже знакомую нам королевскую опочивальню.

– Так вот оно как, Генрих! – сказал Шико. – Стало быть, я в фаворе, не правда ли? Стало быть, без меня не обойдешься? Стало быть, я смазлив, смазливее этого купидона Келюса?

– Замолчи, шут! – приказал король. – А вы оставьте нас, – обратился он к слугам.

Слуги повиновались, дверь за ними закрылась, Генрих и Шико остались одни. Шико с удивлением посмотрел на короля.

– Зачем ты их отослал? – спросил он. – Ведь нас с тобой еще не умастили притираниями. Может, ты хочешь намазать меня собственноручно, своей королевской десницей? Ну что ж! Эта епитимья не хуже любой другой.

Генрих не отвечал. Они были одни, и два короля, безумец и мудрец, посмотрели в глаза друг другу.

– Помолимся, – сказал Генрих.

– Спасибо! Вот удружил! – воскликнул Шико. – Нечего сказать, приятное времяпрепровождение. Если ты за этим меня пригласил, то лучше мне вернуться обратно в ту дурную компанию, в которой я находился. Прощай, сын мой. Доброй ночи.

– Останьтесь! – приказал король.

– Ого! – воскликнул Шико, выпрямляясь. – Кажись, мы вырождаемся в тиранию. Ты деспот! Фаларис!²⁰ Дионисий!²¹ Мне здесь надоело. Нынче я целый день по твоей милости обрабатывал плеткой из бычьих жил плечи своих лучших друзей, а пришел вечер – и ты хочешь начать все с начала... Чума меня возьми! Отложим это занятие, Генрих. Нас здесь всего лишь двое, а когда двое дерутся... каждый удар попадает в цель.

– Замолчите вы, несносный болтун, – прикрикнул на шута король, – и подумайте о своих грехах.

– Добро! Вот мы и договорились. Ты хочешь, чтобы я каялся? Ты этого от меня хочешь? Ну а в чем мне каяться? В том, что я сделался шутом у монаха? Confiteor... Я раскаиваюсь, mea culpa... Это моя вина, это моя вина, это моя тягчайшая вина!

– Не богохульствуй, жалкий грешник, не богохульствуй, – сказал король.

– Ах так! – воскликнул Шико. – Пусть лучше меня посадят в клетку со львами или с обезьянами, лишь бы не оставаться здесь, взаперти с королем-маньяком. Прощай, Генрих! Я ухожу.

Король схватил ключ от двери.

– Генрих, у тебя страшный вид, и предупреждаю, если ты меня не выпустишь отсюда, я кликну людей, я буду кричать, я сломаю дверь, я разобью окно. Я!.. Я!..

– Шико, – печально сказал король, – Шико, друг мой, ты пользуешься моим угнетенным состоянием.

– А-а, я понимаю, – ответил Шико, – тебе страшно остаться совсем одному, все вы, тираны, такие. Прикажи построить тебе двенадцать комнат, как Дионисий, или двенадцать дворцов, как Тиберий.²² А пока что возьми мою шпагу и позволь мне забрать с собой ножны от нее. Согласен?

При слове «страшно» в глазах короля сверкнула молния, затем он поднялся, охваченный какой-то странной дрожью, и зашагал по комнате.

Во всем теле Генриха чувствовалось такое возбуждение, а лицо его так побледнело, что Шико подумал – уж не заболел ли король на самом деле. С испуганным видом он следил за тем, как Генрих описывает круги по комнате, и наконец сказал ему:

– Послушай, сын мой, что с тобой стряслось? Поделись своими страхами со мной, с твоим другом Шико.

Король остановился перед шутом, глядя ему прямо в глаза.

– Да, – сказал он, – ты – мой друг, мой единственный друг.

– Кстати, в аббатстве Балансе пустует место приора, – заметил Шико.

– Слушай, Шико, ты умеешь хранить тайну?

– Недостает приора и в аббатстве Питивьер, а там пекут чудесные пироги с жаворонками.

– Несмотря на твои шутовские выходки, – продолжал король, – ты человек отважный.

– Тогда зачем мне аббатство, подари мне лучше полк.

– И даже можешь дать разумный совет.

– В таком случае не надо мне твоего полка, назначь меня советником. Ах нет, я передумал. Лучше полк или аббатство. Я не хочу быть советником. Тогда мне придется во всем поддакивать королю.

– Замолчите, Шико, замолчите, час приближается, ужасный час.

– Что на тебя опять накатило? – спросил Шико.

– Вы увидите, вы услышите.

²⁰ *Фаларис* – тиран сицилийского города Акраганта (570–554 гг. до н. э.). По одним сведениям, отличался крайней жестокостью. По другим – был чрезвычайно мягким человеком, покровителем искусства и философии.

²¹ *Дионисий Старший* – сиракузский тиран (405–367 гг. до н. э.), отличался крайней жестокостью и подозрительностью.

²² *Тиберий* – римский император (14–37 гг.).

– Что я увижу? Кого услышу?

– Подождите немного, и вы узнаете все, все, что хотите знать. Подождите.

– Нет, нет, ни за что на свете я не стану ждать. И какая бешеная блоха укусила твоего батюшку и твою матушку в ту злосчастную ночь, когда им вздумалось тебя зачать?

– Шико, ты храбрый человек?

– Да, и горжусь этим. Но я не стану подвергать мою храбрость такому испытанию. Сгинь, нечистая сила! Если король Франции и Польши вопит ночью, да так громко, что во всем Лувре поднимается переполох, то с меня-то что взять? Я человек маленький и могу даже опозорить твою опочивальню. Прощай, Генрих, позови своих капитанов, швейцарцев, привратников, аркебузирова, а мне позволь выбраться на свободу. К дьяволу невидимую погибель! К дьяволу неведомую опасность!

– Я вам приказываю остаться, – властно произнес король.

– Клянусь честью! Вот забавный монарх, он хочет отдавать приказания страху. Я боюсь, боюсь, говорю тебе. Ко мне! На помощь!

И Шико вскочил на стол, несомненно, для того, чтобы заранее занять выгодную позицию на тот случай, если объявится какая-то опасность.

– Ну ладно, шут, раз уж иначе ты не замолчишь, я тебе все расскажу.

– Ага, – сказал Шико, потирая руки. Он осторожно слез со стола и обнажил свою длинную шпагу. – Великое дело – знать заранее. Мы это все мигом распутаем. Ну, рассказывай, рассказывай, сын мой. Похоже, тут завелся крокодил, не так ли? Сгинь, нечистая сила! Клинок у меня добрый, я им каждую неделю мозоли срезаю, а мозоли у меня исключительно твердые.

И Шико удобно расположился в большом кресле, поставив перед собой обнаженную шпагу; ноги его обвилились вокруг клинка, как две змеи – символ мира – вокруг жезла Меркурия.

– Прошлой ночью, – начал Генрих, – я спал...

– И я тоже, – подхватил Шико.

– И вдруг ощутил на лице какое-то дуновение...

– Это крокодил, он проголодался и слизывал с тебя помаду.

– Я наполовину проснулся и почувствовал, что волосы на моей бороде встали дыбом от страха.

– Ах, ты вгоняешь меня в дрожь, – сказал Шико, съездившись в кресле и опираясь подбородком на эфес шпаги.

– И тут, – проговорил король голосом настолько слабым и неуверенным, что Шико с большим трудом улавливал слова, – и тут в комнате раздался голос, и звучал он так горестно, что потряс меня до глубины души.

– Голос крокодила, да. Я читал у путешественника Марко Поло,²³ что крокодил обладает необыкновенным голосом, он может даже подражать детскому плачу. Но успокойся, сын мой, если он явится, мы его убьем.

– Слушай хорошенько.

– А я что делаю, черт возьми? – возмутился Шико, распрямляясь, как на пружине. – Я весь превратился в слух: неподвижен, что твой пень, и нем, будто карп.

Генрих продолжал еще более мрачным и скорбным тоном:

– «Жалкий грешник!..» – сказал голос.

– Ба! – прервал короля Шико. – Голос произносил слова. Значит, это был не крокодил?

– «Жалкий грешник! – сказал голос. – Я глас господа бога твоего!»

Шико подпрыгнул, затем снова расположился в кресле.

– Господа бога? – переспросил он.

²³ Марко Поло (1254–1324) – венецианский путешественник и писатель. Первым из европейцев он в конце XIII в. пересек Центральную Азию и достиг Китая. Рассказы о его путешествии составили «Книгу Марко Поло».

– Ах, Шико, – ответил Генрих, – этот голос ужасал.

– А звучал-то он красиво? – спросил Шико. – И что, он действительно смахивал на трубный глас, как говорится в Писании?

– «Ты здесь? Ты внемлешь? – продолжал голос. – Внемлешь мне, закоренелый грешник? Ты что же, решил по-прежнему коснеть во грехе и погрязать в беззакониях?»

– Скажите пожалуйста, ай-яй-яй! Однако, насколько я могу судить, глас божий, пожалуй, сходен с голосом твоего народа.

– Затем, – сказал король, – последовала добрая тысяча других попреков, которые, уверяю вас, Шико, показались мне очень жестокими.

– Ну дальше, рассказывай дальше, сын мой, расскажи, расскажи, чем тебя попрекал этот голос. Я хочу знать – хорошо ли осведомлен господь бог.

– Нечестивец! – воскликнул король. – Коли ты сомневаешься, я прикажу тебя наказать.

– Я-то? – сказал Шико. – Я не сомневаюсь, нет, но меня удивляет одно: почему господь бог ждал до этого дня, чтобы на тебя обрушиться? Неужели со времен потопа он научился терпению? Итак, сын мой, – продолжал Шико, – тебя охватил невыносимый страх.

– О да!

– И было от чего.

– Пот ручьями стекал по моему лицу, мозг застыл в костях.

– Совсем как у Иеремии,²⁴ а впрочем, это вполне естественно. Ей-богу, будь я на твоём месте, со мною ещё и не такое бы творилось. И тогда ты позвал на помощь?

– Да.

– И все сбежались?

– Да.

– И принялись искать?

– Повсюду.

– И доброго боженьку не нашли?

– Нет. Этот голос умолк.

– Зато раздался твой. Да-а, действительно страшно.

– Так страшно, что я позвал духовника.

– Ага! И он появился?

– Тут же.

– Послушай-ка, сын мой, будь со мной откровенен и, против своего обыкновения, скажи мне правду. Что думает об этом откровении твой духовник?

– Он содрогнулся.

– Ещё бы!

– Он перекрестился и так же, как бог, приказал мне покаяться.

– Отлично, покаяние никогда не мешает. Но о том, что тебе привиделось или, скорее, слышалось, что он сказал?

– Он сказал: это указание свыше, чудо, и нужно подумать о спасении государства. Поэтому нынче утром я...

– Что ты сделал нынче утром, сын мой?

– Я дал сто тысяч ливров иезуитам.

– Великолепно!

– И я исполосовал ударами дисциплины свою кожу и кожу моих молодых любимцев.

– Прекрасно! И это все?

²⁴ Иеремия – один из четырех главных ветхозаветных пророков. Именем Иеремии названа одна из книг Ветхого Завета; ему приписывают также «Плач Иеремии» – своеобразное сочинение, оплакивающее разорение Иерусалима.

– Как это – все? А ты сам что думаешь, Шико? Я не к шуту обращаюсь, а к человеку разумному, к другу.

– Ах, государь, – серьезно сказал Шико, – сдается мне, у вашего величества был кошмар.

– Ты так думаешь?

– Все это привиделось вашему величеству во сне, и сон не повторится, если ваше величество не будет забивать себе голову разными мыслями.

– Сон? – сказал Генрих, с сомнением качая головой. – Нет, нет. Я уже не спал, отвечаю тебе за это, Шико.

– Ты спал, Генрих.

– Ничуть, глаза у меня были широко открыты.

– Случается, и я сплю с открытыми глазами.

– Но я этими глазами видел, а так не бывает, когда в самом деле спишь.

– Ну и что же ты видел?

– Я видел лунный свет на оконных стеклах и зловещий блеск аметиста на рукоятке моей шпаги, на том самом месте, где ты сейчас сидишь, Шико.

– А светильник, что с ним стало?

– Он погас.

– Сон, любезный мой сын, чистейший сон.

– Почему ты не веришь, Шико? Разве ты не слышал, что господь говорит с королями всякий раз, когда он собирается произвести на земле какие-нибудь великие изменения?

– Да, он с ними говорит, это правда, – сказал Шико, – но таким тихим голосом, что они его никогда не слышат.

– Но почему ты не хочешь поверить?

– Потому что ты слишком хорошо все слышал.

– Ну ладно. Понимаешь теперь, почему я велел тебе остаться? – спросил король.

– Черт возьми! – ответил Шико.

– Затем, чтобы ты сам слышал, что скажет голос.

– Нет, затем, что если мне вздумается повторить то, что я услышал, люди скажут – Шико валиет дурака, Шико – нуль, Шико – ничтожество, Шико – безумец, и что бы он там ни болтал первому встречному, все одно никто ему не поверит. Неплохо задумано, сын мой.

– Почему вам не придет в голову, мой друг, – сказал король, – что я доверяю эту тайну вашей испытанной верности?

– Ах, не лги, Генрих, ведь если голос появится, он попрекнет тебя этой ложью. А у тебя и без того грехов выше головы. Но будь по-твоему: принимаю твое предложение. Я с удовольствием послушаю глас божий, может быть, он скажет кое-что и для меня.

– А что нам делать до тех пор?

– Лечь спать, сын мой.

– Но если...

– Никаких «если».

– И все же...

– Не думаешь ли ты, что, оставаясь на ногах, сможешь помешать гласу господню заговорить? Король превосходит своих подданных только на высоту своей короны, а когда у тебя голова не покрыта, поверь мне, Генрих, ты такого же роста, как и все остальные люди, и даже пониже кое-кого из них.

– Хорошо, – сказал король, – значит, ты остаешься со мной?

– Договорились.

– Ладно, я ложусь.

– Добро!

– Но ты, ты ведь не ляжешь?

- И не подумаю.
- Я скину только камзол.
- Как тебе угодно.
- Штаны снимать не буду.
- Правильная предосторожность.
- Ну а ты?
- Я останусь в этом кресле.
- А ты не заснешь?
- За это не поручусь. Ведь сон, все равно что страх, сын мой, не зависит от нашей воли.
- Но, по крайней мере, постарайся не заснуть.
- Успокойся, я буду себя пощипывать! Впрочем, голос меня разбудит.
- Не шути с голосом, – предупредил Генрих, который уже занес было ногу над постелью,

но тут же ее отдернул.

- Ну, валяй, – сказал Шико. – Ты что, ждешь, чтобы я тебя уложил?

Король вздохнул, осмотрел тревожным взглядом все углы и закоулки комнаты и, дрожа всем телом, скользнул под одеяло.

- Так, – сказал Шико, – теперь мой черед.

И он растянулся на кресле, обложившись со всех сторон подушками и подушечками.

- Ну, как вы себя чувствуете, государь?
- Неплохо, – отозвался король. – А ты?
- Очень хорошо. Доброй ночи, Генрих.
- Доброй ночи, Шико, только ты не засыпай, пожалуйста.
- Чума на мою голову! Я и не собираюсь, – сказал Шико, зевая во весь рот.

И оба сомкнули глаза, король – чтобы притвориться спящим, Шико – чтобы и вправду заснуть.

Глава IX

О том, как глас божий обманулся и говорил с Шико, думая, что говорит с королем

Минут десять король и Шико лежали молча, почти не шевелясь. Но вдруг Генрих дернулся, словно ужаленный, резко приподнялся на руках и сел на постели.

Эти движения короля и вызванный ими шум вырвали Шико из состояния сладкой дремоты, предшествующей сну, и он также принял сидячее положение.

Король и шут посмотрели друг на друга горящими глазами.

– Что случилось? – тихо спросил Шико.

– Дуновение, – еще тише ответил король, – вот оно, дуновение.

В этот миг одна из свечей в руке у золотого сатира потухла, за ней вторая, третья и наконец четвертая и последняя.

– Ого! – сказал Шико. – Ничего себе дуновение.

Не успел он произнести последнее слово, как светильник, в свою очередь, погас, и теперь комнату освещали только последние отблески пламени, догоравшего в камине.

– Горячо, – проворчал Шико, вылезая из кресла.

– Сейчас он заговорит, – простонал король, забиваясь под одеяла. – Сейчас он заговорит.

– Послушаем, – сказал Шико.

И в самом деле, в спальне раздался хриплый и временами свистящий голос, который, казалось, выходил откуда-то из прохода между стеной и постелью короля.

– Закоренелый грешник, ты здесь?

– Да, да, господи, – отозвался Генрих, лязгая зубами.

– Ого! – сказал Шико. – Вот сильно простуженный голос. Неужели и на небесах можно схватить насморк? Но все равно это страшно.

– Ты внемлешь мне? – спросил голос.

– Да, господи, – с трудом выдавил из себя Генрих, – я внемлю, согнувшись под тяжестью твоего гнева.

– Ты думаешь, что выполнил все, что от тебя требовалось, – продолжал голос, – проделав все глупости, которыми ты занимался сегодня? Это показное – глубины твоего сердца остались незатронутыми.

– Отлично сказано, – одобрил Шико. – Все правильно.

Молитвенно сложенные ладони короля тряслись и хлопали одна о другую. Шико вплотную подошел к его ложу.

– Ну что, – прошептал Генрих, – ну что, теперь ты веришь, несчастный?

– Постойте, – сказал Шико.

– Что ты затеваешь?

– Тише! Вылезай из постели, только тихо-тихо, а меня пусти на свое место.

– Зачем это?

– Затем, чтобы гнев господень обрушился сначала на меня.

– Ты думаешь, тогда он пощадит меня?

– Ручаться не могу, но попробуем.

И с ласковой настойчивостью Шико вытолкнул короля из постели, а сам улегся на его место.

– Теперь, Генрих, – сказал он, – садись в мое кресло и не мешай мне.

Генрих повиновался, он начинал понимать.

– Ты не отвечаешь, – снова раздался голос, – это подтверждает твою закоснелость в грехах.

– О! Помилуй, помилуй меня, господи! – взмолился Шико, гнусава, как король.

Затем, склонившись в сторону Генриха, прошептал:

– Забавно, черт побери! Понимаешь, сын мой, господь бог не узнал Шико.

– Ну и что? – удивился Генрих. – Что ты хочешь этим сказать?

– погоди, погоди, ты еще не то услышишь.

– Нечестивец! – загремел голос.

– Да, господи, да, – зачастил Шико, – да, я закоренелый грешник, заядлый греховодник.

– Тогда признайся в своих преступлениях и покайся.

– Признаюсь, – сказал Шико, – что веду себя как настоящий предатель по отношению к моему кузену Конде, чью жену я обольстил, и я раскаиваюсь.

– Что, что ты там мелешь? – зашептал король. – Замолчи, пожалуйста! Эта история давно уже никого не интересует.

– Ах, верно, – сказал Шико, – пойдем дальше.

– Говори, – приказал голос.

– Признаюсь, – продолжал мнимый Генрих, – что нагло обокрал поляков: они выбрали меня королем, а я в одну прекрасную ночь удрал, прихватив с собой все коронные драгоценности, и я раскаиваюсь.

– Ты, бездельник, – прошипел Генрих, – что ты там вспоминаешь? Все это забыто.

– Мне обязательно нужно и дальше его обманывать, – возразил Шико. – Положитесь на меня.

– Признаюсь, – загнусавил шут, – что похитил французский престол у своего брата, герцога Алансонского, которому он принадлежал по праву, после того как я, по всей форме отказавшись от французской короны, согласился занять польский трон, и я раскаиваюсь.

– Подонок, – сказал король.

– Речь идет не только об этом, – заметил голос.

– Признаюсь, что вступил в сговор с моей доброй матушкой Екатериной Медичи с целью изгнать из Франции моего шурина, короля Наваррского, предварительно поубивав всех его друзей, и мою сестру, королеву Маргариту, предварительно поубивав всех ее возлюбленных, в чем я искренне раскаиваюсь.

– Ах ты, разбойник, – гневно процедил король сквозь плотно сжатые зубы.

– Государь, не будем оскорблять всевышнего, пытаюсь скрыть от него то, что ему и без нас доподлинно известно.

– Речь идет не о политике, – сказал голос.

– Ах, вот мы и пришли, – слезливым тоном отозвался Шико. – Значит, речь идет о моих нравах, не так ли?

– Продолжай, – прогремел голос.

– Чистая правда, господи, – каялся Шико от имени короля, – я слишком изнежен, ленив, слабоволен, глуп и лицемерен.

– Это верно, – глухо подтвердил голос.

– Я плохо обращаюсь с женщинами, прежде всего с моей женой, такой достойной особой.

– Подобаает возлюбить свою жену, как себя самого, и предпочитать ее всему на свете, – наставительно изрек голос.

– Ах, – с отчаянием вскричал Шико, – тогда я порядком нагрешил.

– И ты вынуждаешь к греху других, подавая им пример.

– Это правда, чистая правда.

– Ты чуть было не погубил бедного Сен-Люка.

– Ба! – возразил Шико. – А ты уверен, господи, что я еще не погубил его окончательно?

– Нет, он еще не погиб, но может погибнуть, а вместе с ним и ты, если завтра же утром, и никак не позже, ты не отошлешь его домой, к семье.

– Ага, – прошептал Шико королю, – сдается мне, что голос дружит с домом де Коссе.

– И если ты не сделаешь Сен-Люка герцогом, а его жену герцогиней в возмещение за те дни, которые ей пришлось прожить соломенной вдовой...

– А если я не послушаюсь? – сказал Шико, придав своему голосу явственную нотку несогласия.

– Если ты не послушаешься, – со страшной силой загремел голос, – то ты будешь всю вечность кипеть в большом котле, в котором уже варятся в ожидании тебя Сарданапал,²⁵ Навуходоносор и маршал де Рец.²⁶

Генрих III застонал. При этой угрозе его снова обуял дикий страх.

– Чума на мою голову! – выругался Шико. – Заметь, Генрих, как небеса интересуются господином де Сен-Люком. Черт меня побери, можно подумать, что добрый боженька сидит у него в кармане.

Но Генрих либо не слышал шуток Шико, либо, если он их слышал, они его не успокаивали.

– Я погиб, – растерянно твердил он, – я погиб, этот глас свыше меня убьет.

– Глас свыше! – передразнил его Шико. – Ах, на сей раз ты обманываешься. Голос сбоку, не более.

– Как это – голос сбоку? – удивился Генрих.

– Ну да, разве ты не слышишь, сын мой? Голос выходит из этой стены. Генрих, господь бог живет в Лувре. Вероятно, он, как император Карл Пятый, решил завернуть во Францию²⁷ по дороге в ад.

– Безбожник! Богохульник!

– Но это большая честь для тебя, Генрих. И я приношу тебе поздравления по сему случаю. Но, должен тебе сказать, ты весьма прохладно относишься к этой чести. Подумать только! Сам господь бог, собственной персоной, находится в Лувре и отделен от тебя всего лишь одной стенкой, а ты не хочешь нанести ему визит. Что случилось, Валуа? Я тебя узнать не могу, ты стал просто невежлив.

В эту минуту какая-то хворостинка, затерявшаяся в углу камина, с треском вспыхнула и осветила лицо Шико.

Выражение этого лица было таким веселым, даже насмешливым, что король удивился.

– Как, – сказал он, – у тебя хватает наглости смеяться? Ты дерзаешь...

– Ну да, я дерзаю, – ответил Шико, – и сейчас ты и сам дерзнешь, или пусть чума меня заберет. Подумай хорошенько, сын мой, и сделай так, как я тебе говорю.

– Ты хочешь, чтобы я пошел посмотреть...

– Не приютился ли господь бог в соседней комнате.

– Ну а если голос опять заговорит?

– А разве я не здесь и не смогу ответить? Даже очень хорошо, если я по-прежнему буду говорить от твоего имени и голос, который принимает меня за тебя, поверит, что ты остаешься в спальне, ибо он рыцарски доверчив, этот глас божий, и совсем не знает свой мир. Подумать

²⁵ *Сарданапал* – реально не существовавший ассирийский царь. Греческие авторы считали его последним ассирийским царем; описанные ими изнеженность Сарданапала и его любовь к роскоши и наслаждениям вошли в пословицу.

²⁶ *Маршал де Рец* – Жиль де Рец, барон де Монморанси-Лаваль (1404–1440). Де Рец известен не своим маршальским званием, а занятиями алхимией. По доносу противников был обвинен в том, что будто бы ставил опыты на крови мальчиков, за что и был казнен.

²⁷ ...он, как император Карл Пятый, решил завернуть во Францию ... – Имеется в виду Карл V Габсбург, король испанский и император Священной Римской империи (1519–1556), который вел войны с Францией за обладание Италией. Военные действия частично велись и на территориях Франции.

только, я уже целых четверть часа реву здесь, как осел, а он меня все еще не распознал. Это унижительно для разумного существа.

Генрих нахмурился. Слова шута поколебали его несокрушимую веру.

– Я думаю, ты прав, Шико, – произнес он, – и мне очень хочется...

– Ну, пошел, – напутствовал его Шико, подталкивая к двери.

Генрих осторожно открыл дверь в переднюю, соединявшую опочивальню с соседней комнатой, которая, как мы это уже говорили, раньше была комнатой кормилицы Карла IX, а теперь служила спальней Сен-Люка. Король не успел сделать еще и четырех шагов, а голос уже с удвоенным жаром возобновил свои упреки. Шико отвечал на них в самом жалостливом тоне.

– Да, – гремел голос, – ты непостоянен, как женщина, изнежен, как сибарит, развращен, как язычник.

– Увы! – хныкал Шико. – Увы! Увы! Разве я виноват, великий господь, что ты сотворил мою кожу такой нежной, руки такими белыми, нос таким чувствительным, дух таким переменчивым? Но отныне с этим покончено, господи, начиная с нынешнего дня я буду носить рубашки только из грубого холста, я погребу себя в навозной яме, как Иов, я буду есть коровий помет, как Иезекииль.²⁸

Тем временем Генрих, продолжая идти по передней, с удивлением заметил, что, по мере того как голос Шико становится все глуше, голос его собеседника звучит все громче и что голос этот, по-видимому, действительно исходит из комнаты Сен-Люка.

Генрих уже собирался постучать в дверь, но тут увидел луч света, пробивающийся в широкую замочную скважину.

Он нагнулся и заглянул в эту скважину.

Его бледное лицо внезапно побагровело от гнева, он выпрямился и начал протирать глаза, словно не мог им поверить и хотел получше рассмотреть то, что увидел.

– Клянусь смертью Христовой! – пробормотал он. – Мыслимое ли дело, чтобы надо мной посмели так надсмеяться?

Вот что король увидел через замочную скважину.

В углу комнаты Сен-Люк, облаченный в халат и узкие панталоны, выкрикивал в трубку сарбакана угрозы, которые Генрих принимал за божье откровение, а рядом, опираясь на его плечо, стояла молодая женщина в белом прозрачном одеянии и время от времени вырывала сарбакан из рук Сен-Люка и кричала в него все, что ей приходило в голову, – всякую чепуху, которую можно было сначала прочесть в ее лукавых глазах и на ее улыбающихся устах. Каждый раз, когда сарбакан опускался, раздавались взрывы хохота, ибо было слышно, как Шико плакался и сокрушался, с таким совершенством подражая гнусавому голосу своего хозяина, что королю в передней показалось, будто это он сам причитает и скорбит душой по поводу своих прегрешений.

– Жанна де Коссе в комнате Сен-Люка! Дыра в стене! Меня провели! – глухо прорычал Генрих. – О! Негодяи! Они мне дорого заплатят!

И после одной особенно оскорбительной фразы, которую госпожа де Сен-Люк прокричала в сарбакан, Генрих отступил на шаг и с силой, неожиданной в столь женственном создании, одним ударом ноги высадил дверь: дверные петли оторвались, замок сломался.

Полуодетая Жанна со страшным криком бросилась под балдахин и закрылась шелковыми занавесками.

Сен-Люк, бледный от ужаса, с сарбаканом в руке, упал на оба колена перед королем, белым от ярости.

– Ах! – вопил Шико из глубин королевской опочивальни. – О! Милосердия! Милосердия! Спаси меня, дева Мария, спасите меня, все святые... я слабею, я...

²⁸ *Иезекииль* – один из четырех ветхозаветных пророков.

Но в соседней комнате все действующие лица только что описанной нами бурлескной сцены, мгновенно превратившейся в трагедию, застыли, не в силах произнести ни звука.

Генрих нарушил молчание одним словом, а оцепенение – одним жестом.

– Убирайтесь, – сказал он, указывая на дверь.

И, уступив порыву бешенства, недостойному короля, вырвал сарбакан из рук Сен-Люка и замахнулся им на своего бывшего любимца. Но Сен-Люк резко вскочил на ноги, словно подброшенный стальной пружиной.

– Государь, – предупредил он, – вы имеете право ударить меня только в голову, я дворянин.

Генрих со всего размаха швырнул сарбакан на пол. Какой-то человек наклонился и подобрал игрушку. То был Шико. Услышав грохот выломанной двери и рассудив, что присутствие посредника будет нелишним, он поспешил в комнату Сен-Люка.

Предоставив Генриху и Сен-Люку без помех выяснять свои отношения, Шико бросился прямо к балдахину, за которым явно кто-то прятался, и извлек оттуда бедную женщину, дрожавшую от страха всем телом.

– Вот так штука! – сказал Шико. – Адам и Ева после грехопадения! И ты их изгоняешь, Генрих? – спросил он, обращаясь к королю.

– Да, – ответил Генрих.

– Тогда подожди, я буду за ангела с пламенным мечом.

И, встав между Сен-Люком и королем, Шико протянул над головами обоих провинившихся сарбакан вместо пламенного меча и сказал:

– Это мой рай, вы потеряли его из-за своего непослушания. Отныне я запрещаю вам вход в него.

И потом, склонившись к Сен-Люку, который обнял свою жену, чтобы в случае надобности защитить ее от королевского гнева, шепнул:

– Если у вас есть добрый конь, загоните его, но к утру будьте в двадцати лье отсюда.

Глава X

О том, как Бюсси отправился на поиски своего сна, все более и более убеждаясь, что этот сон был явью

Бюсси и герцог Анжуйский возвратились из Лувра в глубокой задумчивости: герцог опасался последствий дерзкого разговора с королем, на который его подбил Бюсси, а мысли Бюсси по-прежнему витали вокруг событий прошлой ночи.

– В конце концов, – рассуждал он, направляясь к своему дворцу после того, как распрощался с герцогом, превознеся до небес его мужественное и решительное поведение, – в конце концов, вот что не подлежит сомнению: на меня напали, я защищался, меня ранили; ведь рана в правом боку все еще дает себя знать и побаливает довольно сильно. Итак, схватившись с миньонами, я видел стену Турнельского дворца и зубчатые башни Бастилии так же хорошо, как сейчас вижу там вдали крест на церкви Пти-Шан; это на площади Бастилии на меня напали, немного не доходя до Турнельского дворца, между улицей Сен-Катрин и улицей Сен-Поль, а я ехал в Сент-Антуанское предместье за письмом королевы Наваррской. На меня напали там, возле двери с окошечком, через которое, после того как дверь за мной закрылась, я смотрел на Келюса, а у того щеки были белые-белые, а глаза горели. Я оказался в прихожей; в конце прихожей была лестница. Я почувствовал первую ступеньку этой лестницы, потому что споткнулся о нее. Тогда я упал без чувств. Потом начался мой сон. Потом меня привел в сознание холодный ветер: я лежал на откосе рва у Тампля, возле меня стояли монах, мясник и еще – старуха.

Теперь, почему же обычно я начисто и очень быстро забываю сны, а этот все ярче всплывает в памяти, хотя время идет и та ночь все дальше и дальше от меня? Ах, – сказал Бюсси, – вот в этом загадка...

Тут он подошел к дверям своего дворца, остановился, прислонился к стене и закрыл глаза.

– Смерть Христова! – сказал он. – Невозможно, чтобы сон оставил в душе такой отчетливый след. Я вижу комнату, фигуры на гобеленах, я вижу расписной потолок, вижу кровать из резного дуба с занавесками из белого с золотом шелка, вижу портрет, вижу белокурую даму, хотя, может быть, она и не сошла с портрета, тут у меня полной ясности нет. Наконец, я вижу доброе и веселое лицо молодого лекаря, которого привели ко мне с завязанными глазами; в общем, в моей голове полным-полно всяких образов и подробностей. Перечислим еще раз: гобелены, потолок, резная кровать, занавески из белого с золотом шелка, портрет, женщина, лекарь. Ну-ка. Ну-ка! Я обязательно отправлюсь на поиски всего этого и буду последней скотиной, если не разыщу.

А прежде всего, – закончил Бюсси, – чтобы правильно взяться за дело, наденем-ка мы костюм, более подходящий для ночного гуляки, и – к Бастилии.

Это решение вряд ли можно было назвать разумным. Ибо какой рассудительный человек, подвергнувшийся нападению в глухом закоулке и чудом избежавший смерти, отправится на следующий день, примерно в тот же поздний час, на поиски места происшествия? Однако Бюсси именно так и собирался поступить. Не раздумывая больше, он поднялся в свои комнаты, приказал слуге, сведущему в искусстве врачевания, которого он на всякий случай держал при себе, потуже перевязать рану, натянул высокие сапоги, доходившие до половины бедер, выбрал самую надежную шпагу, завернулся в плащ, сел в носилки, остановил их в конце улицы Руа-де-Сисиль, вылез из носилок, наказал своим людям ожидать его возвращения и зашагал по улице Сент-Антуан к площади Бастилии.

Было около девяти часов вечера. Уже пробили сигнал гасить огни. Парижские улицы пустели. Днем изредка выглядывало солнце и дул теплый ветер, поэтому все оттаяло, лужи

ледяной воды и ямы, полные грязи, превратили площадь Бастилии в почти непроходимую местность, усеянную озерами и обрывами, ее огибала та прижавшаяся к стене крепости дорога, о которой мы уже говорили.

Бюсси, уяснив себе, где он находится, начал искать место, где под ним свалили коня, и, как ему показалось, нашел его. Затем он восстановил в памяти свои отступления и атаки и воспроизвел их. Он отступил к домам и обследовал каждый фасад, надеясь найти ту дверь с нишей, к которой он прислонился, и с окошечком, через которое смотрел на Келюса. Но у всех дверей были ниши, и почти в каждой из них было прорезано окошечко, а за ним виднелась узкая темная прихожая. По воле судьбы, три четверти всех входных дверей открывались в такие прихожие, и эта предосторожность не покажется нам такой уж нелепой, если мы вспомним, что в те времена парижские буржуа не знали, что такое консьерж.

– Черт побери! – с глубокой досадой сказал Бюсси. – Пусть мне придется постучать в каждую из этих дверей и расспросить всех хозяев, пусть я истрачу тысячу экю, чтобы развязать языки всем лакеям и всем старухам, но я узнаю все, что хочу узнать. Здесь пятьдесят домов, по десять домов в вечер составит пять вечеров, и я пожертвую ими. Только придется подождать, пока земля не подсохнет.

Бюсси уже заканчивал этот монолог, когда заметил вдали колеблющийся, бледный огонек, который, отражаясь в лужах, как свет маяка в море, двигался в его сторону.

Огонек приближался медленно и неравномерно; временами останавливался, порой отклонялся – то влево, то вправо, иногда вдруг, остановившись, внезапно принимался что-то вытанцовывать, уподобляясь блуждающему огню, затем спокойно двигался вперед, но вскоре снова брался за свои выкрутасы.

– Решительно, площадь Бастилии – необычное место, – сказал Бюсси. – Но будь что будет, подождем.

И с этими словами он устроился поудобнее: завернулся в плащ и спрятался в нишу какой-то двери. Стояла темная-претемная ночь, и за четыре шага уже ничего нельзя было различить.

Огонек продолжал приближаться, описывая самые причудливые круги. Но, поскольку Бюсси не был суеверен, он оставался в убеждении, что этот свет не принадлежит к таинственным блуждающим огням, которые внушали такой страх путникам в Средние века, а исходит всего-навсего от фонаря, подвешенного к пальцам какой-то руки, а рука, в свою очередь, должна быть соединена с каким-то туловищем.

Действительно, после нескольких секунд ожидания это предположение подтвердилось. Шагах в тридцати от себя Бюсси заметил черный силуэт, длинный и тонкий, как столб, постепенно силуэт принял очертания человеческой фигуры; человек этот держал в левой руке фонарь и то вытягивал руку с фонарем перед собой, то отводил ее в сторону, то опускал к ноге. Сначала Бюсси подумал, что незнакомец принадлежит к почтенному братству пьяниц, так как только опьянением можно было объяснить его странные телодвижения и то философское спокойствие, с которым он проваливался в грязные ямы и шлепал по лужам.

Один раз он даже поскользнулся на подтаявшем льду: Бюсси услышал глухой звук, увидел, как фонарь стремительно полетел вниз, и подумал, что ночной гуляка, которого ноги плохо держат, тщетно пытается сохранить равновесие.

Бюсси уже ощущал к этому «служителю Бахуса», как назвал бы незнакомца мэтр Ронсар, тот род сочувствия, который благородные сердца испытывают к пьяницам, оказавшимся поздно ночью на улице, и чуть было не бросился ему на выручку, но тут фонарь взмыл вверх с быстротой, свидетельствующей, что его владелец обладает гораздо большей устойчивостью, чем это можно было предположить на первый взгляд.

– Ну вот, – пробормотал Бюсси, – кажется, впереди еще одно приключение.

И так как фонарь возобновил поступательное движение и, по-видимому, направлялся прямо к тому месту, где стоял Бюсси, молодой человек плотно прижался к стене.

Фонарь приблизился еще на десять шагов, и в отбрасываемом им свете наш герой заметил удивительную вещь – у человека, который нес фонарь, на глазах была повязка.

– Ей-богу! – сказал Бюсси. – Что за дикая затея играть в «холодно-горячо» с фонарем в руке, особенно в такое время и в такую распутицу? Неужели я опять сплю и вижу сон?

Бюсси выжидал. Человек с завязанными глазами сделал еще пять или шесть шагов.

– Господи помилуй, – прошептал Бюсси, – по-моему, он разговаривает сам с собой. Нет, он не пьяница и не сумасшедший. Он математик и пытается решить какую-то задачу.

Эту последнюю мысль нашему наблюдателю навяли слова, которые бормотал человек с фонарем.

– Четыреста восемьдесят восемь, четыреста восемьдесят девять, четыреста девяносто, – тихо отсчитывал он. – Должно быть, где-то здесь.

И таинственный незнакомец, приподняв повязку, подошел к двери дома, возле которого он оказался, и тщательно ее обследовал.

– Нет, – сказал он, – дверь явно не та.

Затем опустил повязку на глаза и снова зашагал, отсчитывая на ходу:

– Четыреста девяносто один, четыреста девяносто два, четыреста девяносто три, четыреста девяносто четыре... Здесь должно быть «горячо».

Он опять приподнял повязку и, подойдя к двери, соседней с той, возле которой спрятался Бюсси, осмотрел ее с не меньшим вниманием, чем первую.

– Гм! Гм! – произнес он. – Вот эта вполне подходит. Нет... да, да... нет... чертовы двери, они похожи друг на друга как две капли воды.

«К такому выводу пришел и я, – сказал себе Бюсси, – этот математик начинает внушать мне уважение».

Математик надвинул повязку на глаза и продолжал свой путь.

– Четыреста девяносто пять, четыреста девяносто шесть, четыреста девяносто семь, четыреста девяносто восемь, четыреста девяносто девять... Если напротив меня есть дверь, – сказал он, – то это и должна быть та самая...

Дверь тут действительно имелась, и это была как раз та самая, в нише которой прятался Бюсси, в результате чего, приподняв повязку, предполагаемый математик оказался лицом к лицу с нашим героем.

– Ну как? – поинтересовался Бюсси.

– Ой! – удивился любитель ночных прогулок, отступая на шаг.

– Вот тебе раз! – сказал Бюсси.

– Но это невозможно! – воскликнул неизвестный.

– Как видите, возможно, но случай и в самом деле необычный. Так, значит, вы тот самый лекарь?

– А вы тот самый дворянин?

– Тот самый.

– Иисус! Какая удача!

– Тот самый лекарь, – продолжал Бюсси, – который вчера вечером перевязал дворянина, получившего удар шпагой в бок?

– Верно.

– Все так, я вас тотчас же узнал. Должен сказать, что рука у вас нежная, легкая и в то же время очень умелая.

– Ах, сударь, я не ожидал встретить вас здесь.

– А что вы ищете?

– Дом.

– А-а, вы ищете дом? – протянул Бюсси.

– Да.

- Стало быть, вы знаете, где он?
- Как же я могу это знать? – ответил молодой человек. – Ведь мне завязали глаза, прежде чем отвести туда.
- Вас туда отвели с завязанными глазами?
- Конечно.
- Но вы уверены, что действительно приходили в этот самый дом?
- В этот или в один из соседних. В какой именно – я не уверен, поэтому я и разыскиваю...
- Прекрасно, – сказал Бюсси, – значит, все это не сон!..
- Что – все? Какой сон?
- Надо вам признаться, любезный, мне казалось, что все это приключение, кроме удара шпагой, разумеется, было просто сном.
- Я вас понимаю, – сказал молодой врач, – этим вы меня не удивили, сударь.
- Почему не удивил?
- Я сам думал, что во всем этом есть какая-то тайна.
- Да, любезный, и эту тайну я хочу прояснить. Вы не откажетесь мне помочь, не правда ли?
- Разумеется.
- По рукам. Но прежде всего один вопрос.
- Слушаю.
- Как вас зовут?
- Сударь, – сказал молодой лекарь, – я не стану принимать ваши слова за намеренное оскорбление. Я знаю, что, по доброму обычаю и по существующему порядку, в ответ на ваш вопрос мне подобало бы гордо вскинуть голову и, подбоченившись, спросить: «А вы, сударь, кем вы изволите быть?» Но у вас длинная шпага, а у меня только мой ланцет, у вас вид знатного дворянина, а я, промокший до костей, по пояс в грязи, я должен вам казаться каким-то проходивцем. Поэтому отвечу вам просто и чистосердечно: меня зовут Реми ле Одуэн.
- Прекрасно, сударь, тысячу раз благодарю. Что до меня, то я граф Луи де Клермон, сеньор де Бюсси.
- Бюсси д'Амбуаз! Герой Бюсси! – восторженно воскликнул юный медик. – Так вот оно что! Сударь, вы тот самый знаменитый Бюсси, тот полковник, который, который?.. О!
- Тот самый, сударь. А теперь, когда мы выяснили, кто мы такие, сделайте милость, удовлетворите мое любопытство, несмотря на то что вы весь вымокли и измазались в грязи.
- И в самом деле, – сказал молодой человек, сокрушенно разглядывая свои короткие штаны, сплошь забрызганные грязью, – и в самом деле, мне, как Эпаминонду Фиванскому,²⁹ очевидно, придется провести три дня дома, ведь в моем гардеробе всего лишь одни штаны и только один камзол. Но, простите, как мне показалось, вы сообразовали задать мне какой-то вопрос?
- Да, сударь, я хотел бы у вас спросить, как вы попали в тот дом.
- Весьма простым и в то же время очень сложным путем. Судите сами.
- Посмотрим.
- Господин граф, извините меня, я был так потрясен, что обращался к вам, не называя вашего титула.
- Какие пустяки, продолжайте.
- Господин граф, вот моя история: я живу на улице Ботрейи в пятистах двух шагах отсюда. Я бедный ученик хирурга, но, могу вас заверить, рука у меня довольно умелая.
- Я и сам имел случай в этом убедиться, – сказал Бюсси.

²⁹ Эпаминонд Фиванский (418–362 гг. до н. э.) – известный политический деятель и полководец из города Фивы, отличался, по рассказу Плутарха, честностью и скромностью.

– Учился-то я усердно, – продолжал молодой человек, – да вот пациентов не приобрел. Меня зовут, как я уже говорил, Реми ле Одуэн; Реми – потому, что такое имя дали мне при крещении, и Одуэн – потому, что я родился в Нантей-ле-Одуэн. Семь или восемь дней тому назад за Арсеналом какого-то бедолагу как следует полоснули ножом, я зашил ему кожу на животе и очень удачно втиснул туда кишки, которые вывалились было наружу. Эта операция принесла мне некоторую известность в округе, и, видимо, благодаря ей мне посчастливилось: вчера ночью меня разбудил чей-то приятный голосок.

– Голос женщины! – воскликнул Бюсси.

– Да, но не спешите с выводами, граф, какой бы деревенщиной я ни был, все же я понял, что это голос служанки. Я их знаю, ведь мне гораздо чаще приходилось иметь дело со служанками, чем с госпожами.

– И что же вы сделали?

– Я поднялся и открыл дверь, но едва я высунул голову, как две маленькие, не слишком нежные, но и не чересчур загорбелые ручки наложили мне на глаза повязку.

– И вам при этом не сказали ни слова?

– Нет, как же, мне было сказано: «Идите со мной, не пытайтесь разглядеть, куда я вас веду, молчите, вот ваше вознаграждение».

– И этим вознаграждением?..

– Оказался кошелек с пистолетами, который вложили мне в руку.

– Ага! И что вы ответили?

– Что я готов следовать за моей очаровательной проводницей. Я не знал, очаровательна она или нет, но подумал, что маслом каши не испортишь.

– И вы последовали за ней без возражений, не требуя никаких гарантий?

– Мне часто приходилось читать в книгах о подобных историях, и я заметил, что для врача они всегда кончаются чем-нибудь приятным. Итак, я последовал за незнакомкой, как я уже имел честь вам доложить; меня вели по твердой земле, к ночи подмерзло, и я насчитал четыреста, четыреста пятьдесят, пятьсот и, наконец, пятьсот два шага.

– Хорошо, – сказал Бюсси, – это было умно с вашей стороны. И вот теперь мы, по-вашему, должны быть у той двери?

– Во всяком случае, где-то поблизости от нее, потому что на сей раз я насчитал четыреста девяносто девять шагов. Конечно, хитрая девчонка могла повести меня окольным путем, – по моему, она была способна выкинуть со мной подобную штуку.

– Да, допустим, она позаботилась о такой предосторожности, тем не менее, будь она даже хитра, как сам дьявол, наверное, она все же сболтнула вам что-нибудь, назвала какое-то имя?

– Никакого.

– Может быть, вы сами что-нибудь заметили?

– Только то, что можно приметить пальцами, приученными в иных случаях заменять глаза, то есть – дверь, обитую гвоздями, прихожую за дверью, в конце прихожей – лестницу.

– Слева?

– Вот именно. Я даже сосчитал ступеньки.

– Сколько их было?

– Двенадцать.

– И потом сразу вход?

– Думаю, что сначала коридор: открывали три двери.

– Хорошо.

– А потом я услышал голос. Ах, на сей раз это был голос госпожи, такой нежный и мелодичный.

– Да, да. Это был ее голос.

– Конечно, ее.

- Ее, ее, клянусь вам.
- Вот уже кое-что, в чем вы можете поклясться. Дальше меня втолкнули в комнату, где лежали вы, и разрешили снять повязку.
- Все так.
- И тогда я вас увидел.
- Где я был?
- Вы лежали на постели.
- На постели с занавесками из белого шелка в золотых цветах?
- Да.
- А стены комнаты были покрыты гобеленами?
- Правильно.
- А на потолке написаны фигуры?
- Точно так, а в простенке между окнами...
- Портрет?
- Вот именно.
- Женщины в возрасте от восемнадцати до двадцати лет?
- Да.
- Блондинки?
- Да, несомненно.
- Прекрасной, как ангел?
- Еще прекрасней!
- Браво! Ну и что вы сделали?
- Я вас перевязал.
- И отлично перевязали, даю слово!
- Старался, как мог.
- Превосходно перевязали, просто превосходно, милостивый государь, сегодня утром рана почти закрылась и стала розовой.
- Это благодаря бальзаму, который я составил; на мой взгляд, он отлично действует, ибо, не зная, на ком мне его испробовать, я не раз протыкал себе кожу в самых различных местах тела, и – честное слово! – через два-три дня дырки уже затягивались.
- Любезный господин Реми, – воскликнул Бюсси, – вы замечательный человек, я полон всяческого расположения к вам... Но дальше, что было дальше? Рассказывайте.
- Дальше вы снова потеряли сознание. Голос спросил меня, как вы себя чувствуете.
- Откуда он спрашивал?
- Из соседней комнаты.
- Значит, самой дамы вы не видели?
- Нет, не видел.
- Что вы ей ответили?
- Что рана не опасна и через двадцать четыре часа затянется.
- И она была довольна?
- Ужасно. Она воскликнула: «Боже мой, какое счастье!»
- Она сказала: «Какое счастье!»? Милый господин Реми, я вас озолочу. Ну дальше, дальше.
- Вот и все, никакого дальше. Вы были перевязаны, а мне уже ничего не оставалось там делать. Голос сказал мне: «Господин Реми...»
- Голос знал ваше имя?
- Конечно, все из-за того несчастного, которого проткнули ножом. Помните, я вам говорил?
- Верно, верно; итак, голос сказал: «Господин Реми...»

– «Будьте до конца человеком чести, не подвергайте опасности бедную женщину, подавшаую чувству сострадания; завяжите себе глаза, позвольте отвести вас домой и не пытайтесь подглядывать по дороге».

– Вы обещали?

– Я дал слово.

– И вы сдержали его?

– Как видите, – простодушно ответил молодой человек, – иначе я не искал бы дверь.

– Ладно, – сказал Бюсси, – это великолепная черта характера, показывающая, что вы галантный кавалер, и хотя внутри у меня все кипит от злости, я не могу не сказать: вот моя рука, господин Реми.

И восхищенный Бюсси протянул руку молодому лекарю.

– Сударь! – воскликнул пораженный Реми.

– Примите, примите ее, вы достойны быть дворянином.

– Сударь, – сказал Реми, – я вечно буду гордиться тем, что имел честь пожать руку отважному Бюсси д'Амбуазу. А пока что совесть моя неспокойна.

– Это почему же?

– В кошельке оказалось десять пистолей.

– Ну и что?

– Это слишком много для лекаря, которому больные платят за визит пять су, а то и совсем ничего не платят, и я разыскивал дом...

– Чтобы вернуть кошелек?

– Вот именно.

– Любезный господин Реми, вы чересчур щепетильны, клянусь вам; эти деньги вы честно заработали, они ваши по праву.

– Вы думаете? – с явным облегчением спросил Реми.

– Я отвечаю за свои слова, но дело в том, что расплачиваться с вами следовало вовсе не этой даме, ведь я ее не знаю, и она меня тоже.

– Вот еще одна причина вернуть деньги. Сами видите.

– Я хотел вам сказать только, что и я тоже, и я ваш должник.

– Вы мой должник?

– Да, и я расквитаюсь с вами. Чем вы занимаетесь в Париже? Давайте рассказывайте. Поверьте мне ваши тайны, любезный господин Реми.

– Чем я занимаюсь в Париже? Да, в сущности, ничем, господин граф, но я мог бы кое-чем подзаняться, имей я пациентов.

– Ну что же, вам очень повезло; для начала я вам доставлю одного пациента: самого себя. Поверьте, у вас будет большая практика! Не проходит дня, чтобы либо я не продырявил самое прекрасное творение создателя, либо кто другой не подпортил великолепный образчик его искусства в моем лице. Ну как, согласны вы заняться штопанием дыр, которые будут протыкать в моей шкуре, или тех, которые я сам проткну в чьей-нибудь оболочке?

– Ах, господин граф, – сказал Реми, – у меня так мало заслуг...

– Напротив, вы именно тот человек, которого мне надо, дьявол меня побери! Рука у вас легкая, как у женщины, и с этим бальзамом Феррагюс...

– Сударь!

– Вы будете жить у меня, у вас будут свои собственные апартаменты, свои слуги; соглашайтесь или, даю слово, вы ввергнете меня в пучину отчаяния. К тому же ваша работа еще не закончена: вам надо сменить мне повязку, любезный господин Реми.

– Господин граф, – отвечал молодой врач, – я в таком восторге, что не знаю, как выразить свою радость. У меня будет работа! У меня будут пациенты!

– Ну нет, ведь я вам сказал, что беру вас только для себя самого... ну и для моих друзей, естественно. А теперь – вы ничего больше не вспомните?

– Ничего.

– Ну, коли так, то помогите мне разобраться кое в чем, если это возможно.

– В чем именно?

– Да видите ли... вы человек наблюдательный: вы считаете шаги, вы ощупываете стены, вы запоминаете голоса. Не знаете ли вы, почему после того, как вы меня перевязали, я очутился на откосе рва у Тампля?

– Вы?

– Да... я... Может быть, вы помогали меня переносить?

– Ни в коем случае! Наоборот, если бы спросили моего совета, я решительно воспротивился бы такому перемещению. Холод мог вам очень повредить.

– Тогда я ума не приложу, как это случилось. Вам не угодно будет продолжить поиски вместе со мной?

– Мне угодно все, что угодно вам, сударь, но я боюсь, что от этого не будет проку, ведь все дома тут на одно лицо.

– Тогда, – сказал Бюсси, – надо будет посмотреть на них днем.

– Да, но днем нас увидят.

– Тогда надо будет собрать сведения.

– Мы все разузнаем, монсеньор...

– И мы добьемся своего. Поверь мне, Реми, отныне нас двое, и мы существуем не во сне, а наяву, и это уже много.

Глава XI

О том, что за человек был главный ловчий Бриан де Монсоро

Даже не радость, а чувство какого-то исступленного восторга охватило Бюсси, когда он убедился, что женщина его грез действительно существует и что эта женщина не во сне, а наяву оказала ему то великодушное гостеприимство, неясные воспоминания о котором он хранил в глубине сердца.

Поэтому Бюсси решил ни на мгновение не расставаться с молодым лекарем, которого он только что возвел в ранг своего постоянного врачевателя. Он потребовал, чтобы Реми, такой, как был, – весь в грязи с головы до ног, сел вместе с ним в носилки. Бюсси боялся, что, если он хоть на миг упустит Реми из виду, тот исчезнет, подобно дивному видению прошлой ночи; нужно было во что бы то ни стало доставить его к себе домой и запереть на ключ до утра, а на следующий день будет видно, выпускать его на свободу или нет.

Все время обратного пути было употреблено на новые вопросы, но ответы на них врачались в замкнутом кругу, который мы только что очертили. Реми ле Одуэн знал не больше Бюсси, правда, лекарь, не терявший сознания, был уверен, что Бюсси не грезил.

Для всякого человека, начинающего влюбляться, – а Бюсси влюбился с первого взгляда, – чрезвычайно важно иметь под рукой кого-нибудь, с кем можно было бы потолковать о любимой женщине. Правда, Реми не удостоился чести лицеизреть красавицу, но в глазах Бюсси это было еще одним достоинством, ибо давало ему возможность снова и снова растолковывать своему спутнику, насколько оригинал во всех отношениях превосходит копию.

Бюсси горел желанием провести всю ночь в разговорах о прекрасной незнакомке, но Реми начал исполнение своих обязанностей врача с того, что потребовал от раненого уснуть или по меньшей мере лечь в постель. Усталость и боль от раны давали нашему герою такой же совет, и в конце концов эти три могущественные силы одержали над ним верх.

Однако, прежде чем лечь в постель, Бюсси самолично разместил своего нового сотрапезника в трех комнатах четвертого этажа, которые он сам занимал в годы юности. И только убедившись, что молодой врач, довольный своей новой квартирой и новой судьбой, подаренной ему провидением, не сбежит тайком из дворца, Бюсси спустился на второй этаж, в свои роскошные апартаменты.

Когда он проснулся на следующий день, Реми уже стоял возле его постели. Молодой человек всю ночь не мог поверить в свалившееся на него счастье и ожидал пробуждения Бюсси, в свою очередь желая убедиться, что все это не сон.

– Ну, – сказал Реми, – как вы себя чувствуете?

– Как нельзя лучше, милейший эскулап, ну а вы, вы довольны?

– Так доволен, мой сиятельный покровитель, что не поменялся бы своей участью с самим королем Генрихом Третьим, хотя за вчерашний день его величество должен был сильно продвинуться по пути в рай. Но не в этом дело, разрешите взглянуть на рану.

– Взгляните.

И Бюсси повернулся на бок, чтобы молодой хирург мог снять повязку.

Рана выглядела как нельзя лучше, края ее стянулись и приняли розовую окраску. Обнаженный Бюсси хорошо спал, крепкий сон и ощущение счастья пришли на помощь хирургу, не оставив на его долю почти никаких забот.

– Ну что? – спросил Бюсси. – Что вы скажете, мэтр Амбруаз Паре?

– Я скажу, что вы уже почти выздоровели, но я открываю вам эту врачебную тайну с большим страхом, – как бы вы не отослали меня обратно на улицу Ботрейн, что в пятистах двух шагах от знаменитого дома.

– Который мы разыщем, не правда ли, Реми?

– Я в этом уверен.

– Как ты сказал, мой мальчик? – переспросил Бюсси.

– Простите, – вскричал Реми со слезами на глазах, – неужели вы сказали мне «ты», монсеньор?

– Реми, я всегда обращаюсь на «ты» к тем, кого люблю. Разве ты возражаешь против такого обращения?

– Напротив, – воскликнул молодой человек, пытаясь поймать руку Бюсси и поцеловать ее, – напротив, мне показалось, что я ослышался. О! Монсеньор де Бюсси, вы хотите, чтобы я сошел с ума от радости?

– Нет, мой друг, я хочу только, чтобы и ты, в свою очередь, меня полюбил и считал бы себя принадлежащим к моему дому и чтобы ты сегодня, пока будешь здесь устраиваться, позволил мне присутствовать на церемонии вручения королю эстортюэра.³⁰

– Ах, – сказал Реми, – вот мы уже и собираемся надеть глупостей.

– Э, нет, наоборот, обещаю тебе вести себя примерно.

– Но вам придется сесть на коня.

– Проклятие! Это совершенно необходимо.

– Найдется ли у вас хороший скакун со спокойным аллюром?

– У меня таких четыре на выбор.

– Ну хорошо, возьмите себе на сегодняшний день коня, на которого вы посадили бы даму с портрета, понимаете?

– Ах, я понимаю, отлично понимаю. Послушайте, Реми, воистину вы раз навсегда нашли путь к моему сердцу, я страшно боялся, что вы не допустите меня к участию в этой охоте или, скорее, в этом охотничьем представлении, на котором будут присутствовать все придворные дамы и толпы любопытствующих горожанок. И я уверен, Реми, милый Реми, ты понял, что дама с портрета должна принадлежать ко двору или, во всяком случае, должна быть парижанкой. Несомненно, она не простая буржуазка: гобелены, тончайшие эмали, расписной потолок, кровать с белыми и золотыми занавесками, – словом, вся эта изысканная роскошь изобличает в ней даму высокого происхождения или по меньшей мере богатую женщину. Что, если я встречу ее там, в лесу?

– Все возможно, – философски заметил Одуэн.

– За исключением одного – разыскать дом, – вздохнул Бюсси.

– И проникнуть в него, когда мы его разыщем, – добавил Реми.

– Ну уж об этом-то я меньше всего беспокоюсь, – сказал Бюсси. – Мне бы только добраться до его дверей, – продолжал он, – а уж там я пушу в ход одно испытанное средство.

– Какое?

– Устрою себе еще один удар шпагой.

– Отлично, – сказал Реми, – ваши слова позволяют надеяться, что вы сохраните меня при себе.

– Ну на этот счет будь спокоен. Мне кажется, будто я тебя знаю лет двадцать, не меньше, и, слово дворянина, уже не мог бы обходиться без тебя.

Приятное лицо молодого лекаря расцвело под наплывом невыразимой радости.

³⁰ *Эстортюэр* – жезл, который главный ловчий вручает королю, дабы этим жезлом король при скачке галопом раздвигал ветки деревьев. (Прим. автора.)

– Итак, – сказал он, – решено. Вы едете на охоту и займетесь там поисками дамы, а я вернусь на улицу Ботрейн, искать дом.

– Вот будет занятно, – сказал Бюсси, – если, когда мы снова встретимся, окажется, что мы оба добились успеха.

На этом они распрощались, скорее как два друга, чем как господин и слуга.

В Венсенском лесу и на самом деле затевалась большая охота в честь вступления в должность господина Бриана де Монсоро, уже несколько недель тому назад назначенного главным ловчим. Вчерашняя процессия и неожиданное покаяние короля, который начал пост в последний день масленичного карнавала, заставили придворных усомниться, почтит ли он своим присутствием эту охоту. Ибо обычно, когда на Генриха III находил приступ набожности, он по неделям не покидал Лувра, а иногда даже отправлялся умерщвлять плоть в монастырь. Однако на сей раз, к удивлению придворных, около девяти часов утра распространилось известие, что король уже выехал в Венсенский замок и гонит лань вместе со своим братом, монсеньором герцогом Анжуйским, и всем двором.

Местом сбора охотников служила Коновязь короля Людовика Святого.³¹ Так назывался в те времена перекресток дорог, где, как говорят, тогда еще можно было увидеть знаменитый дуб, под которым король-мученик вершил правосудие. Все собрались к девяти часам, и ровно в девять, верхом на прекрасном вороном жеребце, на поляну выехал новоиспеченный главный ловчий, предмет всеобщего любопытства, ибо почти никто из придворных его не знал.

Все взоры обратились на вновь прибывшего.

Граф де Монсоро был высоким мужчиной лет тридцати пяти на вид; на его лице, испещренном мелкими оспинами, при малейшем волнении проступали красные пятна, и это побуждало любопытных приглядываться к нему еще пристальнее, что редко идет на пользу тому, на кого смотрят.

И действительно, чувство взаимной симпатии обычно возникает от первого впечатления: прямой взгляд и открытая улыбка вызывают ответный ласковый взор и улыбку.

В камзоле зеленого сукна, сплошь покрытом серебряными галунами, опоясанный серебряной перевязью, на которой был вышит щит с королевским гербом, в берете с длинным пером, с копьем в левой руке, с эстортуром, предназначенным для короля, в правой, господин де Монсоро мог показаться грозным сеньором, но назвать его красивым нельзя было никак.

– Фи! Что за уroda вы нам привезли из вашего края, монсеньор, – сказал Бюсси, обращаясь к герцогу Анжуйскому, – так вот каким дворянам вы покровительствуете? Черт меня побери, если в Париже найдется второе такое чудище, а Париж – город очень большой и густо населенный отнюдь не красавцами. Ваше высочество знает, что я не верю разным слухам, но молва гласит, будто вы приложили все старания к тому, чтобы король согласился принять главного ловчего из ваших рук.

– Сеньор де Монсоро мне хорошо служил, – лаконично сказал герцог Анжуйский, – и я вознаградил его за службу.

– Прекрасно сказано, монсеньор, особенно ежели знать, что признательность – качество, весьма редко встречающееся у принцев; но если дело только в службе, то взять хотя бы меня, думается, я тоже неплохо служил вашему высочеству, и смею вас заверить, камзол главного ловчего был бы мне более к лицу, чем этому долговязому привидению. Ах да, я сначала было и не заметил, а у него еще и борода рыжая, это его особенно красит.

– Я еще ни от кого не слышал, – возразил герцог Анжуйский, – что только красавцы, отлитые по образцу Аполлона или Антиноя,³² могут рассчитывать на придворную должность.

³¹ *Людовик Святой* – король Франции (1226–1270), умерший от чумы во время возглавленного им VIII Крестового похода и объявленный святым.

³² *Антиной* – любимый раб римского императора Адриана (76–138). Изображения Антиноя наряду с изображениями Аполлона стали символом мужской красоты.

– Удивительно, – ответил Бюсси, сохраняя полнейшее хладнокровие. – Неужели вы этого не слышали?

– Для меня важно сердце, а не лицо, услуги, действительно оказанные, а не только обещанные.

– Ваше высочество может подумать, что я чрезмерно любопытен, – сказал Бюсси, – но я тщетно пытаюсь понять, какую такую услугу мог оказать вам этот Монсоро.

– Ах, Бюсси, – раздраженно заметил герцог, – вы правы: вы весьма любопытны, даже слишком любопытны.

– Вот они, принцы! – воскликнул Бюсси со своей обычной непринужденностью. – Сами всегда спрашивают, и приходится отвечать им на все вопросы, а попробуйте вы один-единственный раз у них чего-нибудь спросить – они не удостоят вас ответом.

– Это правда, – сказал герцог Анжуйский, – но знаешь, что нужно сделать, если ты хочешь получить ответ?

– Нет, не знаю.

– Обратись к самому господину де Монсоро.

– И верно, – сказал Бюсси, – ей-богу, вы правы, монсеньор. К тому же он всего лишь простой дворянин, и если он мне не ответит, я могу прибегнуть еще к одному средству.

– Какому же?

– Назвать его наглецом.

С этими словами Бюсси повернулся спиной к принцу и, без долгих раздумий, на глазах у своих друзей, держа шляпу в руке, поскакал к графу Монсоро; граф восседал на коне посредине поляны, представляя собой мишень для любопытных глаз, и с удивительной выдержкой ожидал появления короля, которое освободило бы его от тяжести прямых взглядов, падавших на него со всех сторон.

При виде Бюсси, приближавшегося к нему с веселым лицом, улыбкой на устах и шляпой в руке, главный ловчий позволил себе немного расслабиться.

– Прошу прощения, сударь, – обратился к нему Бюсси, – но я вижу вас в полнейшем одиночестве. Неужели благодаря оказанной вам милости вы удосужились приобрести здесь столько же врагов, сколько могли бы иметь друзей за неделю до вашего назначения главным ловчим?

– Ей-богу, любезный граф, – ответил сеньор де Монсоро, – присягать в этом я не стал бы, но пари держать могу. Однако же позвольте узнать, что побудило вас оказать мне честь и нарушить мое уединение?

– Черт побери, – смело сказал Бюсси, – я действую, побуждаемый великим восхищением перед вами, которое внушил мне герцог Анжуйский.

– Каким образом?

– Рассказав о вашем подвиге, том самом, за который вам была пожалована должность главного ловчего.

Граф де Монсоро так страшно побледнел, что рассыпанные по его лицу мелкие оспины превратились в черные точки на желтоватой коже; при этом главный ловчий бросил на Бюсси грозный взгляд, не предвещавший ничего доброго.

Бюсси понял, что сделал ложный шаг, но он был не из тех людей, которые отступают; напротив – он принадлежал к тем, кто допущенную нескромность обычно исправляет дерзостью.

– Вы говорите, любезный граф, – произнес главный ловчий, – что монсеньор рассказал вам о моем последнем подвиге?

– Да, сударь, – ответил Бюсси, – и со всеми подробностями. Признаюсь вам, я так заинтересовался, что не мог преодолеть пылкое желание услышать весь рассказ из ваших собственных уст.

Граф де Монсоро судорожно стиснул древко копья, словно его охватило не менее пылкое желание тут же, не сходя с места, проткнуть насквозь графа де Бюсси.

– Поверьте, сударь, – сказал он, – я готов отдать должное вашей учтивости и выполнить вашу просьбу, но, к сожалению, вот наконец и король, и у меня не остается на это времени. Но если вы пожелаете, мы можем встретиться в другой раз.

И в самом деле, король, верхом на своем любимом коне, великолепном испанском жеребце буланой масти, уже скакал от замка к месту сбора.

Бюсси повернул лошадь и встретился взглядом с герцогом Анжуйским; на устах принца играла недобрая улыбка.

«И у хозяина, и у слуги, – подумал Бюсси, – когда они смеются, одинаково мерзкий вид. Как же они выглядят, когда плачут?»

Король любил красивые и приветливые лица. Поэтому его не очень-то расположила к себе внешность господина де Монсоро, которого он уже однажды видел и который при второй встрече порадовал его не больше, чем при первой. И все же Генрих с довольно благосклонной улыбкой принял эстортур из рук главного ловчего, преподнесшего королю жезл, по обычаю преклонив колено. Как только король вооружился, старшие загонщики объявили, что лань поднята, и охота началась.

Бюсси занял место с краю охотничьей кавалькады, чтобы иметь возможность видеть все собравшееся общество; он внимательно изучал каждую проезжавшую мимо женщину в надежде обрести оригинал портрета, но труды его были напрасны: на эту охоту, где впервые лицедействовал новый главный ловчий, собрались все красавицы, все прелестницы и все искусительницы города Парижа и королевского двора, но среди них не было того очаровательного создания, которое он искал.

Отчаявшись в своих поисках, Бюсси решил развлечься болтовней в компании друзей. Антрагэ, как всегда веселый и словоохотливый, помог ему развеять тоску.

– На нашего главного ловчего смотреть тошно, – сказал Антрагэ, – а как по-твоему?

– На мой взгляд, он просто пугало, ну и славная же у него должна быть семейка, если только те, кто имеет честь принадлежать к его родичам, наделены фамильным сходством. Покажи-ка мне его жену.

– Главный ловчий пока еще холост, – ответил Антрагэ.

– Откуда ты знаешь?

– От госпожи де Ведрон, она считает его писаным красавцем и охотно сделала бы своим четвертым мужем, как Лукреция Борджа³³ герцога д'Эсте. Посмотри, как она нахлестывает своего гнедого, поспешая за вороным господина де Монсоро.

– И какого поместья он сеньор? – спросил Бюсси.

– Да у него полно поместий.

– В каких краях?

– Около Анжера.

– Значит, он богат?

– По слухам, да, но не знатен. Кажется, он из худородного дворянства.

– И кто в любовницах у этого дворянчика?

– У него нет любовницы. Сей достойный муж хочет быть единственным в своем роде. Но взгляни, монсеньор герцог Анжуйский машет тебе рукой, поезжай к нему скорее.

– Куда спешить? Герцог Анжуйский подождет. Этот Монсоро возбуждает мое любопытство. Он какой-то странный. Не знаю почему, но, как тебе известно, при первой встрече с чело-

³³ Лукреция Борджа (1480–1549), принадлежавшая к известному испано-итальянскому роду Борджа, была весьма образованной для своего времени женщиной и отличалась необыкновенной красотой. Четвертым ее мужем был Альфонс д'Эсте, герцог Феррарский.

веком бывает что-то вроде предчувствия, так вот, мне кажется, что мне с ним еще придется столкнуться. А имя у него какое – Монсоро!

– Мышиная гора, – пояснил Антрагэ, – вот его этимология; по-латыни Mons soricis. Мой старик аббат объяснил мне это нынче утром.

– Лучше и не придумашь.

– Погоди-ка! – вдруг воскликнул Антрагэ.

– Что такое?

– Ведь Ливаро все знает.

– Что – все?

– Все о нашем Mons soricis. Они соседи по имениям.

– Что же ты молчал? Эй, Ливаро!

Ливаро подъехал к друзьям.

– Чего вам? – осведомился он.

– Расскажи, что ты знаешь о Монсоро.

– Охотно.

– А рассказ будет длинный?

– Нет, постараюсь покороче. В трех словах выскажу все, что я о нем думаю. Я его боюсь!

– Прекрасно. А теперь, когда ты сказал все, что ты о нем думаешь, расскажи все, что ты о нем знаешь.

– Слушайте... однажды вечером...

– Какое захватывающее начало, – сказал Антрагэ.

– Дадите вы мне рассказать все до конца?

– Продолжай.

– Однажды вечером я возвращался от моего дяди д'Антрагэ и ехал Меридорским лесом, это было примерно полгода назад; вдруг до моих ушей донесся душераздирающий вопль, и мимо меня пробежал белый иноходец без всадника, пробежал и скрылся в чаще. Я дал шпоры коню, погнал его в ту сторону, где кричали, и в поздних вечерних сумерках, в конце длинной просеки, увидел всадника на вороном коне; он не скакал, а мчался, как вихрь. Снова раздался сдавленный крик, и я разглядел, что он держит перед собой женщину, брошенную поперек седла, и рукой зажимает ей рот. Со мной была моя охотничья аркебуза. Ты ведь знаешь – я довольно меткий стрелок; я прицелился и, клянусь честью, убил бы его, но, на беду, проклятый фитиль потух, как раз когда я спустил курок.

– Ну а дальше, – потребовал Бюсси, – что было дальше?

– Дальше я спросил у встречного угольщика, кто этот господин на вороном коне, который умыкает женщин; угольщик мне ответил, что это господин де Монсоро.

– Ну что ж, – сказал Антрагэ, – мне кажется, бывает, что женщин и похищают, не правда ли, Бюсси?

– Бывает, – ответил Бюсси, – но, во всяком случае, им не затыкают рот.

– А женщина, кто она такая? – полюбопытствовал д'Антрагэ.

– Ах, вот об этом я ничего не могу сказать.

– Ну нет, – сказал Бюсси, – решительно, это человек незаурядный, он меня заинтересовал.

– Вообще, – добавил Ливаро, – у нашего милого графа де Монсоро ужасная репутация.

– Ты знаешь о нем что-нибудь еще?

– Нет, ничего; открыто граф не совершил ни одного злодеяния, более того, говорят, он довольно милостиво относится к своим крестьянам; и все же в той местности, которая до нынешнего дня имеет счастье ему принадлежать, его как огня боятся. Впрочем, он страстный

охотник, под стать Немвроду,³⁴ только, может быть, не перед всевышним, а перед сатаной; у короля никогда еще не было такого главного ловчего. К этой должности он подходит больше Сен-Люка. Поначалу король хотел было отдать ее Сен-Люку, но тут вмешался герцог Анжуйский, пустил в ход все свое влияние и отбил ее для Монсоро.

– Слушай, а ведь герцог Анжуйский все еще тебя зовет, – сказал Антрагэ.

– Ладно, пускай себе зовет. А ты знаешь новости о Сен-Люке?

– Нет. Что он – все еще пленник короля? – со смехом спросил Ливаро.

– Наверное, – сказал Антрагэ, – раз его нет здесь.

– Ошибаешься, мой милый, нынче в час ночи он выехал из Парижа, с намерением посетить владения своей жены.

– Что он, изгнан?

– Похоже на то.

– Сен-Люк в изгнании! Немыслимо!

– Все правда, как в Евангелии, мой друг.

– От святого Луки?

– Нет, от маршала де Бриссака, я услышал это сегодня утром из его собственных уст.

– Ах, вот любопытная новость; Монсоро это не будет неприятно.

– Понял, – сказал Бюсси.

– О чем ты?

– Угадал.

– Что ты угадал?

– Какую услугу оказал он герцогу.

– Кто? Сен-Люк?

– Нет, Монсоро.

– В самом деле?

– Да, пропади я пропадом, вот увидите, поезжайте за мной.

И Бюсси, сопровождаемый Ливаро и д'Антрагэ, пустил свою лошадь галопом вслед за герцогом Анжуйским, который, устав призывно махать рукой своему любимцу, скакал впереди на расстоянии нескольких аркебузных выстрелов.

– Ах, монсеньор, – воскликнул Бюсси, догоняя герцога, – какой прекрасный человек этот граф Монсоро!

– Вот как?

– И любезный просто до невероятия.

– Значит, ты с ним говорил? – спросил принц, по-прежнему насмешливо улыбаясь.

– Конечно, к тому же у него незаурядный ум.

– И ты спросил его, что именно он сделал для меня?

– Разумеется, я только для этого с ним и заговорил.

– И он тебе ответил? – спросил герцог, еще больше развеселившись.

– Тут же, и так любезно, что я преисполнился к нему бесконечной признательности.

– Послушаем, что он тебе сказал, мой храбрый бахвал.

– Он в весьма учтивых выражениях признался мне, ваше высочество, что он ваш поставщик.

– Поставщик дичи?

– Нет, женщин.

– Как ты сказал? – переспросил герцог, сразу помрачнев. – Что значит эта шутка, Бюсси?

³⁴ Немврод – согласно библейскому преданию, царь Халдеи и «сильный зверолов перед Господом».

– Она значит, монсеньор, что он на своем огромном вороном жеребце похищает для вас женщин, а поскольку эти женщины, очевидно, не знают, какая честь их ждет, зажимает им рот рукой, дабы они не кричали.

Герцог нахмурил брови, гневно сжал кулаки и пустил своего коня таким бешеным галопом, что Бюсси и его товарищи остались позади.

– Ага! – воскликнул Антрагэ. – Сдается мне, твоя шутка попала не в бровь, а в глаз.

– Тем лучше, – ответил Ливаро, – хотя, на мой взгляд, она никому не показалась шуткой.

– Дьявольщина! – выругался Бюсси. – Похоже, я его крепко задел, нашего бедного герцога.

Спустя мгновение они услышали голос герцога Анжуйского. Герцог кричал:

– Эй! Бюсси, где ты? Скачи сюда!

– Я здесь, монсеньор, – отозвался Бюсси, прищипывая коня.

Принц захлебывался от смеха.

– Вот как! – удивился Бюсси. – По-видимому, мои слова вас развеселили.

– Нет, Бюсси, я смеюсь не над твоими словами.

– А жаль, рассмешить принца, который смеется так редко, немалая заслуга.

– Я смеюсь, мой бедный Бюсси, над тем, что ты, пытаешься разузнать правду, несешь всякие небылицы.

– Нет, черт меня побери, монсеньор, я сказал чистую правду.

– Допустим. Тогда, пока мы с тобой одни, объяснись: где ты подобрал эту побасенку, которую рассказываешь мне?

– В Меридорском лесу, монсеньор!

Герцог снова побледнел, но ничего не ответил.

– Решительно, – пробормотал Бюсси, – герцог каким-то образом замешан в эту историю с похитителем на вороном коне и женщиной на белом иноходце.

– Давайте поразмыслим, монсеньор, – сказал он, в свою очередь смеясь над тем, что герцогу уже не до смеха, – не найдется ли такого способа вам услужить, который был бы вам особенно приятен, если таковой существует, то укажите его нам, мы им воспользуемся, хотя бы нам пришлось вступить в состязание с господином де Монсоро.

– Да, черт побери, – ответил герцог, – есть один такой способ, и я его тебе сейчас открою. Они отъехали в сторону.

– Слушай, – продолжал герцог, – я случайно встретил в церкви совершенно пленительную женщину, хотя она была под вуалью, но мне все же удалось различить черты лица, и они напомнили мне одну даму, которую некогда я безумно любил. Я последовал за незнакомкой и узнал, где она живет. Служанку подкупили, и ключ от дома в моих руках.

– Что ж, монсеньор, мне кажется, пока все идет прекрасно.

– Не торопись. Говорят, что, несмотря на свою молодость, красоту и независимость, она недоступна.

– Ах, монсеньор, вот тут мы вступаем в область фантазии.

– Слушай, ты храбр и, как ты утверждаешь, любишь меня...

– У меня есть свои дни.

– Для храбрости?

– Нет, для любви к вам.

– Понятно. Эти дни уже наступили?

– Услужить вам я всегда готов. Посмотрим, какой услуги вы от меня ждете.

– Так вот, ты должен будешь сделать для меня то, что обычно делают только для самого себя.

– Ага! – обрадовался Бюсси. – Наверное, монсеньор, вы хотите поручить мне приволочнуться за вашей пассивностью, дабы ваше высочество удостоверилось, что она действительно так же целомудрена, как и прекрасна? Это мне подходит.

– Нет, ты должен будешь выяснить, нет ли у меня соперника.

– Ах! Вот оно как! Дело осложняется. Поясните, пожалуйста, монсеньор.

– Тебе придется спрятаться и выследить, что за мужчина к ней ходит.

– Значит, там есть мужчина?

– Боюсь, что так.

– Любовник? Муж?

– Во всяком случае, ревнивец.

– Тем лучше, монсеньор.

– Почему тем лучше?

– Это удваивает ваши шансы.

– Благодарю, но пока что я хотел бы знать, кто он такой.

– И вы поручаете мне это выяснить?

– Да, и если ты согласишься оказать мне такую услугу...

– Вы сделаете меня главным ловчим, когда это место освободится?

– Поверь мне, Бюсси, что мне будет тем приятнее взять на себя такое обязательство еще и потому, что я до сих пор ничем тебя не вознаградил.

– Смотря-ка! Монсеньор изволил это заметить.

– Я говорю себе об этом давно.

– Но совсем тихо, как у принцев принято говорить подобные вещи.

– Итак?

– Что, монсеньор?

– Согласен ты?

– Следить за дамой?

– Да.

– Признаюсь вам, монсеньор, такое поручение мне не очень-то по душе, я предпочел бы какое-нибудь другое.

– Только что ты предлагал свои услуги, Бюсси, и вот уже бьешь отбой.

– Проклятие, вы мне навязываете роль соглядатая, монсеньор.

– Ну нет, роль друга. Впрочем, не думай, что я предлагаю чистую синектуру, возможно, тебе придется обнажить шпагу.

Бюсси покачал головой.

– Монсеньор, – сказал он, – есть дела, которые можно выполнить хорошо, только если сам за них возьмешься, поэтому даже принцу за них нужно браться самому.

– Значит, ты отказываешься?

– Да, монсеньор.

Герцог нахмурил брови.

– Ну что ж, я последую твоему совету, – сказал он, – пойду сам, и если меня там смертельно ранят, скажу, что просил моего друга Бюсси получить или нанести вместо меня этот удар шпаги и что впервые в своей жизни Бюсси проявил осторожность.

– Монсеньор, – ответил Бюсси, – однажды вечером вы мне сказали: «Бюсси, я ненавижу всех этих миньонов из королевской спальни, которые по всякому поводу высмеивают и оскорбляют нас, ты должен пойти на свадьбу Сен-Люка, найти случай поссориться с ними и избавить нас от них». Я туда пошел, монсеньор, их было пятеро, я – один. Я их оскорбил. Они мне устроили засаду, навалились на меня всем скопом, убили подо мной коня, и все же я ранил двоих, а третьего оглушил. Сегодня вы требуете, чтобы я обидел женщину. Извините, монсеньор, но такого рода услуг принц не может требовать от благородного человека, и я отказываюсь.

– Пусть так, – сказал герцог, – я сам встану на свой пост, один или с Орильи, как прошлый раз.

– Простите? – переспросил Бюсси, начиная что-то понимать.

– В чем дело?

– Значит, вы были на своем посту, монсеньор, в ту ночь, когда натолкнулись на миньонов, подстерегавших меня?

– Вот именно.

– Стало быть, ваша прелестная незнакомка живет рядом с Бастилией?

– Она обитает в доме напротив церкви Святой Екатерины.

– В самом деле?

– Да, в квартале, где вам могут запросто и со всеми удобствами перерезать горло, насчет этого ты должен кое-что знать.

– А после того вечера ваше высочество навещали тот квартал?

– Вчера.

– И монсеньор видел?..

– Какого-то человека. Он обшаривал все уголки площади, несомненно желая убедиться, что его никто не выслеживает, а потом, по всей вероятности заметив меня, встал перед той дверью, которая была мне нужна, и не сходил с места.

– Этот человек был один, монсеньор? – спросил Бюсси.

– Да, примерно около получаса.

– Ну а после этого получаса?

– К нему присоединился другой мужчина, с фонарем в руке.

– Ага! – воскликнул Бюсси.

– Тогда человек в плаще... – продолжал принц.

– Первый человек был в плаще? – перебил его Бюсси.

– Ну да. Тогда человек в плаще и тот, что пришел с фонарем, завязали разговор, и, так как они, по-видимому, не собирались покидать свой ночной пост перед дверью, я отступил и вернулся к себе.

– Видно, такая двойная неудача поохладила ваш пыл?

– Признаюсь, да. Клянусь честью!.. И я подумал, что прежде чем мне соваться в этот дом, который вполне может оказаться каким-нибудь разбойничьим вертепом...

– Неплохо будет, если для начала там прирежут кого-нибудь из ваших друзей.

– Не совсем так. Я подумал: пусть мой друг, который более меня привычен к подобным переделкам и у которого, поскольку он не принц, врагов меньше, чем у меня, пусть мой друг разведает, какой опасности я подвергаюсь, и доложит мне.

– На вашем месте, монсеньор, – сказал Бюсси, – я отказался бы от этой женщины.

– Ни в коем случае.

– Почему?

– Она слишком хороша.

– Но вы сами сказали, что едва ее видели.

– Я ее видел достаточно, чтобы заметить восхитительные белокурые волосы.

– Ах вот как!

– Чудесные глаза.

– Неужели!

– Цвет лица, какого я еще не видывал, великолепную талию.

– Да что вы говорите!

– Сам понимаешь, от подобной красоты так легко не отказываются.

– Да, монсеньор, я понимаю и от души сочувствую вам.

Герцог искоса взглянул на Бюсси.

– Честное слово, – сказал Бюсси.

– Ты смеешься?

– Нет. И в доказательство нынче же вечером я встану на пост, если только монсеньор соблаговолит дать мне свои наставления и покажет, где этот дом.

– Значит, ты изменил свое решение?

– Э! Монсеньор, только один наш святой отец Григорий Тринадцатый непогрешим; а теперь говорите, что надо делать.

– Ты должен будешь спрятаться в том месте, которое я укажу, и если какой-нибудь мужчина войдет в дом, последуешь за ним и удостоверись, кто он такой.

– Да, но если, войдя, он запрет за собой дверь?

– Я тебе сказал – у меня есть ключ.

– Ах, правда, теперь я могу опасаться только одного: что я увяжусь не за тем человеком или что там будет еще другая дверь, к которой ключ не подойдет.

– Тут ошибиться невозможно; входная дверь ведет в прихожую, в конце прихожей налево есть лестница, ты поднимешься на двенадцать ступенек и окажешься в коридоре.

– Откуда вы все это знаете, монсеньор, ведь вы ни разу не были в этом доме?

– Разве я тебе не говорил, что служанка в моих руках? Она мне все и объяснила.

– Смерть господня! Как это удобно быть принцем, все тебе преподносят на тарелочке. А мне пришлось бы самому искать дом, исследовать прихожую, пересчитывать ступеньки, разведывать коридор. На это ушла бы уйма времени, и, – кто знает? – удалось ли бы мне добиться успеха!

– Значит, ты соглашаешься?

– Разве я могу в чем-нибудь отказать вашему высочеству? Только прошу вас пойти со мной и указать мне дверь.

– Зачем? Возвращаясь с охоты, мы сделаем крюк, поедем Сент-Антуанскими воротами, и ты все увидишь.

– Чудесно, монсеньор. А что прикажете делать с тем человеком, если он придет?

– Ничего, только следить за ним, пока не узнаешь, кто он такой.

– Это дело щекотливое. Ну а если, например, он окажется настолько невежливым, что остановится посреди дороги и наотрез откажется отвечать на мои вопросы?

– Ну тогда я тебе разрешаю действовать по твоему собственному усмотрению.

– Значит, ваше высочество, вы разрешаете мне действовать на свой страх и риск?

– Вот именно.

– Так я и сделаю, монсеньор.

– Но не проболтайся нашим юным друзьям.

– Слово дворянина.

– Никого не бери с собой в эту разведку.

– Пойду один, клянусь вам.

– Ну хорошо, договорились; мы возвратимся мимо Бастилии, я покажу тебе дверь... ты поедешь ко мне... я дам тебе ключ... и нынче вечером...

– Я заменю вас, монсеньор, вот и весь сказ.

Бюсси и принц присоединились к охотникам. Господин де Монсоро мастерски руководил охотой. Король был восхищен, с каким умением этот опытный ловчий выбрал места для привалов и расположил подставы собак и лошадей. Лань, которую два часа травили собаками на оцепленном участке леса протяжением четыре-пять лье, раз двадцать появлялась перед глазами охотников и в конце концов вышла прямо под копые короля.

Господин де Монсоро принял поздравления его величества и герцога Анжуйского.

– Монсеньор, – сказал он, – я счастлив заслужить вашу похвалу, потому что вам я обязан своей должностью.

– Но вам известно, сударь, – сказал герцог, – для того, чтобы и впредь заслуживать нашу благодарность, вам придется нынче вечером выехать в Фонтенбло; король желает послезавтра начать там охоту, которая продлится несколько дней, и у вас всего один день на то, чтобы познакомиться с лесом.

– Я это знаю, монсеньор, – ответил Монсоро, – у меня все готово к отъезду, и я отправлюсь сегодня в ночь.

– Ах, вот оно и началось, господин де Монсоро! – воскликнул Бюсси. – Отныне вам не знать покоя. Вы желали быть главным ловчим, ваше желание сбылось. Теперь вам, как главному ловчему, полагается спать на полсотни ночей в году меньше, чем всем остальным. Счастье еще, что вы не женаты, сударь.

Бюсси смеялся, произнося эти слова. Герцог скользнул по лицу главного ловчего пронизывающим взглядом, затем, повернув голову в сторону короля, поздравил своего венценосного брата с тем, что со вчерашнего дня состояние его здоровья, по-видимому, значительно улучшилось.

Что касается графа Монсоро, то шутка Бюсси снова вызвала у него на щеках мертвенную бледность, которая придавала его лицу столь зловещее выражение.

Глава XII

О том, как Бюсси нашел одновременно и портрет и оригинал

Охота закончилась к четырем часам дня, а уже в пять весь двор возвращался в Париж. Король, словно угадав желание герцога Анжуйского, приказал ехать через Сент-Антуанское предместье.

Господин де Монсоро, под предлогом предстоящего ему в тот же вечер отъезда, распрощался с королем и принцами и со своими охотничьими командами уехал по дороге на Фроманто.

Проезжая мимо Бастилии, король обратил внимание спутников на гордый и мрачный вид сей крепостной твердыни. Это был деликатный способ напомнить придворным о том, что их ожидает, если в один прекрасный день им вздумается перебежать во вражеский стан.

Намек был понят, и придворные начали выказывать королю удвоенное подобострастие.

Тем временем герцог Анжуйский тихо объяснял Бюсси, который ехал с ним рядом, стремя в стремя:

– Смотри внимательно, Бюсси, смотри хорошенько: видишь направо деревянный домик с маленькой статуей богоматери под коньком крыши? Начни с него и отсчитай четыре дома, его считай за первый.

– Отсчитал, – сказал Бюсси.

– Нам нужен пятый дом, – сказал герцог, – тот, что напротив улицы Сен-Катрин.

– Вижу, монсеньор. Смотрите, смотрите, народ услышал звуки труб, возвещающих о прибытии короля, и во всех окнах полно любопытных.

– Кроме тех, на которые я тебе показал, – сказал герцог, – эти окна по-прежнему плотно закрыты.

– Но в одном из них занавески слегка раздвинулись, – сказал Бюсси, чувствуя, как забилося его сердце.

– И все равно там ничего не разглядишь. О!.. Эта дама крепко стережется, или ее крепко стерегут. Во всяком случае, вот дом, во дворце я тебе дам ключ от него.

Бюсси метнул жадный взгляд в узкую щелку между занавесками, но, как ни напрягал зрение, ничего не смог различить.

Вернувшись в Анжуйский дворец, герцог незамедлительно вручил Бюсси ключ и еще раз посоветовал быть поосторожнее. Бюсси обещал выполнить все, что от него требуется, и поспешил к себе домой.

– Ну как дела? – спросил он у Реми.

– Я хотел бы обратиться к вам, сударь, с тем же вопросом.

– Ты ничего не нашел?

– Домик оказался столь же хорошо запрятанным днем, как и ночью. Я без толку проболтался между пятью-шестью смежными домами.

– Коли так, – сказал Бюсси, – по-видимому, мне больше посчастливилось, чем тебе, любезный Одуэн.

– Как это понять, монсеньор? Неужели вы тоже искали дом?

– Нет, я просто проехался по улице.

– И вы узнали дверь?

– У провидения, дружище, есть свои окольные пути и свои тайны.

– А вы уверены, что это тот самый дом?

– Не скажу, что уверен, но надеюсь.

- А когда же я узнаю, удалось ли вам найти то, что вы ищете?
- Завтра утром.
- Ну а до того времени я вам понадобится?
- Нет, дорогой Реми.
- Вы не позволите мне сопровождать вас?
- Это исключено.
- По крайней мере будьте осторожны, монсеньор.
- Ах! – сказал Бюсси. – Ваш совет мне ни к чему. Я славлюсь своей осторожностью.

Бюсси плотно пообедал, как человек, который не знает, где и чем ему придется ужинать, затем, когда пробило восемь, он выбрал самую лучшую из своих шпаг, вопреки только что изданному королевскому указу засунул за пояс два пистолета и приказал подать носилки, в которых его и доставили в конец улицы Сен-Поль. Прибыв на место назначения, он узнал дом с богоматерью, отсчитал четыре дома, удостоверился, что пятый – это тот самый, на который показал ему принц, и, закутавшись в темный широкий плащ, притаился на углу улицы Сен-Катрин, решив прождать два часа, а если по истечении этого срока никто не явится – поступить, как бог на душу положит.

Когда Бюсси устроился в своей засаде, на колокольне церкви Святого Павла пробило девять часов. Не прошло и десяти минут, как он заметил в темноте двух всадников, выехавших из ворот Бастилии. Возле Турнельского дворца они остановились. Один всадник спешил и бросил поводья другому, по всей вероятности слуге, слуга повернул лошадей и пустился обратно по той же дороге. Подождав, пока кони и всадник не скрылись в ночном мраке, его господин направился к дому, порученному наблюдению Бюсси.

Не дойдя нескольких шагов до двери, незнакомец описал большой круг, словно желая исследовать окрестности, затем, убедившись, что за ним не следят, подошел к дому и скрылся в нем.

Бюсси услышал, как дверь со стуком захлопнулась.

Он выждал еще немного, опасаясь, как бы таинственный пришелец не вздумал задержаться у окошечка и понаблюдать за улицей; когда прошло несколько минут, Бюсси покинул свое убежище, перешел улицу, открыл ключом дверь и, уже наученный опытом, запер ее без всякого шума.

Затем он заглянул в окошечко. Оно оказалось как раз на высоте его глаз, и это его обрадовало: по всей вероятности, именно через него он смотрел на Келюса.

Но Бюсси проник в заветный дом не для того, чтобы торчать у входной двери. Он медленно двинулся вперед, касаясь руками стен, и в конце прихожей, слева, нащупал ногой первую ступеньку лестницы.

Тут Бюсси остановился по двум причинам: во-первых, он почувствовал, что от волнения у него подкашиваются ноги, во-вторых, он услышал голос, который сказал:

– Гертруда, предупредите вашу госпожу, что я здесь и хочу к ней войти.

Просьба была высказана повелительным тоном, исключавшим возможность отказа. Минуту спустя Бюсси услышал голос служанки. Она сказала:

– Проходите в гостиную, сударь; госпожа выйдет к вам.

Затем скрипнула затворяемая дверь.

Бюсси вспомнил, что Реми насчитал на лестнице двенадцать ступенек, в свою очередь пересчитал их, все двенадцать, и оказался на лестничной площадке.

Дальше должен быть коридор и три двери. Бюсси затаил дыхание и, вытянув руки перед собой, сделал несколько осторожных шагов. Рука его сразу же нащупала первую дверь, ту, в которую вошел незнакомец; Бюсси продолжал свои поиски, нашел вторую дверь, дрожа всем телом, повернул ключ, торчавший в замке, и толкнул дверь.

В комнате, где он очутился, было темно, только из боковой двери пробивалась полоска света. Она освещала окно, занавешенное двумя гобеленами, при виде которых сердце молодого человека радостно забилося.

Бюсси поднял голову и в том же луче света увидел на потолке уже знакомый ему плафон с мифологическими героями. Он протянул руку и нащупал резную спинку кровати.

Его сомнения рассеялись: он стоял в той самой комнате, где очнулся ночью, когда его так счастливо ранили, – счастливо потому, что ранение, по-видимому, и побудило неизвестную даму оказать ему гостеприимство.

Горячий трепет пробежал по его жилам, как только он прикоснулся к этой постели и вдохнул тот сладостный аромат, который исходит от ложа юной и прекрасной женщины.

Бюсси спрятался за занавески балдахина и прислушался.

В соседней комнате раздавались нетерпеливые шаги неизвестного, время от времени он останавливался и бормотал сквозь зубы:

– И куда она запропастилась... Ну, придет она наконец!

После одного из таких высказываний дверь в гостиную, по-видимому расположенная напротив приоткрытой двери в спальню, отворилась. Ковер зашуршал под маленькой ножкой. До слуха нашего героя донесся шелест юбок, затем раздался женский голос, в котором слышались одновременно и страх и презрение. Голос спросил:

– Я здесь, сударь, чего вы еще от меня хотите?

«Ого! – подумал Бюсси, прячась за занавеску. – Если это любовник, то я от всей души поздравляю мужа».

– Сударыня, – произнес незнакомец, которому оказали столь холодный прием, – имею честь известить вас: завтра утром мне придется выехать в Фонтенбло, и потому я пришел провести эту ночь с вами.

– Вы узнали что-нибудь о моем отце? – спросил тот же женский голос.

– Сударыня, послушайте меня...

– Сударь, вы помните, о чем мы договорились вчера, прежде чем я дала согласие стать вашей женой? Первое мое условие – либо в Париж приезжает мой отец, либо я еду к нему.

– Сударыня, как только я вернусь из Фонтенбло, мы тут же отправимся к нему, даю вам слово, ну а пока что...

– О! Сударь, не закрывайте дверь, это ни к чему, я не проведу даже одной-единственной ночи под одной крышей с вами, пока не буду знать, где мой отец и что с ним.

И женщина, произнесшая эти твердые слова, поднесла к губам маленький серебряный свисток. Раздался резкий и долгий свист.

Таким способом вызывали прислугу в те времена, когда звонок еще не был изобретен.

В то же мгновение дверь, через которую проник Бюсси, распахнулась, в спальню вбежала служанка молодой дамы, высокая и крепко сложенная анжуйка; очевидно, она ждала этого сигнала и, заслышав его, со всех ног устремила на помощь своей госпоже.

Служанка прошла в гостиную, оставив дверь за собой широко открытой.

В комнату, где скрывался Бюсси, хлынул поток света, и наш герой увидел в простенке между окнами знакомый женский портрет.

– Гертруда, – сказала дама, – не ложитесь спать и будьте где-нибудь поблизости, чтобы вы могли услышать мой голос.

Служанка ничего не ответила и удалилась тем же путем, которым пришла, оставив дверь в гостиную распахнутой, а следовательно, и восхитительный портрет освещенным.

У Бюсси исчезла последняя тень сомнения. Портрет был тот самый.

На цыпочках он прокрался к стене и встал за распахнутой створкой двери, намереваясь вести дальнейшее наблюдение через щель между дверью и дверной рамой, но, как бесшумно он ни старался двигаться, паркет неожиданно скрипнул у него под ногами.

Этот звук заставил женщину обернуться, и глазам Бюсси явилась дама с портрета, сказочная фея его мечты.

Мужчина, хотя он и не слышал ничего, обернулся вслед за женщиной.

Это был граф де Монсоро.

– Ага... – беззвучно прошептал Бюсси, – белый иноходец... женщина поперек седла... наверное, я услышу какую-нибудь жуткую историю.

И он вытер пот, внезапно выступивший на лбу.

Как мы уже сказали, Бюсси видел обоих, и мужчину и женщину. Незнакомка стояла бледная, прямая, гордо вскинув голову, граф де Монсоро был также бледен, но бледностью мертвенной, пугающей, он нетерпеливо притопывал ногой и кусал себе пальцы.

– Сударыня, – произнес он наконец, – не надейтесь, что вам удастся и впредь разыгрывать передо мною роль гонимой, роль несчастной жертвы. Вы в Париже, вы в моем доме, и, более того, отныне вы графиня де Монсоро, то есть моя законная супруга.

– Если я ваша супруга, то почему вы не хотите отвезти меня к отцу? Почему вы продолжаете прятать меня от глаз всего света?

– Вы забываете герцога Анжуйского, сударыня.

– Вы меня заверили, что, как только я стану вашей женой, мне нечего будет опасаться с его стороны.

– Я имел в виду...

– Вы мне дали слово.

– Но, сударыня, мне еще остается принять кое-какие меры предосторожности.

– Прекрасно, сударь, примите их, а потом приходите ко мне.

– Диана, – сказал граф, и было заметно, что в сердце его закипает гнев, – Диана, не превращайте в игрушку священные узы супружества. Я вам это настоятельно советую.

– Сделайте так, сударь, чтобы я не питала недоверия к супругу, и я буду образцово выполнять супружеские обязанности.

– Однако мне кажется, что своим отношением к вам и тем, что я сделал для вас, я заслужил полное ваше доверие.

– Сударь, думаю, что во всем этом деле вы руководствовались не только моими интересами или, благодаря слепому случаю, извлекли из него пользу для себя.

– О! Это уж слишком! – воскликнул граф. – Здесь мой дом, вы моя жена, и, зовите хоть самого дьявола на помощь, нынче ночью вы будете моей.

Бюсси положил руку на рукоятку шпаги и шагнул вперед, но Диана не дала ему времени выступить на сцену.

– Вот, – сказала она, выхватывая кинжал из-за корсажа, – вот чем я вам отвечу.

В мгновение ока она вскочила в комнату, где укрывался Бюсси, захлопнула за собой дверь и задвинула двойной засов. Граф Монсоро, изрыгая угрозы, заколотил в дверь кулаками.

– Если вы посмеете выбить хотя бы одну доску из этой двери, – сказала Диана, – вы найдете меня мертвой на пороге. Вы знаете меня, сударь, – я сдержу свое слово.

– И будьте спокойны, сударыня, – прошептал Бюсси, заключая Диану в свои объятия, – у вас найдется мститель.

Диана чуть было не закричала, но тут же сообразила, что самая страшная опасность грозит ей со стороны мужа. Она продолжала сжимать в руке кинжал, но молчала, вся дрожала, но не двигалась с места.

Граф де Монсоро несколько раз с силою ударил ногой в дверную филенку, но, очевидно зная, что Диана в состоянии выполнить свою угрозу, вышел из гостиной, с грохотом захлопнув за собой дверь. Шум его удаляющихся шагов донесся из коридора и затих на лестнице.

– Но вы, сударь, – сказала тогда Диана, отступив на шаг назад и высвобождаясь из рук Бюсси, – кто вы такой и как вы сюда попали?

Бюсси открыл дверь в гостиную и преклонил колени перед Дианой.

– Сударыня, – сказал он, – я тот человек, которому вы спасли жизнь. Как могли вы подумать, что я проник к вам с дурными намерениями или злоумышляю против вашей чести?

В потоке света, льющегося из гостиной, Диана увидела благородное лицо молодого человека и узнала вчерашнего раненого.

– Ах, это вы, сударь! – воскликнула она, всплеснув руками. – Вы были здесь, вы все слышали?

– Увы, да, сударыня.

– Но кто вы такой? Ваше имя, сударь.

– Сударыня, я Луи де Клермон, граф де Бюсси.

– Бюсси, вы тот самый храбрец Бюсси! – простодушно воскликнула Диана, не заботясь о том, какой восторг пробудит это восклицание в сердце молодого человека. – Ах, Гертруда, – продолжала она, обращаясь к служанке, которая, услышав, что госпожа с кем-то разговаривает, испуганно вбежала в комнату, – Гертруда, мне больше нечего бояться, с этой минуты я отдаю свою честь под защиту самого благородного и самого беспорочного дворянина Франции.

И протянула Бюсси руку.

– Встаньте, сударь, – сказала она, – теперь, когда я знаю, кто вы, надо, чтобы и вы узнали мою историю.

Глава XIII

История Дианы де Меридор

Не помня себя от счастья, Бюсси поднялся с колен и вслед за Дианой вошел в гостиную, только что оставленную господином де Монсоро.

Молодой человек смотрел на Диану с восхищенным изумлением, он не смел и надеяться, что разыскиваемая им женщина сможет выдержать сравнение с героиней его сна, но действительность превзошла образ, принятый им за плод воображения.

Диане было лет восемнадцать-девятнадцать, то есть она находилась в том первом расцвете молодости и красоты, который дарит цветам самые чистые краски, а плодам – нежнейшую бархатистость. В значении взгляда Бюсси ошибиться было невозможно. Диана чувствовала, что ею восхищаются, и не находила в себе сил вывести Бюсси из восторженного оцепенения.

Наконец она поняла, что пора прервать это чересчур уж красноречивое молчание.

– Сударь, – сказала она, – вы ответили только на один из моих вопросов: я вас спросила, кто вы такой, и вы мне сказали, но на второй мой вопрос – как вы попали сюда, я все еще не получила ответа.

– Сударыня, – сказал Бюсси, – до меня донеслись только немногие слова из вашего разговора с господином де Монсоро, и все же я понял, что причины, приведшие меня сюда, связаны с той историей, которую вы мне обещали поведать. Разве вы сами минуту назад не сказали, что я должен узнать историю вашей жизни?

– О да, граф, я вам все расскажу, – воскликнула Диана. – Одно ваше имя внушает мне полное доверие. Я много слышала о вас, как о человеке мужественном и верном, как о человеке чести, на которого можно во всем положиться.

Бюсси поклонился.

– Из того, что вы здесь услышали, – продолжала Диана, – вы могли понять, что я дочь барона де Меридор, то есть единственная наследница одной из благороднейших и древнейших фамилий Анжу.

– Был один барон де Меридор, – заметил Бюсси, – который в битве при Павии³⁵ мог избежать пленения, но сам вручил свою шпагу испанцам, когда узнал, что король в плену, и как единственной милости попросил дозволения сопровождать Франциска Первого в Мадрид. Он разделил с королем все тяготы плена и покинул его лишь для того, чтобы вернуться во Францию вести переговоры о выкупе.

– Это мой отец, сударь, и если вы когда-нибудь войдете в большую залу Меридорского замка, вы увидите там портрет Франциска Первого кисти Леонардо да Винчи, памятный подарок барону от короля в награду за верность.

– Ах! – вздохнул Бюсси. – В те времена принцы еще умели вознаграждать своих слуг.

– Вернувшись из Испании, отец женился. Первые его дети, двое сыновей, умерли. Их смерть была жестоким ударом для барона де Меридор, потерявшего надежду возродиться в наследнике. Вскоре затем скончался король, и горе барона превратилось в отчаяние. Несколько лет спустя он покинул двор и затворился со своей супругой в Меридорском замке, а через девять лет после смерти сыновей, словно чудом, у них родилась я.

³⁵ *Битва при Павии* – сражение между войсками французского короля Франциска I и императора Карла V, состоявшееся в феврале 1525 г. у города Павии (Италия). Войска Франциска, осаждавшие Павию, ночью были атакованы подошедшей армией Карла и через два часа наголову разбиты. Сам Франциск попал в плен, откуда и написал в письме знаменитую фразу: «Все потеряно, кроме чести».

Вся любовь барона обратилась на дитя, ниспосланное ему в старости. Он испытывал ко мне не просто отцовскую любовь: он боготворил меня. В трехлетнем возрасте я потеряла мать. Для барона это было новым глубоким горем, но я, еще дитя, не понимала, какая случилась беда. Я непрестанно улыбалась, и моя улыбка служила отцу утешением.

На глазах у батюшки я росла и развивалась. Я была для него всем, но и он, мой бедный отец, он так же заменял мне все на свете. Я вступила в свою шестнадцатую весну, даже не подозревая, что есть какой-то другой мир, кроме моих овечек, моих павлинов, лебедей и голубок, не думая, что моя привольная жизнь когда-нибудь должна кончиться, и не желая, чтобы она кончалась.

Меридорский замок окружают дремучие леса, принадлежащие герцогу Анжуйскому; в них резвятся на воле лани, дикие козы и олени, которых никто не тревожит, и поэтому они стали ручными. Я знала почти всех этих животных; иные из них узнавали меня по голосу и сбегались на мой зов, особенно свыкла со мной одна лань, моя любимица, моя фаворитка – Дафна, бедняжка Дафна. Она ела из моих рук.

Однажды весной Дафна пропала на целый месяц, я уже считала ее погибшей и оплакивала, как любимую подружку, но вдруг она появилась и привела с собой двух маленьких оленят. Малыши сначала испугались меня, но, увидев, что их мать ласково лижет мне руки, осмелели и в свою очередь начали ко мне ласкаться.

К этому времени распространился слух, что герцог Анжуйский направил в столицу провинций своего наместника. Через несколько дней стало известно, что наместник герцога прибыл и зовут его граф де Монсоро.

Почему, когда я впервые услышала это имя, у меня сжалось сердце? Я могу объяснить это тревожное ощущение только предчувствием беды.

Прошло восемь дней. Во всей округе много толковали о сеньоре де Монсоро, и толковали по-разному. Однажды утром лес огласили звуки охотничьего рога и собачий лай. Я подбежала к решетке парка как раз вовремя, чтобы увидеть, как мимо нашего замка молнией пронеслась Дафна, преследуемая стаей собак, два олененка бежали вместе с матерью.

Еще один миг, и на вороном коне, который, казалось, летел на крыльях, мимо меня промчался мужчина, похожий на страшный призрак. Это был господин де Монсоро.

Я закричала, я молила пощадить мою любимицу, но он настолько был увлечен погоней, что либо не услышал моего голоса, либо не обратил на него внимания.

Тогда, не думая о том, как будет волноваться батюшка, если он обнаружит мое отсутствие, я бросилась бежать вдогонку за охотой. Я надеялась повстречать графа или кого-нибудь из его свиты и упротить их прекратить погоню, разрывающую мне сердце.

Я пробежала около полулье, не зная, куда бегу, потеряв из виду и лань, и собак, и охотников. Вскоре уже и собачий лай перестал до меня доноситься. Я упала на землю у подножия высокого дерева и залилась слезами. Прошло примерно четверть часа, и мне показалось, что вдали снова послышался шум охоты. Я не ошиблась, гон приближался ко мне, еще одно мгновение, и я уже не сомневалась, что охотники должны проскакать где-то поблизости. Я тотчас же вскочила на ноги и бросилась бежать в том направлении, откуда доносился шум.

Действительно, я увидела, как через прогалину пробежала бедная Дафна, она задыхалась, с ней был только один ее детеныш, второй, очевидно, выбился из сил и был растерзан собаками.

Сама Дафна выглядела измученной, расстояние между ней и гончими значительно сократилось, она неслась судорожными скачками и, пробегая передо мной, жалобно закричала.

И снова мне не удалось обратить на себя внимание охотников. Господин де Монсоро мчался, яростно трубя в рог, не видя ничего, кроме преследуемой им дичи. Он промелькнул мимо меня еще стремительней, чем в первый раз.

За ним скакали трое или четверо доезжачих, криками и хриплым воем рогов они подстрекали гончих. Этот вихрь криков, трубных звуков и собачьего лая пронесся мимо меня, исчез в лесу и замер где-то вдали.

Я пришла в отчаяние, я проклинала себя за неповоротливость, мне казалось, что сумею я подбежать ближе к той прогалине всего на каких-нибудь полсотни шагов, – и граф де Монсоро заметил бы меня, услышал бы мои мольбы и, несомненно, пощадил бы бедное животное.

Эта мысль меня несколько приободрила.

Охотники могли и в третий раз попасться мне на глаза. Я пошла по дороге под сенью вековых деревьев. Путь был мне знаком, он вел к замку Боже, владению герцога Анжуйского, находящемуся на расстоянии примерно трех лье от Меридора. Вскоре я увидела этот замок и лишь тут поняла, что прошла пешком три лье и сейчас бреду одна-одинешенька вдали от родного крова.

Признаюсь, что чувство смутного страха овладело мной, и только теперь я осознала все безрассудство и даже неприличие своего поведения. Я пошла берегом пруда, надеясь встретить добряка садовника, который, всякий раз когда отец привозил меня сюда, дарил мне великолепные букеты цветов. Я хотела попросить его проводить меня домой. Вдруг до меня снова донесся шум охоты. Я остановилась как вкопанная и прислушалась. Гон приближался. Я забыла все на свете. Почти в то же мгновение на другом берегу пруда из леса выскочила лань, буквально по пятам преследуемая собаками. Дафна была одна, ее второй детеныш тоже погиб. Вид воды словно придал бедняжке новые силы. Она втянула ноздрями водяную свежесть и бросилась в пруд, как будто хотела доплыть до меня.

Сначала она плыла довольно быстро и, казалось, вновь обрела всю свою живость. Я смотрела на нее со слезами на глазах, протягивала к ней руки и дышала почти так же тяжело, как она. Но силы Дафны постепенно истощались, в то время как гончие, возбужденные близостью добычи, удвоили свои усилия. Вскоре самые злые псы настигли Дафну и стали рвать зубами ее бока, не давая несчастному животному плыть к моему берегу. Тут на опушку леса вылетел господин де Монсоро, подскочил к пруду и быстро спешился. Я простерла к нему руки и крикнула из последних сил: «Пощадите!» Мне показалось, что он посмотрел в мою сторону. Я снова закричала, еще громче, чем в первый раз. Он меня услышал, так как поднял голову, потом бросился к лодке, поспешно отчалил от берега и начал быстро грести к бедняжке Дафне, которая отбивалась, как могла, от окружившей ее своры. Я не сомневалась, что господин де Монсоро, тронутый моими криками и жестами, спешит на выручку Дафне, но, когда он оказался возле несчастной лани, я увидела, что он выхватил большой охотничий нож. Стальное лезвие молнией блеснуло в лучах солнца, этот блеск тут же погас, и я вскрикнула в ужасе: клинок до самой рукоятки вошел в горло бедного животного. Фонтаном брызнула кровь, окрашивая воду в красный цвет. Дафна испустила жалобный предсмертный крик, забила по воде передними копытами, вскинулась на дыбы и замертво рухнула в пруд.

Я застонала почти так же жалобно, как Дафна, и без чувств упала на землю.

Очнувшись, я увидела, что лежу на постели в одной из комнат замка Боже и батюшка, за которым послали, плачет у моего изголовья.

Моя болезнь объяснялась всего лишь перенапряжением сил, вызвавшим нервный припадок, поэтому уже на следующий день я смогла вернуться в Меридор. Однако еще три или четыре дня я не выходила из комнаты.

На четвертые сутки отец сказал мне, что все эти дни господин де Монсоро приезжал справляться о моем здоровье. Он видел, как меня несли в бесчувственном состоянии, и пришел в отчаяние, узнав, что был невольной причиной всего происшедшего. Граф просил разрешить ему лично принести мне свои извинения и утверждал, что не успокоится, пока не услышит слов прощения из моих уст.

Я не могла отказаться принять его и, несмотря на все отвращение, испытываемое мной к этому человеку, согласилась с ним встретиться.

На другой день он явился с визитом. Я понимала нелепость своего положения, ведь охота – любимое развлечение не только для мужчин, но и для многих дам. Мне пришлось объяснить, почему я так глупо расчувствовалась, и в оправдание своего обморока рассказать, как я любила Дафну.

Граф изобразил глубокое отчаяние, он раз по двадцать кряду заверял меня своей честью, что, если бы мог угадать, какую любовь я питаю к его жертве, он почел бы за величайшее счастье сохранить ей жизнь. Однако его красноречие меня не убедило, и граф удалился, так и не изгладив из моей души неприятное впечатление, которое он произвел.

Уходя, граф испросил у батюшки дозволения навестить нас еще раз. Граф родился в Испании, воспитывался в Мадриде, и барона соблазнила возможность побеседовать о стране, в которой и ему довелось провести немало времени. К тому же граф был человеком благородного происхождения, наместником провинции; молва называла его любимцем герцога Анжуйского, и у батюшки не было никаких поводов отказывать ему от дома.

Увы! С этого дня нарушилось если не счастливое, то по меньшей мере безмятежное течение моей жизни. Вскоре я заметила, что произвела впечатление на графа. Сначала он навещал нас каждую неделю, затем два раза в неделю и наконец стал появляться ежедневно. Он выказывал моему батюшке все знаки внимания и сумел завоевать его расположение. Я видела, что барону нравилось беседовать с ним как с человеком незаурядным. Я не смела жаловаться; да и на что могла я жаловаться? Граф был со мной учтив, как с хозяйкой дома, и почтителен, как с родной сестрой.

Однажды утром батюшка вошел в мою комнату с видом торжественнее обычного, и однако, несмотря на всю его важность, было ясно, что он чем-то обрадован.

– Дитя мое, – сказал он, – ты не раз уверяла меня, что была бы счастлива не разлучаться со мной всю жизнь.

– Ах, батюшка! – воскликнула я. – Ведь вы знаете – это самое заветное мое желание.

– Коли так, моя Диана, – сказал он, наклоняясь, чтобы поцеловать меня в лоб, – исполнение этого желания зависит только от тебя.

Я вдруг угадала его мысли и так страшно побледнела, что отец замер, не успев прикоснуться ко мне губами.

– Диана, дитя мое! – воскликнул он. – Милосердный боже! Да что с тобой?

– Господин де Монсоро, не правда ли? – пролепетала я.

– А почему бы и нет? – удивился отец.

– О! Ни за что, батюшка, если у вас есть хоть капля жалости к вашей дочери, ни за что!

– Диана, любовь моя, – сказал он, – ты знаешь, что я не только жалею тебя, а молюсь на тебя; попроси восемь дней на размышление, и если через восемь дней...

– О нет, нет! – вскричала я. – Не нужно мне ни восьми дней, ни двадцати четырех часов, ни единой минуты. Нет, нет! О господи, нет!

И я разрыдалась.

Батюшка обожал меня, и ему еще ни разу не приходилось видеть мои слезы; он взял меня за руки, в двух словах успокоил и поклялся честью дворянина, что никогда больше не заговорит со мной об этом замужестве.

Действительно, прошел месяц, а я ни разу не видела господина де Монсоро и не слышала о нем ни слова. Как-то утром мы с батюшкой получили приглашение на большой праздник, устраиваемый господином де Монсоро в честь королевского брата, герцога Анжуйского, собиравшегося посетить провинцию, имя которой он носил. Праздник должен был состояться в ратуше города Анжера.

К письму было приложено особое приглашение от принца; герцог писал моему отцу, что он помнит, как они в свое время встречались при дворе короля Генриха Второго, и с удовольствием снова с ним повидается.

Моим первым побуждением было упросить отца не ехать на праздник; несомненно, я настояла бы на своем, если бы приглашение исходило только от одного господина де Монсоро, но второе письмо подписал принц, и отец боялся отказом оскорбить его высочество.

Итак, мы отправились на бал. Господин де Монсоро встретил меня так, словно между нами ничего не произошло. В его отношении ко мне не было ни напускного безразличия, ни нарочитой любезности. Он вел себя со мной так же, как и со всеми остальными дамами, и я была рада, что он ничем не выделял меня среди собравшегося общества.

Совсем иначе вел себя герцог Анжуйский. Увидев меня, он уже не сводил с меня глаз. Я чувствовала себя неловко под его тяжелым взглядом; и наконец, ни слова не сказав отцу о своем состоянии, незаметно устроила так, что мы уехали с бала в числе первых.

Три дня спустя господин де Монсоро появился в Меридоре. Увидев, что он едет по аллее к замку, я скрылась в свои покои.

Я боялась, как бы отец не позвал меня к гостю, но он этого не сделал. Прошло не более получаса, и господин де Монсоро покинул наш замок. Никто, даже батюшка ни словом не обмолвился об его визите, однако мне показалось, что после появления графа барон помрачнел.

Прошло еще несколько дней. Вернувшись с прогулки по окрестностям, я узнала, что господин де Монсоро снова разговаривал с моим отцом... В мое отсутствие барон дважды или трижды справлялся обо мне и несколько раз с беспокойством спрашивал, куда именно я могла уйти. Он приказал немедленно известить его, когда я вернусь.

И в самом деле, как только я вошла в свою комнату, отец постучался в дверь.

– Дитя мое, – обратился он ко мне, – причина, которую тебе совершенно ни к чему знать, вынуждает меня расстаться с тобой на некоторое время. Не спрашивай меня ни о чем. Пойми одно – эта причина должна быть весьма уважительной, раз уж я решаюсь провести неделю, две недели, может быть, месяц в разлуке с тобой.

Я вздрогнула, хотя и не могла угадать, какая опасность мне грозит. Но повторный визит господина де Монсоро не сулил мне ничего хорошего.

– И куда я должна буду ехать, батюшка? – осведомилась я.

– В Людский замок, к моей сестре, там ты будешь укрыта от всех глаз. Мы позаботимся о том, чтобы ты прибыла туда под покровом ночи.

– А вы не поедете со мной?

– Нет, я должен остаться здесь, чтобы отвести подозрение. Даже наша челядь не будет знать, куда ты уехала.

– А кто же меня проводит?

– Два человека, в которых я уверен.

– О, боже мой! Батюшка!

Барон обнял меня.

– Дитя мое, – сказал он, – так надо.

Я знала, как он меня любит, и больше не настаивала ни на чем и не спрашивала никаких объяснений.

Мы договорились, что я возьму с собой дочь моей кормилицы, Гертруду.

Батюшка покинул меня, наказав подготовиться к отъезду.

Стояли самые короткие дни зимы, и к восьми часам вечера уже совсем стемнело и похолодало. В восемь часов отец пришел за мной. Как он и просил, я была уже готова. Мы бесшумно спустились по лестнице и прошли через сад. Барон собственноручно открыл ключом калитку, выходящую в лес. За ней нас ожидали запряженная карета и двое сопровождающих. Батюшка

долго говорил с ними, как мне показалось, поручая меня их попечению. Я уселась в экипаж, Гертруда заняла место рядом со мной. Барон обнял меня на прощание, и мы тронулись в путь.

Я не знала, какого рода опасность мне угрожает и что заставило батюшку услать меня из Меридорского замка. Гертруда не могла мне ничем помочь, она тоже ничего не знала. Наши спутники были мне незнакомы, и я не осмеливалась к ним обратиться. Мы ехали около двух часов в полном молчании какими-то окольными дорогами, и, хотя я очень волновалась, ровное колыхание кареты постепенно меня убаюкало и я уже начала было засыпать, как вдруг мы остановились, и Гертруда схватила меня за руку.

– Ах, барышня, – пролепетала бедная девушка, – что с нами будет?

Я выглянула из-за занавесок: нас окружили шесть всадников в масках. Наши провожатые, очевидно пытавшиеся оказать сопротивление, были схвачены и обезоружены.

До смерти напуганная, я не в силах была позвать на помощь, да и кто мог откликнуться на мой призыв?

Замаскированный всадник, который казался старшим, подъехал к дверцам экипажа.

– Успокойтесь, сударыня, – сказал он, – мы вас не обидим, но вам придется последовать за нами.

– Куда? – спросила я.

– Туда, где вам не грозит никакая опасность. Напротив, там с вами будут обращаться как с королевой.

Это обещание меня испугало больше, чем любая угроза.

– Ах, батюшка мой, батюшка! – прошептала я.

– Послушайте, барышня, – сказала мне Гертруда, – я хорошо знаю все окрестности, я вам предана, силою бог меня не обидел, поверьте мне – мы сумеем убежать.

Эти заверения моей бедной служанки, конечно, не могли меня успокоить, все же ее поддержка меня подбодрила, и я пришла в себя.

– Делайте с нами все, что вам угодно, господа, – ответила я, – мы всего лишь две слабые и беззащитные женщины.

Один из всадников спешил, занял место нашего возницы, и мы свернули в сторону с той дороги, по которой ехали.

Бюсси, как понимают читатели, слушал рассказ Дианы с глубочайшим вниманием. Среди первых проявлений нарождающейся большой любви есть чувство почти религиозного преклонения перед любимой. Вы поднимаете избранницу вашего сердца на пьедестал, возносите ее над всеми остальными женщинами. Вы возвеличиваете, очищаете, обожествляете ее образ, каждый ее жест – это милость, которую она вам дарует, каждое слово – ниспосланное вам счастье, ее взгляд наполняет вас радостью, улыбка – восторгом.

Поэтому молодой человек предоставлял прекрасной рассказчице полную возможность беспрепятственно развешивать свое повествование, не допуская и мысли о том, чтобы перебить ее. Малейшее обстоятельство, связанное с этой женщиной, которую, как он предчувствовал, ему предстоит взять под защиту, вызывало в его душе живейший отклик, он слушал Диану молча, с трудом переводя дыхание, как если бы от каждого ее слова зависела его жизнь.

И когда молодая женщина на минуту умолкла, будучи явно не в состоянии справиться с обуревавшим ее двойным волнением, вызванным и настоящим, и воспоминаниями о прошлом, Бюсси, не в силах сдержать свое беспокойство, молитвенно протянул к ней руки.

– О, продолжайте, сударыня, – простонал он, – ради бога, продолжайте.

Диана не могла ошибиться в глубине чувства, которое она внушала: мольба была не только в словах, но и в голосе, в жесте, в выражении лица молодого человека. Красавица печально улыбнулась и продолжала:

– Мы ехали около трех часов и наконец остановились. Я услышала, как заскрипели ворота, наши похитители обменялись с кем-то несколькими словами; затем экипаж двинулся

дальше, и копыта лошадей застучали по чему-то твердому, словно бы по настилу подъемного моста. Выглянув из-за занавесок, я убедилась, что не ошиблась, – мы оказались во дворе какого-то замка.

Чей это замок? Ни Гертруда, ни я этого не могли угадать. По дороге мы не раз пытались распознать местность, но не видели ничего, кроме бесконечного темного леса. Правда, обоим нам показалось, что наши похитители нарочно петляют по лесу, пытаясь сбить нас с толку и лишить возможности определить, где мы находимся.

Дверцы кареты распахнулись, и тот же замаскированный мужчина, который ранее говорил с нами, пригласил нас выйти.

Я молча повиновалась. Два человека, очевидно слуги из замка, в который мы прибыли, встречали нас с факелами в руках. Страшное обещание, данное мне, сбывалось – нам, пленницам, оказывались знаки величайшего почета. Мы последовали за людьми с факелами. Они провели нас в пышную опочивальню, которая, по-видимому, была обставлена и украшена в самые блестящие годы царствования Франциска Первого.

На столе нас ждал богато сервированный ужин.

– Вы у себя дома, сударыня, – сказал тот, кто уже дважды ко мне обращался. – Несомненно, вы нуждаетесь в услугах, поэтому ваша девушка останется при вас. Ее комната возле вашей.

Мы с Гертрудой обменялись радостным взглядом.

– Если вам что-нибудь понадобится, – продолжал человек в маске, – постучите в дверь молотком, который на ней висит, в прихожей все время кто-нибудь будет дежурить, и он немедленно явится к вам.

Эта притворная забота свидетельствовала, что нас будут тщательно сторожить.

Человек в маске поклонился и вышел, мы услышали, как он закрыл дверь на двойной оборот ключа.

Гертруда и я остались одни.

Какое-то время мы молча глядели друг на друга. Два канделябра, стоявшие на обеденном столе, освещали комнату. Гертруда открыла было рот, собираясь что-то сказать, но я предостерегающе поднесла палец к губам: нас могли подслушивать.

Дверь комнаты, предназначенной Гертруде, была открыта, и нам обоим одновременно пришла в голову мысль осмотреть это помещение. Гертруда взяла один из канделябров, и мы на цыпочках вошли туда.

Мы увидели большую туалетную комнату, дополняющую спальню; в ней была еще одна дверь и в той же стене, что и дверь, через которую нас ввели в спальню. Эта дверь, несомненно, также выходила в прихожую; на ней, как и на двери спальни, висел на медном гвоздике молоточек из того же металла. И молоточки и гвозди были столь тонкой и изящной работы, что казались творениями самого Бенвенуто Челлини.³⁶

Гертруда поднесла свечу к замку; дверь была закрыта на двойной оборот ключа.

Мы были узниками.

Просто невероятно, насколько одинаково два человека, даже принадлежащие к разным слоям общества, но оказавшиеся в одном и том же положении и подвергающиеся одной и той же опасности, просто невероятно, говорю я, насколько одинаково они мыслят и как легко они понимают друг друга с полуслова.

Гертруда приблизилась ко мне.

– Вы заметили, барышня, – тихо сказала она, – когда мы входили сюда со двора, мы поднялись только на пять ступенек?

– Да, – ответила я.

³⁶ Бенвенуто Челлини (1500 – ок. 1574) – знаменитый итальянский скульптор, ювелир и писатель.

– Значит, мы на первом этаже?

– Несомненно.

– А что, если, – продолжала она шепотом, показывая глазами на ставни, закрывающие окна, – а что, если...

– Если на окнах нет решеток, – перебила я.

– Да, и если барышня наберется смелости.

– Смелости! – воскликнула я. – О, будь спокойна, смелости у меня хватит.

На этот раз наступил черед Гертруды приложить палец к губам.

– Да, да, все ясно, – сказала я.

Гертруда сделала мне рукой знак – оставаться на месте, а сама унесла канделябр в спальню и снова поставила его на стол.

Я уже поняла, что она задумала, подошла к окну и принялась искать задвижки ставен.

Я их нашла, вернее, их нашла Гертруда, пришедшая мне на помощь. Ставни открылись.

У меня вырвался радостный крик: на окне решетки не было.

Но Гертруда тут же обнаружила причину этого мнимого недосмотра со стороны наших стражей. Подножие стены омывал широкий пруд. Эти воды, добрых десять футов глубиной, стерегли нас надежнее любых решеток.

Переведя взор с поверхности пруда на его берега, я узнала знакомые места: мы были пленницами в замке Боже, который, как я уже говорила, мы с отцом несколько раз посещали и куда месяц тому назад, в день гибели Дафны, меня принесли в бесчувственном состоянии.

Замок Боже принадлежал герцогу Анжуйскому.

И, как будто вспышка молнии осветила мое сознание, я разом все поняла.

Я глядела на пруд с чувством мрачного удовлетворения: вот она – последняя возможность уйти от насилия, надежное убежище от бесчестия.

Мы заперли ставни. Я, не раздеваясь, бросилась в постель. Гертруда заснула в кресле у моих ног.

За ночь я раз двадцать просыпалась, охваченная неизъяснимым ужасом, но каждый раз убеждалась, что мои страхи ничем не оправданы, не считая моего положения пленницы. Ничто вокруг не говорило о злых умыслах против меня, наоборот, весь замок, казалось, спал безмятежным сном, и только крики болотных птиц нарушали тишину ночи.

Рассвело. Ночной мрак, в котором всегда есть что-то пугающее, отступил. Но мои ночные страхи не рассеялись. Я поняла, что без помощи извне бегство невозможно. Но откуда могла прийти к нам эта помощь?

Около девяти часов в дверь постучали. Я перешла в комнату Гертруды, а ей разрешила впустить тех, кто стучится.

Дверь за собой я оставила неприкрытой и в щелку могла видеть, как в комнату вошли все те же вчерашние слуги. Они забрали оставшийся нетронутым ужин и поставили на стол завтрак.

Гертруда обратилась к ним с вопросом, но они удалились, ничего ей не ответив.

Тогда я вернулась в свою спальню. То, что мы находимся в замке Боже, и показной почет, которым нас окружали, объясняло мне все. Герцог Анжуйский увидел меня на балу у господина де Монсоро и влюбился. Батюшка был об этом предупрежден и решил уберечь свою дочь от преследований, которым она, несомненно, должна была подвергнуться. Он хотел удалить меня из Меридора, но эта предосторожность, благодаря измене какого-нибудь слуги или несчастному случаю, не увенчалась успехом. Я попала в руки того человека, от которого отец тщетно пытался меня спасти.

Эта мысль показалась мне вполне правдоподобной и действительно впоследствии подтвердилась.

Уступив мольбам Гертруды, я выпила чашку молока и съела ломтик хлеба.

Утро прошло за составлением самых безрассудных планов бегства. В ста шагах перед нами, в камышах, стояла лодка с веслами. Будь это суденышко в пределах досягаемости, то, конечно, моих сил, удесятеренных страхом, и от природы немалых сил Гертруды нам хватило бы, чтобы спастись.

В течение дня нас никто не беспокоил. Нам сервировали обед точно так же, как в свое время – завтрак. Но я от слабости едва стояла на ногах. За обедом мне прислуживала только Гертруда; наши стражники, поставив блюда на стол, тут же удалились. И вдруг, разломив маленький хлебец, я увидела в нем записку.

Я торопливо развернула ее и прочла:

«Ваш друг печется о вас. Завтра вы получите весточку от него и от вашего отца».

Понятно, как я обрадовалась; мое сердце забилося так отчаянно, словно хотело выпрыгнуть из груди. Я показала записку Гертруде. Остаток дня прошел в ожиданиях и надеждах.

Вторая ночь протекла так же спокойно, как и первая; наступил час завтрака, которого я ждала с нетерпением, ибо не сомневалась, что в хлебе снова найду записку. И я не обманулась. Содержание записки было следующим:

«Лицо, которое вас похитило, прибудет в замок Боже сегодня вечером, в десять часов. Но в девять часов друг, пекущийся о вас, появится под вашими окнами с письмом от вашего отца. Это письмо внушит вам доверие к его подателю, которое иначе вы, быть может, ему и не оказали бы. Записку сожгите».

Я читала и перечитывала это послание, затем бросила его в огонь, как мне советовали. Почерк был мне незнаком, и, признаюсь, я совершенно не подозревала, кто мог быть автором записки.

Мы обе, Гертруда и я, терялись в догадках. Сто раз за это утро подходили мы к окну посмотреть, нет ли кого-нибудь на берегах пруда или в лесу, но и лес и пруд были пустынные.

Час спустя после обеда в нашу дверь постучали. Впервые к нам стучались не в часы трапезы, но мы не могли запереться изнутри, и поэтому нам ничего не оставалось, как разрешить войти.

Вошел тот человек, который привез нас сюда, я не могла узнать его по лицу, потому что видела его только в маске, но с первых же слов узнала по голосу.

Он подал мне письмо.

– Кто вас послал, сударь? – спросила я.

– Потрудитесь, пожалуйста, прочесть это письмо, сударыня, – ответил он, – и вы все узнаете.

– Но я не желаю читать письмо, не зная, от кого оно.

– Сударыня вольна делать все, что ей вздумается. Мне приказано вручить ей это послание, и я складываю его к ее ногам. Если сударыня соизволит наклониться и поднять письмо, она наклонится и поднимет его.

И действительно, этот человек, по всей вероятности дворянин, положил письмо на скамеечку, на которой стояли мои ноги, и вышел.

– Что делать? – спросила я Гертруду.

– Осмелюсь посоветовать вам, барышня, прочесть письмо. Может быть, в нем говорится о какой-то опасности, которой мы сможем избежать, если будем знать о ней.

Совет был настолько разумен, что я передумала и распечатала письмо.

Тут Диана прервала свое повествование, встала, открыла маленькую шкатулку из тех, за которыми мы сохранили итальянское название *stipo*, достала шелковый портфель и извлекла оттуда письмо.

Бюсси посмотрел на адрес.

– «Прекрасной Диане де Меридор», – прочел он.

Затем, взглянув на молодую женщину, сказал:

– Этот адрес написан рукой герцога Анжуйского.

– Ах, – вздохнула Диана, – значит, он меня не обманул.

Затем, видя, что Бюсси не решается раскрыть письмо, приказала:

– Читайте. Случай сделал вас свидетелем самых интимных событий моей жизни, мне нечего от вас скрывать.

Бюсси повиновался и прочел следующее:

«Несчастный принц, пораженный в самое сердце Вашей божественной красотой, навещит Вас сегодня вечером, в десять часов, дабы принести извинения за все, что он себе позволил по отношению к Вам. Для его действий, как это он сам понимает, не может быть иного оправдания, кроме неодолимой любви, которую Вы ему внушаете.

Франсуа».

– Значит, это письмо действительно написано герцогом Анжуйским? – спросила Диана.

– Увы, да! – ответил Бюсси. – Это его почерк и его подпись.

Диана вздохнула.

– Может быть, и в самом деле он не так уж виноват, как я думала? – пробормотала она.

– Кто – он, принц? – спросил Бюсси.

– Нет, граф де Монсоро.

Теперь наступила очередь Бюсси вздохнуть.

– Продолжайте, сударыня, – сказал он, – и мы рассудим и принца и графа.

– Это письмо, в подлинности которого у меня тогда не было никаких причин сомневаться, ибо оно полностью подтверждало мои собственные догадки, показало, как и предвидела Гертруда, какой опасности я подвергаюсь, и тем драгоценнее сделалась для меня поддержка неизвестного друга, предлагавшего свою помощь от имени моего отца. Только на этого друга я и могла рассчитывать.

Вернувшись на наш наблюдательный пост у окна, мы с Гертрудой не сводили глаз с пруда и леса перед нашими окнами. Однако на всем пространстве, открытом взору, мы не могли заметить ничего утешительного.

Наступили сумерки, и, как всегда в январе, быстро стемнело. До срока, назначенного герцогом, оставалось четыре или пять часов, и мы ждали, охваченные тревогой.

Стоял один из тех погожих зимних вечеров, когда, если бы не холод, можно подумать, что на дворе конец весны или начало осени. Сверкало небо, усеянное тысячами звезд, и молодой полумесяц заливал окрестности серебряным светом; мы открыли окно в комнате Гертруды, думая, что за этим окном наблюдают, во всяком случае, менее строго, чем за моим.

Часам к семи легкая дымка, подобная вуали из прозрачной кисеи, поднялась над прудом, она не мешала нам видеть, может быть, потому, что наши глаза уже привыкли к темноте.

У нас не было часов, и я не могу точно сказать, в котором часу мы заметили, что на опушке леса движутся какие-то тени. Казалось, они с большой осторожностью, укрываясь за стволами деревьев, приближаются к берегу пруда. Может быть, мы в конце концов решили бы, что эти тени только привиделись нашим утомленным глазам, но тут до нас донеслось конское ржание.

– Это наши друзья, – пробормотала Гертруда.

– Или принц, – ответила я.

– О, принц, – сказала она, – принц бы не прятался.

Эта простая мысль рассеяла мои подозрения и укрепила мой дух.

Мы с удвоенным вниманием вглядывались в прозрачную мглу. Какой-то человек вышел вперед, его спутники, по-видимому, остались позади, в тени деревьев.

Человек подошел к лодке, отвязал ее от столба, к которому она была привязана, сел в нее, и лодка бесшумно заскользила по воде, направляясь в нашу сторону.

По мере того как она продвигалась вперед, я все больше и больше напрягала зрение, пытаясь разглядеть друга, спешащего к нам на помощь.

И вдруг мне показалось, что его высокая фигура напоминает графа де Монсоро. Потом я смогла различить мрачные и резкие черты лица; наконец, когда лодка была уже в десяти шагах от нас, мои последние сомнения рассеялись.

Теперь новоявленный друг внушал мне почти такой же страх, как и враг.

Я стояла, безмолвная и неподвижная, сбоку от окна, и граф не мог меня видеть. Подъехав к подножию стены, он привязал лодку к причальному кольцу, и голова его показалась над подоконником.

Я не удержалась и вскрикнула.

– Ах, простите, – сказал граф де Монсоро, – я полагал, что вы меня ждете.

– Я действительно ждала кого-то, но не знала, что это будете вы.

Граф горько улыбнулся.

– Кто же еще, кроме меня и вашего отца, будет оберегать честь Дианы де Меридор?

– В том письме, которое я получила, вы писали мне, сударь, что уполномочены моим батюшкой.

– Да, и поскольку я предвидел, что вы усомнитесь в этом, я захватил от него письмо.

И граф протянул мне листок бумаги.

Мы не зажигали свечей, чтобы иметь возможность свободно передвигаться в темноте. Я перешла из комнаты Гертруды в свою спальню, встала на колени перед камином и в неверном свете пламени прочла:

«Моя дорогая Диана, только граф де Монсоро может спасти тебя от опасности, которая тебе угрожает, а опасность эта огромна. Доверься ему полностью, как верному другу, ниспосланному нам небесами.

Позже он откроет тебе, чем бы ты могла отплатить ему за его благородную помощь, знай, что его помыслы отвечают самым заветным желаниям моего сердца.

Заклинаю тебя поверить мне и пожалеть и меня и себя.

Твой отец, барон де Меридор».

Определенных причин не доверять графу де Монсоро у меня не было. Он внушал мне чисто инстинктивное отвращение, не опирающееся на доводы рассудка. Я могла вменить ему в вину только смерть Дафны, но разве убийство лани преступление для охотника?

Я вернулась к окну.

– Ну и как? – спросил граф.

– Сударь, я прочла письмо батюшки. Он пишет, что вы готовы увезти меня отсюда, но ничего не говорит о том, куда вы меня отвезете.

– Я вас отвезу туда, где вас ждет барон.

– А где он меня ждет?

– В Меридорском замке.

– Значит, я увижу отца?

– Через два часа.

– О сударь! Если только вы говорите правду...

Я остановилась. Граф с видимой тревогой ждал, что я скажу дальше.

– Рассчитывайте на мою признательность, – добавила я дрогнувшим голосом, ибо уже угадала, в чем, по его мнению, должна была заключаться эта признательность, но у меня не хватало сил назвать все своими словами.

– В таком случае, – сказал граф, – готовы ли вы следовать за мной?

Я с беспокойством взглянула на Гертруду. По ее лицу было видно, что мрачная фигура нашего спасителя внушала ей доверия не больше, чем мне.

– Имейте в виду, каждая минута промедления грозит вам такой бедой, что вы и помыслить не можете, – сказал он. – Я запоздал примерно на полчаса; скоро уже десять, разве вам не сообщили, что ровно в десять часов принц прибудет в замок Боже?

– Увы! Да, – ответила я.

– Как только принц появится здесь, я уже ничего не смогу сделать для вас, даже если поставлю на карту свою жизнь, тогда как сейчас я рискую ею в полной уверенности, что мне удастся вас спасти.

– Почему с вами нет моего отца?

– Как по-вашему, неужели за вашим отцом не следят? Да он не может шагу ступить без того, чтобы не стало известно, куда он идет.

– Ну а вы? – спросила я.

– Я? Со мной другое дело. Я друг принца, его доверенное лицо.

– Но, сударь, – воскликнула я, – коли вы друг принца, коли вы его доверенное лицо, значит...

– Значит, я предаю его ради вас; да, именно так. Поэтому я и сказал вам сейчас, что рискую своей жизнью ради спасения вашей чести.

В тоне графа звучала такая убежденность и все его слова были так похожи на правду, что, хотя этот человек все еще вызывал у меня неприязнь, я не знала, как объяснить ему свое недоверие.

– Я жду, – сказал граф.

Я взглянула на Гертруду, но она тоже была в нерешительности.

– Ну вот и дождались, – сказал граф. – Если вы еще колеблетесь, взгляните на тот берег.

И он показал мне на кавалькаду, скакавшую к замку по берегу пруда, противоположному тому, от которого он отчалил.

– Кто эти люди? – спросила я.

– Герцог Анжуйский со свитой, – ответил граф.

– Барышня! Барышня! – заволновалась Гертруда. – Нельзя терять времени.

– Мы и так потеряли его слишком много, – сказал граф. – Небом вас заклинаю, решайтесь.

Я упала на стул, силы меня покинули.

– Господи боже! Господи боже! Что делать? Что делать? – повторяла я.

– Слышите, – сказал граф, – слышите: они стучат в ворота.

Действительно, два всадника, отделившиеся от кавалькады, уже стучали в ворота молотком.

– Еще пять минут, – сказал граф, – и все будет кончено.

Я хотела подняться, но ноги у меня подкосились.

– Ко мне, Гертруда, – пролепетала я. – Ко мне!

– Барышня, – взмолилась бедная девушка. – Вы слышите? Ворота уже открываются. Вы слышите? Всадники въезжают во двор.

– Да, да! – отвечала я, тщетно пытаясь подняться. – Но у меня нет сил.

– Ах, если только это!.. – обрадовалась Гертруда.

И она обхватила меня руками, легко подняла, словно ребенка, и передала графу.

Почувствовав прикосновение рук этого человека, я вздрогнула так сильно, что чуть было не упала в воду.

Но он прижал меня к груди и бережно опустил в лодку.

Гертруда последовала за мной и спустилась в лодку без посторонней помощи.

И тут я заметила, что с меня слетела вуаль и плавает на воде.

Я подумала, что она выдаст наши следы преследователям.

– Там вуаль, моя вуаль! – обратилась я к графу. – Выловите ее.

Граф бросил взгляд в ту сторону, куда я показывала пальцем.

– Нет, – сказал он, – лучше пусть все остается как есть.

Он взялся за весла и принялся грести с такой силой, что через несколько взмахов веслами наша лодка подошла к берегу.

В эту минуту мы увидели, что в окнах моей комнаты появился свет: в нее вошли слуги со свечами в руках.

– Ну что, разве не моя была правда? – сказал господин де Монсоро. – Разве можно было еще медлить?

– Да, да, да, сударь, – ответила ему я, – воистину вы мой спаситель.

Тем временем огоньки свечей тревожно заметались в окнах, перемещаясь то из моей спальни в комнату Гертруды, то из комнаты Гертруды в спальню. До нас донеслись голоса. В спальне появился человек, перед которым все остальные почтительно расступились. Он подошел к открытому окну, высунулся из него и вдруг закричал, вероятно заметив мою вуаль, плавающую на воде.

– Видите, как хорошо я сделал, оставив там вуаль? – сказал граф. – Принц подумает, что, желая спасти свою честь, вы утопились в пруду, и, пока они будут искать там ваше тело, мы убежим.

Я снова вздрогнула, на сей раз пораженная мрачными глубинами этого ума, который мог предвидеть даже и такой страшный исход.

Но тут мы причалили к берегу.

Глава XIV

История Дианы де Меридор. – Договор

Снова наступила тишина. Диана, заново пережившая все события тех трагических дней, пришла в такое волнение, что у нее перехватило горло.

Бюсси весь превратился в слух, он заранее поклялся в вечной ненависти к врагам молодой женщины, кто бы они ни были.

Наконец, достав из кармана своего платья флакон с ароматическими солями и глубоко вдохнув их острый запах, Диана продолжала:

– Едва мы ступили на берег, как к нам подбежали семь или восемь человек. Это были люди графа, и мне показалось, что я узнала среди них двух слуг, которые сопровождали наш экипаж, пока на нас не напали и не увезли в замок Боже. Стремянный подвел к нам двух лошадей: графского вороного и белого иноходца, предназначенного для меня. Граф посадил меня в седло и, как только я уселась, вскочил на коня.

Гертруда устроилась на крупе лошади за одним из графских слуг.

И, ни минуты не медля, мы понеслись галопом по лесной дороге. Граф не выпускал из рук повод моего иноходца, я заметила это и сказала ему, что умею ездить верхом и не нуждаюсь в подобных мерах предосторожности; он ответил, что у меня пугливая лошадь, которая может понести или неожиданно метнуться в сторону.

Мы скакали уже минут десять, когда я услышала голос Гертруды, звавшей меня. Я обернулась и увидела, что наш отряд разделился: четверо всадников свернули на боковую тропу, уходящую в лес, а остальные четверо вместе со мной продолжали скакать вперед.

– Гертруда! – воскликнула я. – Сударь, почему Гертруда не едет с нами?

– Это совершенно необходимая предосторожность, – ответил мне граф. – Надо, чтобы мы оставили два следа, на случай если за нами будет погоня. Пусть на двух разных дорогах люди скажут, что видели женщину, увозимую четырьмя мужчинами. Тогда герцог Анжуйский может пойти по ложному следу и поскакать за служанкой вместо того, чтобы погнаться за госпожой.

Хотя его доводы казались основательными, все же они не убедили меня, но что я могла сказать и что я могла сделать? Вздыхнув, я смирилась.

К тому же мы скакали по дороге в Меридорский замок, и наши кони мчались с такой быстротой, что мы должны были уже через четверть часа оказаться в замке. Но вдруг, когда мы выехали на хорошо известный мне перекресток, граф вместо того, чтобы следовать дальше по дороге, ведущей к моему батюшке, свернул влево и поскакал прочь от замка. Я закричала и, невзирая на быстрый галоп моего иноходца, оперлась о лук седла, чтобы соскочить на землю, но тут граф, несомненно следивший за моими движениями, перегнулся с лошади, обхватил меня рукой за талию и перебросил на лук своего седла. Иноходец, почувствовав себя свободным, заржал и поскакал в лес.

Все это граф проделал столь молниеносно, что я успела лишь вскрикнуть.

Господин де Монсоро зажал мне рот рукой.

– Сударыня, – сказал он, – клянусь вам своей честью, я только выполняю приказание вашего батюшки и предъявляю вам доказательство этого на первой же остановке, которую мы сделаем; если это доказательство окажется неубедительным или вызовет у вас сомнения, еще раз клянусь честью, я предоставляю вам свободу.

– Но, сударь, ведь вы обещали отвезти меня к отцу! – воскликнула я, отталкивая его руку и откинув голову.

– Да, я вам обещал это, так как видел, что вы колеблетесь; еще одно мгновение – и эти колебания, как вы сами могли убедиться, погубили бы нас всех: вашего отца, вас и меня. Теперь подумайте, – сказал граф, останавливая коня, – разве вы хотите убить барона? Хотите попасть

в руки тому, кто намерен вас обесчестить? Одно ваше слово – и я вас отвезу в Меридорский замок.

– Вы сказали, у вас есть какое-то доказательство, подтверждающее, что вы действуете от имени моего отца?

– Доказательство, вот оно, – сказал граф, – возьмите это письмо и на первом же постоялом дворе, где мы остановимся, прочтите его. Повторяю, если, прочитав письмо, вы пожелаете вернуться в замок, клянусь честью, вы вольны будете это сделать. Но если вы хоть сколько-нибудь уважаете барона, вы так не поступите, я в том уверен.

– Тогда вперед, сударь, и поскорее доберемся до этого первого постоялого двора, ибо я горю желанием убедиться в правдивости ваших слов.

– Не забывайте, вы последовали за мной добровольно.

– Да, добровольно, если только можно говорить о доброй воле, оказавшись в том положении, в каком я очутилась. Разве можно говорить о доброй воле молодой девушки, у которой есть только два выбора: либо смерть отца и бесчестие, либо полное доверие к человеку почти незнакомому; впрочем, пусть будет по-вашему, – я следую за вами добровольно, и вы сами это увидите, если сообразите дать мне коня.

Граф сделал знак одному из своих людей, и тот спешился. Я соскользнула с вороного и через мгновение уже сидела в седле.

– Иноходец не мог убежать далеко, – сказал граф слуге, уступившему мне лошадь, – поищите его в лесу, покликайте его; он знает свое имя и, как собака, прибежит на голос или на свист. Вы присоединитесь к нам в Ла-Шатре.

Я невольно вздрогнула. Ла-Шатр находился в добрых десяти лье от Меридорского замка по дороге в Париж.

– Сударь, – сказала я графу, – решено, я еду с вами. Но в Ла-Шатре мы поговорим.

– Это значит, сударыня, – ответил граф, – что в Ла-Шатре вы сообразите дать мне ваши приказания.

Его притворная покорность меня ничуть не успокаивала; и все же, поскольку у меня не было выбора, не было иного средства спастись от герцога Анжуйского, я молча продолжала путь. К рассвету мы добрались до Ла-Шатра. Но вместо того чтобы въехать в деревню, граф за сотню шагов от ее первых садов свернул с дороги и полем направился к одиноко стоящему домику. Я придержала лошадь.

– Куда мы едем?

– Послушайте, сударыня, – сказал граф, – я уже имел возможность заметить, что вы мыслите чрезвычайно логично, и потому позволю себе обратиться к вашему рассудку. Можем ли мы, убегая от принца, самой могущественной особы в государстве после короля, можем ли мы остановиться на обычном постоялом дворе посреди деревни, где первый же крестьянин, который нас увидит, не преминет нас выдать? Можно подкупить одного человека, но целую деревню не подкупишь.

Все ответы графа были весьма логичны и убедительны, и это меня подавляло.

– Хорошо, – сказала я. – Поедемте.

И мы снова поскакали.

Нас ждали; один из всадников, незаметно от меня, отделился от нашей кавалькады, опередил нас и все подготовил. В камине более или менее чистой комнаты пылал огонь, постель была застелена.

– Вот ваша спальня, – сказал граф, – я буду ждать ваших приказаний.

Он поклонился и вышел, оставив меня одну.

Первое, что я сделала, это подошла к светильнику и достала из-за корсажа письмо отца... Вот оно, господин де Бюсси. Будьте моим судьей, прочтите его.

Бюсси взял письмо и прочел.

«Моя нежно любимая Диана, если, как я в этом не сомневаюсь, ты уступила моим мольбам и последовала за графом де Монсоро, то граф должен был тебе сказать, что ты имела несчастье понравиться герцогу Анжуйскому и принц приказал тебя похитить и привезти в замок Божье, по этим его делам суди сама, на что он еще может быть способен и какой позор тебе грозит. Избежать бесчестия, коего я не переживу, ты можешь только одним путем, а именно, если ты выйдешь замуж за нашего благородного друга. Когда ты станешь графиней Монсоро, граф вправе будет защищать тебя как свою законную супругу; он поклялся мне, что ничего для этого не пожалеет.

Итак, я желаю, возлюбленная моя дочь, чтобы это бракосочетание состоялось как можно скорее, и если ты меня послушаешься, то к моему родительскому согласию на брак я присовокупляю мое отеческое благословение и молю бога даровать тебе всю полноту счастья, которую он хранит для чистых сердец, подобных твоему.

Твой отец, который не приказывает тебе, а умоляет тебя, барон де Меридор».

– Увы, – сказал Бюсси, – если это действительно письмо вашего отца, его желание выражено совершенно недвусмысленно.

– Письмо написано отцом, в этом нет никаких сомнений, и все же я трижды перечитала его, прежде чем принять какое-нибудь решение. Наконец я пригласила графа.

Граф появился тотчас же, очевидно, он ждал за дверью.

Я держала письмо в руке.

– Ну и как, – спросил он, – вы прочли письмо?

– Да, – ответила я.

– Вы все еще сомневаетесь в моей преданности и в моем уважении?

– Если бы я и сомневалась, сударь, письмо батюшки придало бы мне веру, которой мне не доставало. Теперь скажите, сударь, предположим, я последую советам отца, как вы намерены поступить в этом случае?

– Я намерен отвезти вас в Париж, сударыня. Именно там вас легче всего спрятать.

– А мой отец?

– В любом месте, где бы вы ни были, и вы это хорошо знаете, барон присоединится к нам, как только минует непосредственная опасность.

– Ну хорошо, сударь, я готова принять ваше покровительство на ваших условиях.

– Я не ставлю никаких условий, сударыня, – ответил граф, – я предлагаю вам путь к спасению, вот и все.

– Будь по-вашему: я готова принять предлагаемый вами путь к спасению на трех условиях.

– Каких же, сударыня?

– Первое, пусть мне вернут Гертрудю.

– Она уже здесь, – сказал граф.

– Второе, мы должны ехать в Париж по отдельности.

– Я и сам хотел предложить вам разделиться, чтобы успокоить вашу подозрительность.

– И третье, наше бракосочетание, которое я отнюдь не считаю чем-то безотлагательным, состоится только в присутствии моего отца.

– Это мое самое горячее желание, и я рассчитываю, что благословение вашего батюшки призовет на нас благоволение небес.

Я была поражена. Мне казалось, что граф должен найти какие-то возражения против этого тройного изъявления моей воли, а получилось совсем наоборот, он во всем был со мной согласен.

– Ну а сейчас, сударыня, – сказал господин де Монсоро, – не позволите ли вы мне, в свою очередь, предложить вам несколько советов?

– Я слушаю, сударь.

– Путешествуйте только по ночам.

– Я так и решила.

– Предоставьте мне выбор дорог, по которым вы поедете, и постоянных дворов, где вы будете останавливаться. Я принимаю все эти предосторожности с одной целью – спасти вас от герцога Анжуйского.

– Если вы меня любите, как вы это говорили, сударь, наши интересы совпадают, и у меня нет ни малейших возражений против всего, что вы предлагаете.

– Наконец, в Париже я советую вам поселиться в том доме, который я для вас приготовлю, каким бы скромным и уединенным он ни был.

– Я хочу только одного, сударь: жить укрытой от всех, и чем скромнее и уединеннее будет выбранное вами жилище, тем более оно будет приличествовать беглянке.

– Тогда, сударыня, мы договорились по всем статьям, и для того, чтобы выполнить начертанный вами план, мне остается только изъяснить вам мое глубочайшее почтение, послать к вам вашу служанку и заняться выбором дороги, по которой вы поедете в Париж.

– Ну а мне, сударь, – ответила я, – остается сказать вам, что я тоже, как и вы, благородного рода: выполняйте ваши обещания, а я выполняю свои.

– Только этого я и хочу, – сказал граф, – и ваши слова для меня верный залог того, что вскорости я буду самым счастливым человеком на земле.

Тут он поклонился и вышел.

Пять минут спустя в комнату вбежала Гертруда.

Добрая девушка была вне себя от радости: она думала, что ее хотят навсегда разлучить со мной. Я рассказала ей все, что произошло. Мне хотелось иметь около себя человека, который мог бы знать мои намерения, разделять мои желания и, в случае необходимости, понять меня с полуслова, повиноваться мне по первому знаку, по движению руки. Меня удивляла уступчивость господина де Монсоро, и я опасалась, как бы он не задумал нарушить только что заключенный между нами договор.

Не успела я закончить свой рассказ, как мы услышали стук лошадиных копыт. Я подбежала к окну. Граф галопом удалялся по той дороге, по которой мы приехали. Почему он возвращался обратно, вместо того чтобы ехать впереди нас в направлении Парижа? Этого я не могла понять. Но так или иначе, выполнив первый пункт нашего договора – вернув мне Гертруду, он выполнял и второй: избавлял меня от своего общества. Тут нечего было возразить. Впрочем, куда бы он ни ехал, все равно его отъезд меня успокаивал.

Мы провели весь день в маленьком домике, хозяйка которого оказалась особой весьма услужливой. Вечером тот, кто, по видимости, был начальником нашего эскорта, вошел в комнату узнать, каковы будут мои распоряжения. Поскольку опасность казалась мне тем большей, чем ближе мы находились к замку Боже, я ответила, что готова ехать немедленно. Через пять минут он вернулся и с поклоном сообщил, что дело только за мной. У дверей дома стоял белый иноходец; как и предвидел граф Монсоро, он прибежал по первому зову.

Мы ехали всю ночь и, как и в прошлый раз, остановились только на рассвете. По моим подсчетам, мы сделали за ночь примерно пятнадцать лье. Господин де Монсоро всемерно позаботился, чтобы я не страдала в пути ни от усталости, ни от холода: белая кобылка, которую он для меня выбрал, шла удивительно ровной рысью, а перед выездом мне на плечи накинули меховой плащ.

Вторая остановка походила на первую, как все наши ночные переезды – один на другой. Повсюду нас встречали с почетом и уважением; повсюду изо всех сил старались нам услужить. Очевидно, кто-то ехал впереди нас и подготавливал для нас жилье. Был ли это граф? Не знаю. Строго соблюдая условия соглашения, он ни разу не попался мне на глаза на всем протяжении нашей дороги.

К вечеру седьмого дня пути с вершины высокого холма я заметила огромное скопление домов. Это был Париж.

Мы остановились в ожидании ночи и с наступлением темноты снова двинулись вперед. Вскоре мы проехали под аркой больших ворот, за которой меня поразило огромное здание; глядя на его высокие стены, я подумала, что это, должно быть, монастырь. Затем мы дважды переправились через реку, повернули направо и через десять минут оказались на площади Бастилии. От двери одного из домов отделился человек, по-видимому поджидавший нас; подойдя к начальнику эскорта, он сказал:

– Это здесь.

Начальник эскорта повернулся ко мне:

– Вы слышите, сударыня, мы прибыли.

И, соскочив с коня, он подал мне руку, чтобы помочь сойти с иноходца, как он это проделывал обычно на каждой остановке. Дверь в дом была открыта, лестницу освещал стоявший на ступеньках светильник.

– Сударыня, – обратился ко мне начальник эскорта, – здесь вы у себя дома. Нам было поручено сопровождать вас до этих дверей, теперь наше поручение можно считать выполненным. Могу я надеяться, что мы сумели угодить всем вашим желаниям и оказать вам должное уважение, как нам и было предписано?

– Да, сударь, – ответила я ему, – я могу только поблагодарить вас. Соболаговолите передать мою признательность и другим смельчакам, которые меня сопровождали. Я хотела бы вознаградить их чем-нибудь более ощутимым, но у меня ничего нет.

– Не беспокойтесь, сударыня, – сказал тот, кому я принесла это извинение, – они щедро вознаграждены.

И, отвесив мне глубокий поклон, он вскочил на коня.

– За мной, – приказал он своим спутникам, – и чтоб к завтрашнему утру все вы начисто позабыли и этот дом, и эту дверь.

После этих слов маленький отряд пустил коней в галоп и скрылся за углом улицы Сент-Антуан.

Первой заботой Гертруды было закрыть дверь, и мы смотрели через дверное окошечко, как они удаляются.

Затем мы подошли к лестнице, освещенной светильником, Гертруда взяла светильник в руки и пошла впереди.

Поднявшись по ступенькам, мы оказались в коридоре; в него выходили три открытые двери.

Мы вошли в среднюю и очутились в той гостиной, где мы с вами находимся. Она была ярко освещена, как сейчас.

Я открыла сначала вон ту дверь и увидела большую туалетную комнату, затем другую дверь, которая вела в спальню; к моему глубокому удивлению, войдя в спальню, я оказалась лицом к лицу со своим изображением.

Я узнала портрет, который висел в комнате моего отца в Меридорском замке; граф, несомненно, выпросил его у барона.

Я вздрогнула перед этим новым доказательством того, что батюшка уже видит во мне жену господина де Монсоро.

Мы обошли весь дом. В нем никого не было, но имелось все необходимое. Во всех камин-нах пылал огонь, а в столовой меня поджидал накрытый стол. Я бросила на него быстрый взгляд, на столе стоял только один прибор, это меня успокоило.

– Ну вот, барышня, – сказала мне Гертруда, – видите, граф до конца держит свое слово.

– К сожалению, да, – со вздохом ответила я, – но лучше бы он нарушил какое-нибудь свое обещание и этим освободил бы меня от моих обязательств.

Я поужинала, затем мы вторично осмотрели дом, но, как и в первый раз, не встретили ни одной живой души; весь дом принадлежал нам, только нам одним.

Гертруда легла спать в моей комнате.

На другой день она вышла познакомиться с нашим новым местом жительства. Только тогда от нее я узнала, что мы живем в конце улицы Сент-Антуан, напротив Турнельского дворца, и что крепость, возвышающаяся справа от нас, – Бастилия.

Но в общем-то эти сведения не представляли для меня почти никакой ценности. Я сроду не бывала в Париже и совсем не знала этот город.

День прошел спокойно. Вечером, когда я собиралась сесть за стол и поужинать, во входную дверь постучали.

Мы с Гертрудой переглянулись.

Стук раздался снова.

– Пойди посмотри, кто стучит, – сказала я.

– Ну а если пришел граф? – спросила Гертруда, увидев, что я побледнела.

– Если пришел граф, – с усилием проговорила я, – открой ему, Гертруда: он неукоснительно выполняет свои обещания; пусть же видит, что и я держу свое слово не хуже его.

Гертруда быстро вернулась.

– Это господин граф, сударыня, – сказала она.

– Пусть войдет, – ответила я.

Гертруда посторонилась, и на пороге появился граф.

– Ну что, сударыня, – спросил он меня, – в точности ли я соблюдал все пункты договора?

– Да, сударь, – ответила я, – и я вам за это весьма благодарна.

– В таком случае позвольте мне нанести вам визит, – добавил он с улыбкой, иронию которой не мог скрыть, несмотря на все усилия.

– Входите, сударь.

Граф вошел в комнату и остановился передо мной. Кивком головы я пригласила его садиться.

– У вас есть какие-нибудь новости, сударь? – спросила я.

– Новости? Откуда и о ком, сударыня?

– О моем отце и из Меридора прежде всего.

– Я не заезжал в Меридорский замок и не видел барона.

– Тогда из Боже и о герцоге Анжуйском.

– Вот это другое дело. Я был в Боже и разговаривал с герцогом.

– Ну и что он делает?

– Пытается усомниться.

– В чем?

– В вашей смерти.

– Но, надеюсь, вы его убедили?

– Я сделал для этого все, что было в моих силах.

– А где сейчас герцог?

– Вчера вечером вернулся в Париж.

– Почему так поспешно?

– Потому что никому не приятно задерживаться в тех местах, где, как ты думаешь, по твоей вине погибла женщина.

– Видели вы его после возвращения в Париж?

– Я только что от него.

– Он вам говорил обо мне?

– Я ему не дал для этого времени.

– О чем же вы с ним говорили?

– Он мне кое-что обещал, и я побуждал его выполнить свое обещание.

– Что же он обещал вам?

– В награду за услуги, оказанные ему мной, он обязался добыть для меня должность главного ловчего.

– Ах да, – сказала я с грустной улыбкой, так как вспомнила смерть бедняжки Дафны, – ведь вы заядлый охотник, я припоминаю, и у вас есть все права на это место.

– Я получу его вовсе не потому, что я охотник, сударыня, а потому, что я слуга принца; мне его дадут не потому, что у меня есть какие-то права, а потому, что герцог Анжуйский не посмеет оказаться неблагодарным по отношению ко мне.

Несмотря на уважительный тон графа, во всех его ответах звучала пугающая меня властная интонация, в них сквозила мрачная и непреклонная воля.

На минуту я замолчала, затем спросила:

– Позволено ли мне будет написать батюшке?

– Конечно, но не забывайте, что письма могут быть перехвачены.

– Ну а выходить на улицу мне тоже запрещено?

– Для вас нет никаких запретов, сударыня; я только хочу обратить ваше внимание на то, что за вами могут следить.

– Могу я слушать мессу, хотя бы по воскресеньям?

– Я думаю, для вашей же безопасности было бы лучше ее не слушать совсем, но коли вам этого так уж хочется, то слушайте ее – заметьте, с моей стороны это простой совет и никак не приказание – слушайте ее в церкви Святой Екатерины.

– А где эта церковь?

– Напротив вашего дома, только улицу перейти.

– Благодарю вас, сударь.

Снова наступило молчание.

– Когда я теперь увижу вас, сударь?

– Я жду только вашего дозволения, чтобы прийти опять.

– Вам это необходимо?

– Несомненно. Ведь я все еще незнакомец для вас.

– Разве у вас нет ключа от этого дома?

– Только ваш супруг имеет право на такой ключ.

Его странная покорность встревожила меня больше, чем мог бы встревожить резкий, нетерпящий возражения тон.

– Сударь, – сказала я, – вы вернетесь сюда, когда вам будет угодно или когда вы узнаете какую-нибудь новость, которую сочтете нужным мне сообщить.

– Благодарствую, сударыня, я воспользуюсь вашим дозволением, но не буду им злоупотреблять и в подтверждение моих слов начну с того, что попрошу у вас дозволения откланяться.

С этими словами граф поднялся с кресла.

– Вы меня покидаете? – спросила я, все больше и больше удивляясь сдержанности, которой я от него никак не ожидала.

– Сударыня, – ответил граф, – я знаю, что вы меня не любите, и я не хочу злоупотреблять положением, в котором вы очутились и которое вынуждает вас принимать мои попечения. Я питаю надежду, что, ежели буду смиренно пользоваться вашим обществом, вы мало-помалу привыкнете к моему присутствию. И когда придет время стать моей супругой, жертва покажется вам менее тягостной.

– Сударь, – сказала я, в свою очередь поднимаясь, – я вижу всю деликатность вашего поведения и ценю ее, несмотря на то что в каждом вашем слове чувствуется какая-то резкость. Вы правы, и я буду говорить с вами столь же откровенно, как вы говорили со мной. Я все еще отношусь к вам с некоторым предубеждением, но надеюсь, что время все уладит.

– Позвольте мне, сударыня, – сказал граф, – разделить с вами эту надежду и жить ожиданием грядущего счастья.

Затем, отвесив мне низжайший поклон, такой поклон, коего я могла бы ожидать от самого почтительного из своих слуг, он знаком приказал Гертруде, присутствовавшей при этом разговоре, посветить ему и вышел.

Глава XV

История Дианы де Меридор. – Согласие на брак

– Клянусь своей душой, вот странный человек, – сказал Бюсси.

– О да, весьма странный, не правда ли, сударь? Даже когда он изъяснялся мне в любви, казалось, что он признается в ненависти. Вернувшись, Гертруда нашла меня еще более встревоженной и опечаленной, чем обычно.

Верная служанка попыталась меня успокоить, но по всему было видно, что сама она тревожилась не менее моего. Ледяное почтение, ироническая покорность, подавленная страсть, которая прорывалась в каждом слове графа, пугали меня еще и потому, что за ними словно и не скрывалось определенно выраженного желания, которому я могла бы противостоять.

Следующий день был воскресеньем. С тех пор как я себя помню, я ни разу не упускала случая присутствовать на воскресном богослужении, и, когда зазвенел колокол церкви Святой Екатерины, мне показалось, что он меня призывает. Народ со всех сторон шел в храм господень. Я закрылась густой вуалью и, сопровождаемая Гертрудой, смешалась с верующими, спешащими на зов колокола.

В церкви я разыскала самый темный уголок и преклонила колени возле стены. Гертруда встала, как часовой, между мной и другими молящимися. Но все эти предосторожности оказались излишними: никто на нас и не посмотрел, или я не заметила ничьего взгляда.

Назавтра граф снова нанес мне визит и объявил, что его назначили главным ловчим. Должность главного ловчего была уже почти обещана одному из фаворитов короля, некоему господину де Сен-Люку, но влияние герцога Анжуйского все превозмогло. Это была победа, на которую и сам граф не смел надеяться.

– И в самом деле, – заметил Бюсси, – назначение графа главным ловчим нас всех удивило.

– Он пришел сообщить мне эту новость, – продолжала Диана, – рассчитывая, что его высокое положение ускорит мое согласие; однако не торопил меня, не настаивал, а терпеливо ждал, полагаясь на мое обещание и на ход событий.

А мне все чаще и чаще приходила в голову мысль, что если герцог Анжуйский полагает меня мертвой, значит, опасность миновала и моя зависимость от графа скоро кончится.

Прошло еще семь дней, не принеся ничего нового, за исключением двух визитов графа. Во время этих посещений он, как и прежде, был исполнен сдержанности и почтения. Но я уже говорила, какими странными, я бы сказала – почти угрожающими, казались мне и его сдержанность, и его почтение.

На следующее воскресенье я, как и в прошлый раз, отправилась в церковь и заняла то же самое место, на котором молилась семь дней назад. Ощущение безопасности делает человека неосторожным, и, погрузившись в молитвы, я не заметила, как вуаль сдвинулась с моего лица... Впрочем, в доме божьем я обращалась мыслями только к богу... Я горячо молилась за отца и вдруг почувствовала, что Гертруда прикоснулась к моей руке. Однако только после второго ее прикосновения я вышла из состояния молитвенного восторга, подняла голову, невольно оглянулась вокруг и с ужасом заметила герцога Анжуйского; прислонясь к колонне, он пожирал меня глазами.

Рядом с герцогом стоял какой-то молодой человек, державшийся скорее как наперсник, чем как слуга.

– Это Орильи, – сказал Бюсси, – его лютнист.

– Да, да, – ответила Диана, – мне кажется, что именно это имя потом называла мне Гертруда.

– Продолжайте, сударыня, – потребовал Бюсси, – сделайте милость, продолжайте. Я начинаю все понимать.

– Я поспешно закрыла лицо вуалью, но было уже поздно: герцог меня видел, и если даже и не узнал, то, во всяком случае, мое сходство с женщиной, которую он любил и считал погибшей, должно было глубоко его поразить. Испытывая неловкость под его упорным взглядом, я поднялась с колен и направилась к выходу из церкви, но герцог уже ждал меня у дверей. Он обмакнул пальцы в чашу со святой водой и хотел коснуться ими моей руки.

Я сделала вид, что не замечаю его, и прошла мимо, не приняв услуги.

Даже не оборачиваясь, я чувствовала, что за нами идут. Если бы я знала Париж, я попыталась бы обмануть герцога и скрыть от него, где я живу, но я никуда не ходила, кроме как из своего дома в церковь, я не знала никого, кто бы мог приютить меня на четверть часа, у меня не было ни одной подружки, никого, кроме моего защитника, а его я боялась больше, чем врага...

– О, боже мой, – прошептал Бюсси, – почему небо, провидение или случай не привели меня раньше на вашу дорогу?

Диана бросила на молодого человека благодарный взгляд.

– Простите, ради бога, – спохватился Бюсси, – я вечно вас прерываю и в то же время сгораю от любопытства. Продолжайте, умоляю вас.

– В тот же вечер явился господин де Монсоро. Я не знала, стоит ли рассказывать ему о том, что случилось со мной, но он сам вывел меня из нерешительности.

– Вы спрашивали меня, – сказал он, – не воспрещается ли вам ходить к мессе. И я вам ответил, что вы здесь полная хозяйка и вольны во всех своих действиях и поступках, но лучше бы было для вас не выходить из дому. Вы не поверили мне, нынче утром вы вышли послушать мессу в церкви Святой Екатерины; случайно, или скорее по воле рока, принц был там и вас видел.

– Это правда, сударь, но я колебалась, рассказывать ли вам об этой встрече, так как не знала, понял ли принц, что он видит Диану де Меридор, или его просто поразила моя внешность.

– Ваша внешность его поразила, ваше сходство с женщиной, которую он оплакивает, показалось ему необычайным; он последовал за вами и попытался разузнать, кто вы такая, но ничего не узнал, так как о вас никому ничего не известно.

– Господи боже мой! – воскликнула я.

– Герцог – человек недобрый и упрямый, – сказал господин де Монсоро.

– О, надеюсь, он меня забудет!

– Я в это не верю. Тот, кто однажды вас увидел, никогда уже не забудет. Я сам делал все возможное, чтобы забыть вас, но так и не смог.

И в этот миг я впервые заметила, как в глазах господина де Монсоро сверкнула молния страсти.

Это пламя, неожиданно взметнувшееся над очагом, который казался потухшим, напугало меня больше, чем давешняя встреча с принцем.

Я замерла в молчании.

– Что вы собираетесь делать? – спросил граф.

– Сударь, нет ли возможности сменить дом, квартал, улицу, переехать в другой конец Парижа или, еще лучше, вернуться в Анжу?

– Все это ни к чему, – сказал господин де Монсоро, качая головой. – Герцог Анжуйский – опытная ищейка; он напал на след и отныне, куда бы вы ни бежали, все равно будет идти по следу, пока вас не настигнет.

– О, господи боже, вы меня пугаете!

– Я не хочу вас пугать, я просто говорю вам все как есть, и ничего больше.

– Тогда пришел мой черед задать вам тот же вопрос, который вы только что задали мне. Что вы собираетесь делать, сударь?

– Увы! – воскликнул граф де Монсоро, и горькая ирония прозвучала в его голосе. – Я человек со слабым воображением. Я нашел было один выход, но вы его отвергли, и я от него отказался. Не заставляйте меня искать других путей!

– Но бог мой! – продолжала я. – Быть может, опасность не так уж близка, как вы думаете?

– Время покажет, сударыня, – ответил граф, поднимаясь. – Во всяком случае, я хочу повторить: госпожа де Монсоро тем менее может опасаться преследований принца еще и потому, что на моей новой должности я подчиняюсь непосредственно королю, и, естественно, мы, я и моя супруга, всегда можем искать защиты у его величества.

Я ответила на эти слова вздохом. Все, что говорил граф, было вполне разумно и походило на правду.

Господин де Монсоро задержался на минуту, словно хотел предоставить мне полную возможность ему ответить, но у меня не было сил что-нибудь сказать. Он ждал стоя, готовый уйти. Наконец горькая улыбка скользнула по его губам. Он поклонился и вышел. Мне послышалось, что на лестнице он сквозь зубы процедил проклятие.

Я кликнула Гертруду.

Гертруда сразу же появилась. Обычно, когда приходил граф, она находилась поблизости: в туалетной комнате или в спальне.

Я встала у окна, укрывшись за занавеской. Таким образом, я могла видеть все, что делается на улице, сама оставаясь невидимой.

Граф вышел из наших дверей и удалился.

Приблизительно около часа мы внимательно наблюдали за улицей, но улица была пуста.

Ночь прошла спокойно.

На другой день с Гертрудой на улице заговорил молодой человек, в котором она узнала вчерашнего спутника принца; Гертруда не откликнулась на его приставания и на все его вопросы отвечала молчанием.

В конце концов молодому человеку наскучило, и он ретировался.

Когда я узнала об этой встрече, меня охватил глубокий ужас; несомненно, принц начал розыски и будет продолжать их дальше. Я испугалась, что господин де Монсоро нынче вечером не придет к нам, а именно этой ночью я могу подвергнуться нападению. Я послала за ним Гертруду, и он тотчас же явился.

Я рассказала ему все и со слов Гертруды описала внешность незнакомца.

– Это Орильи, – сказал граф, – а что ему ответила Гертруда?

– Гертруда ничего не отвечала.

Господин де Монсоро призадумался.

– Она плохо сделала.

– Почему?

– Да потому, что нам нужно выиграть время.

– Время?

– Сегодня я все еще завишу от герцога Анжуйского; но пройдет две недели, десять, может быть, восемь дней – и герцог Анжуйский будет зависеть от меня. Сейчас нужно его обмануть и заставить ждать.

– Боже мой!

– Именно так. Надежда придаст ему терпения. Решительный отказ может толкнуть на отчаянный поступок.

– Сударь, напишите моему отцу! – воскликнула я. – Батюшка тотчас же прискачет в Париж и бросится к ногам короля. Король пожалеет старика.

– Это в зависимости от расположения духа, в котором окажется король, и от того, что будет в тот день в его интересах: иметь герцога своим другом или своим недругом. Кроме того, гонец раньше чем через шесть суток не доскачет до вашего отца, и барону потребуется еще

шесть суток, чтобы доскакать до Парижа. За двенадцать суток герцог Анжуйский, если мы его не остановим, сделает все, что он может сделать.

– А как его остановить?

Господин де Монсоро промолчал. Я угадала его мысль и опустила глаза.

– Сударь, – сказала я после непродолжительного молчания. – Прикажите Гертруде, она выполнит все ваши распоряжения.

Неуловимая улыбка тенью прошла по губам господина де Монсоро, ведь я впервые обращалась к нему за покровительством.

Несколько минут он говорил с Гертрудой.

– Сударыня, – сказал он мне, – меня могут увидеть выходящим из вашего дома; до темноты остается всего лишь два или три часа; не позволите ли вы мне провести эти два-три часа в вашем обществе?

Господин де Монсоро ограничился просьбой, хотя имел право требовать; знаком я пригласила его садиться.

И тогда я поняла, как прекрасно граф владел собою; в один миг он преодолел натянутость, порожденную неловким положением, в котором мы очутились, и выказал себя любезным и занимательным собеседником. Резкость тона, о которой я уже говорила, придававшая его словам мрачную властность, исчезла. Граф много путешествовал, много видел, много думал, и за два часа беседы с ним я поняла, каким образом этот необычный человек смог приобрести столь большое влияние на моего отца.

Бюсси вздохнул.

– Когда стемнело, граф не стал ничего домогаться от меня и с таким видом, словно он вполне удовлетворен достигнутым, поднялся, отвесил поклон и вышел.

После его ухода мы, то есть я и Гертруда, снова встали у окна. На этот раз мы ясно видели двоих людей, которые рассматривали наш дом. Несколько раз они подходили к двери. Нас они не могли увидеть: все огни в доме были погашены.

Около одиннадцати часов подозрительные пришельцы удалились.

Назавтра Гертруда, выйдя на улицу, снова на том же углу повстречала того же молодого человека. Он опять, как и накануне, начал приставать к ней с вопросами. Но на сей раз Гертруда оказалась менее неприступной и перебросилась с ним несколькими словами.

На следующий день Гертруда была еще более общительной, она рассказала, что я вдова советника и, оставшись после смерти мужа без состояния, веду очень уединенный образ жизни; Орильи пытался разузнать больше, но ему пришлось пока удовлетвориться этими сведениями.

Еще через день Орильи, по-видимому, возымел какие-то подозрения относительно достоверности сведений, полученных им накануне. Он завел речь о графстве Анжу, о замке Боже и произнес слово «Меридор».

Гертруда ответила, что все эти названия ей совершенно неизвестны.

Тогда Орильи признался, что он человек герцога Анжуйского и что герцог меня видел и влюбился в меня.

Сделав это признание, он начал сулить золотые горы и мне и Гертруде: Гертруде – если она впустит принца в дом, мне – если я соглашусь его принять.

Каждый вечер господин Монсоро навещал нас, и каждый вечер я рассказывала ему все наши новости. Он оставался в нашем доме с восьми часов вечера до полуночи, и по всему было видно, что он сильно встревожен.

В субботу вечером он пришел более бледный и возбужденный, чем обычно.

– Слушайте, – сказал он, – пообещайте свидеться с герцогом во вторник или в среду.

– Обещать свидание, а почему? – воскликнула я.

– Потому что герцог Анжуйский готов на все, сейчас он в прекрасных отношениях с королем, и, следовательно, помощи от короля ждать нечего.

– Но разве до среды положение может измениться в нашу пользу?

– Возможно. Я со дня на день жду одного события, которое должно поставить принца в зависимость от меня; я подталкиваю, я тороплю это событие, и не только молитвами, но и делами. Завтра мне придется вас покинуть, я еду в Монтеро.

– Так надо? – спросила я со страхом, к которому примешивалось чувство некоторого облегчения.

– Да, у меня там встреча, совершенно необходимая для того, чтобы ускорить то событие, о котором я вам говорил.

– А если мы окажемся в трудном положении, что тогда делать? Боже мой!

– Что могу я против принца, сударыня? Ведь у меня нет никаких прав защищать вас. Придется уступить злой судьбе.

– Ах, батюшка, мой батюшка! – воскликнула я.

Граф пристально посмотрел на меня.

– О сударь!

– Вы можете меня в чем-нибудь упрекнуть?

– Нет, нет, напротив!

– Разве я не был предан вам, как друг, и почтителен, как брат?

– Вы вели себя образцово во всех отношениях.

– Помните, что вы мне обещали?

– Да.

– Разве я хоть раз напоминал вам об этом?

– Нет.

– И однако, когда обстоятельства сложились так, что вам приходится выбирать между почетным положением супруги и позорной участью куртизанки, вы предпочитаете стать любовницей герцога Анжуйского, а не женой графа де Монсоро.

– Я этого не сказала, сударь.

– Но тогда решайте же.

– Я решила.

– Стать графиней де Монсоро?

– Лишь бы не быть любовницей герцога Анжуйского.

– Лишь бы не быть любовницей герцога Анжуйского. Нечего сказать, лестный для меня выбор.

Я промолчала.

– Впрочем, не важно, – сказал граф. – Вы меня поняли? Пусть Гертруда дотянет до среды, а в среду мы посмотрим.

На другой день Гертруда вышла как обычно, но не встретила Орильи. Когда она вернулась, мы обе встревожились: отсутствие этого человека обеспокоило нас больше, чем если бы он появился. Гертруда снова вышла из дому только для того, чтобы с ним встретиться, но его не было. Выходила она и в третий раз, но так же безрезультатно.

Я послала Гертруду к графу де Монсоро; граф уехал, и никто не знал куда.

Оставшись в полном одиночестве, мы почувствовали всю свою слабость. Впервые я поняла, как несправедливо относилась к графу.

– О! Сударыня, – вскричал Бюсси, – не торопитесь менять свое мнение об этом человеке: в его поступках есть нечто такое, чего мы не знаем, но до чего мы еще докопаемся.

– Наступил вечер и принес нам новые страхи. Я была готова на все, лишь бы не попасть живой в руки герцога Анжуйского. Я обзавелась вот этим кинжалом и решила заколоть себя на глазах у принца в тот миг, когда он или его приспешники посмеют поднять на меня руку. Мы забаррикадировались в наших комнатах, ибо по какому-то немыслимому упущению у входной

двери не было внутреннего засова. Затем мы погасили лампу и заняли наш наблюдательный пост у окна.

До одиннадцати часов вечера все было спокойно. В одиннадцать из улицы Сент-Антуан вышли пять человек, они остановились, по-видимому, о чем-то посоветовались, а потом спрятались за угол Турнельского дворца.

Мы начали дрожать от страха. По всей вероятности, эти люди пришли за нами.

Однако они не двигались. Так прошло около четверти часа.

Через четверть часа мы увидели, как на углу улицы Сен-Поль появилось еще два человека. В свете луны, скользившей между облаками, Гертруда узнала в одном из них Орильи.

– Увы, барышня! Это они! – прошептала бедная девушка.

– Да, – ответила я, дрожа всем телом, – а те пятеро пришли, чтобы поддержать их в случае необходимости.

– Но им придется взломать дверь, – сказала Гертруда, – и тогда соседи сбегутся на шум.

– Почему ты думаешь, что соседи сбегутся? Они нас не знают, зачем же им ввязываться в какое-то темное дело и нас защищать? Увы, Гертруда, приходится признать, что у нас нет иного защитника, кроме графа.

– Ну а коли так, то почему вы упрямитесь и не соглашаетесь стать графиней?

Я вздохнула.

Глава XVI

История Дианы де Меридор. – Свадьба

Пока мы разговаривали, два человека, появившиеся на углу улицы Сен-Поль, украдкой пробрались вдоль домов и остановились под нашими окнами.

Мы слегка приоткрыли окно.

– Ты уверен, что это здесь? – спросил один голос.

– Да, монсеньор, совершенно уверен. Это пятый дом, считая от угла улицы Сен-Поль.

– И ты думаешь, ключ подойдет?

– Я снял слепок с замочной скважины.

Я схватила руку Гертруды и крепко ее стиснула.

– А после того, как мы войдем?

– А после того, как мы войдем, я все беру на себя. Служанка нам откроет. У вашего высочества в кармане золотой ключ, который не уступает этому железному.

– Тогда открывай.

Мы услышали, как ключ со скрежетом повернулся в замке. Но вдруг люди, прятавшиеся в углу дворца, отделились от стены и бросились на принца и Орильи с криками: «Смерть ему! Смерть ему!»

Я ничего не могла понять. Ясно было только одно – к нам неожиданно-негаданно подоспела помощь. Я упала на колени и возблагодарила небо.

Но стоило принцу открыть лицо, назвать свое имя, и крики тотчас же смолкли, шпаги вернулись в ножны, и пятеро нападающих дружно отступили.

– Да, да, – сказал Бюсси, – это не принца они подкарауливали, а меня.

– Как бы то ни было, – продолжала Диана, – это нападение заставило принца удалиться. Мы видели, как он ушел по улице Жуи, а пятеро дворян снова вернулись в свою засаду.

Было ясно, что по крайней мере на эту ночь опасность миновала, ибо люди в засаде на меня не покушались. Но мы с Гертрудой были слишком взволнованы и перепуганы, чтобы уснуть. Мы остались стоять у окна в ожидании какого-то неведомого события, которое, как мы обе смутно предчувствовали, к нам приближалось.

Ждать пришлось недолго. На улице Сент-Антуан показался всадник, он ехал, держась середины улицы. Без сомнения, он и был тем человеком, которого подстерегали пятеро дворян, спрятавшиеся в засаде, ибо, как только они его заметили, они закричали: «За шпаги! За шпаги!» – и бросились на него.

Все, что касается этого всадника, вы знаете лучше меня, – сказала Диана, – так как им были вы.

– Отнюдь нет, сударыня, – ответил Бюсси, который по тону молодой женщины надеялся выведать тайну ее сердца, – отнюдь нет, я помню только стычку, потому что сразу же после нее потерял сознание.

– Излишне было бы вам говорить, – продолжала Диана, слегка покраснев, – на чьей стороне были наши симпатии в этом сражении, в котором вы так доблестно бились, несмотря на неравенство сил. При каждом ударе шпаги мы то вздрагивали от испуга, то вскрикивали от радости, то шептали молитву. Мы видели, как у вашей лошади подкосились ноги и как она свалилась. Казалось, с вами все кончено; но нет, отважный Бюсси вполне заслужил свою славу. Вы успели соскочить с коня и тут же бросились на врагов. Наконец, когда вас окружили со всех сторон, когда отовсюду вам грозила неминуемая гибель, вы отступили, как лев, лицом к противникам, и мы видели, что вы прислонились к нашей двери. Тут нам с Гертрудой пришла одна и та же мысль – впустить вас в дом. Гертруда взглянула на меня. «Да», – сказала я, и мы бросились к лестнице. Но, как я вам уже говорила, мы забаррикадировались изнутри, и нам потре-

бывалось несколько секунд, чтобы отодвинуть мебель, загораживавшую дверь в коридор; когда мы выбежали на лестничную площадку, снизу до нас донесся стук захлопнувшейся двери.

Мы замерли в неподвижности. Кто этот человек, который только что вошел к нам, и как он сумел войти?

Я оперлась на плечо Гертруды, и мы молча стояли и ждали, что будет дальше.

Вскоре в прихожей послышались шаги, они приближались к лестнице, наконец внизу показался человек; шатаясь, он добрался до лестницы, вытянул руки вперед и с глухим стоном упал на нижние ступеньки.

Мы догадались, что его не преследуют, так как ему удалось закрыть дверь, которую, на его счастье, оставил незапертой герцог Анжуйский, и, таким образом, преградить путь своим противникам, но мы подумали, что он свалился на лестницу тяжело, а может быть, даже и смертельно раненный.

Во всяком случае, нам нечего было опасаться, напротив того, у наших ног лежал человек, нуждающийся в помощи.

– Свету, – сказала я Гертруде.

Она убежала и вернулась со светильником.

Мы не обманулись: вы были в глубоком обмороке. Мы распознали в вас того отважного дворянина, который столь доблестно оборонялся, и, не колеблясь, решили оказать вам помощь.

Мы перенесли вас в мою спальню и уложили в постель.

Вы все еще не приходили в сознание; по всей видимости, нужно было немедленно показать вас хирургу. Гертруда вспомнила, что ей рассказывали о каком-то молодом лекаре с улицы... с улицы Ботрейи, который несколько дней назад чудесным образом исцелил тяжело больного. Она знала, где он живет, и вызвалась сходить за ним.

– Однако, – сказала я, – ведь молодой лекарь может нас выдать.

– Будьте покойны, – ответила Гертруда, – об этом я позабочусь.

Гертруда – девушка одновременно и смелая и осторожная, – продолжала Диана. – Я положила на нее. Она взяла деньги, ключ и мой кинжал, а я осталась одна возле вас... и молилась за вас.

– Увы, – сказал Бюсси, – я и не подозревал, сударыня, что мне выпало такое счастье.

– Четверть часа спустя Гертруда вернулась. Она привела к нам молодого лекаря, который согласился на все условия и проделал путь к нашему дому с завязанными глазами.

Я удалилась в гостиную, а его ввели в мою комнату. Там ему позволили снять с глаз повязку.

– Да, – сказал Бюсси, – именно в эту минуту я пришел в себя и мои глаза остановились на вашем портрете, а потом мне показалось, что и сами вы вошли.

– Так и было, я вошла: тревога за вас возобладала над осторожностью. Я задала молодому хирургу несколько вопросов, он осмотрел рану, сказал, что отвечает за вашу жизнь, и у меня словно камень с души свалился.

– Все это сохранилось в моем сознании, – сказал Бюсси, – но лишь в виде воспоминания о каком-то сне, который я почему-то не позабыл, и, однако, вот здесь, – добавил он, положив руку на сердце, – что-то говорило мне: «Это был не сон».

– Доктор перевязал вашу рану, а потом достал флакон с жидкостью красного цвета и капнул несколько капель вам в рот. По его словам, этот эликсир должен был усыпить вас и прогнать лихорадку.

Действительно, через несколько секунд после того, как он дал вам лекарство, вы снова закрыли глаза и, казалось, опять впали в тот глубокий обморок, от которого очнулись несколько минут тому назад.

Я испугалась, но доктор заверил меня, что все идет как нельзя лучше. Сон восстановит ваши силы, нужно лишь не будить вас.

Гертруда снова завязала лекарю глаза платком и отвела его на улицу Ботрейи. Вернувшись, она рассказала, что он, как ей показалось, считал шаги.

– Ей не показалось, сударыня, – подтвердил Бюсси, – он и на самом деле их сосчитал.

– Это предположение нас напугало. Молодой человек мог нас выдать. Мы решили уничтожить всякий след гостеприимства, которое мы вам оказали, но прежде всего надо было унести вас.

Я собрала все свое мужество. Было два часа утра, в это время улицы обычно пустынные. Гертруда попробовала вас поднять, с моей помощью ей это удалось, и мы отнесли вас ко рву у Тампля и положили на откос. Затем пошли обратно, до смерти перепуганные своей собственной смелостью: подумать только, мы – две слабые женщины – решились выйти из дому в такой час, когда и мужчины не выходят без сопровождения.

Бог нас хранил. Мы никого не встретили и благополучно вернулись, никому не попавшись на глаза.

Войдя в комнаты, я не вынесла тяжести всех треволнений и упала в обморок.

– Сударыня, ах, сударыня! – воскликнул Бюсси, молитвенно соединив руки. – Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить вас за то, что вы сделали для меня?

Наступило короткое молчание, во время которого Бюсси пожирал глазами Диану. Молодая женщина сидела, опершись локтем на стол и уронив голову на руку.

Тишину нарушил бой часов на колокольне церкви Святой Екатерины.

– Два часа! – вздрогнула Диана. – Два часа, а вы еще здесь.

– О сударыня, – взмолился Бюсси, – не отсылайте меня, пока вы не расскажете все до конца. Не гоните меня, не подсказав, чем я могу быть вам полезен. Вообразите, что господь бог ниспослал вам брата, и скажите этому брату, что он может сделать для своей сестры.

– Увы! Уже ничего, – сказала молодая женщина. – Слишком поздно.

– Что случилось на другой день? – спросил Бюсси. – Что вы делали в тот день, когда я думал только о вас, не будучи еще уверен, не мечта ли вы, порожденная бредом, не видение ли, порожденное лихорадкой?

– В тот день, – продолжала Диана, – Гертруда снова встретила Орильи. Посланец герцога вел себя настойчивее, чем когда-либо; он не обмолвился ни словом о том, что произошло накануне, но от имени своего господина потребовал свидания.

Гертруда притворно согласилась ему помочь, но просила обождать до среды, то есть до сегодняшнего дня, сказав, что за это время сумеет меня уговорить.

Орильи пообещал, что герцог потерпит до среды. Таким образом, в нашем распоряжении было еще три дня.

Вечером вернулся господин де Монсоро.

Мы рассказали ему все, умолчав только о вас. Мы сказали, что накануне герцог открыл нашу дверь поддельным ключом, но в ту самую минуту, когда он собирался войти, на него напали пятеро дворян, среди которых были господа д'Эпернон и де Келюс. До меня донеслись эти имена, и я повторила их графу.

– Да, да, – сказал граф, – разговоры об этом я уже слышал. Значит, у него есть поддельный ключ. Я так и думал.

– Может быть, сменить замок? – спросила я.

– Он прикажет изготовить другой ключ, – ответил граф.

– Приделать к дверям засовы?

– Он приведет с собой десять человек челяди и сломает и дверь и засовы.

– Ну а то событие, которое, как вы говорили, должно было дать вам неограниченную власть над герцогом?

– Оно задерживается, и, может быть, на неопределенное время.

Я замолчала, холодные капли пота выступили у меня на лбу, я больше не могла уже скрывать от себя, что мне не остается иной возможности ускользнуть от герцога Анжуйского, как стать супругой господина де Монсоро.

– Сударь, – сказала я, – герцог через посредство своего наперсника обязался ничего не предпринимать до вечера среды; а я, я прошу вас подождать до вторника.

– Во вторник вечером, в этом же часу, сударыня, – ответил граф, – я буду у вас.

И, не прибавив ни слова, он поднялся и вышел.

Я следила за ним из окна; но он не ушел, а в свой черед спрятался в темном углу Турнельского дворца и, по-видимому, собирался охранять меня всю ночь. Каждое доказательство преданности со стороны этого человека поражаало меня в самое сердце, как удар кинжала. Два дня пронеслись, словно один миг, никто не потревожил нашего уединения. Сейчас я не в силах описать все, что выстрадала за эти два дня, с тоской следя за стремительным полетом часов.

Наступила ночь второго дня, я была в подавленном состоянии, казалось, все чувства меня покидают. Я сидела, холодная, немая, по виду бесстрастная, как статуя, только сердце мое еще билось, все остальное мое существо словно уже умерло.

Гертруда не отходила от окна. Я сидела на этом же самом кресле, не двигаясь, и лишь время от времени вытирала платком пот со лба. Вдруг Гертруда протянула ко мне руку, но этот предостерегающий жест, который раньше заставил бы меня вскочить с места, не произвел никакого впечатления.

– Сударыня! – позвала Гертруда.

– Что еще? – спросила я.

– Четыре человека... я вижу четверых мужчин... Они идут к нашему дому... открывают дверь... входят.

– Пусть входят, – сказала я, не шелохнувшись.

– Но ведь это наверняка герцог Анжуйский, Орильи и люди из свиты герцога.

Вместо ответа я вытащила свой кинжал и положила его на стол перед собой.

– О, дайте я хоть взгляну, кто это! – крикнула Гертруда и бросилась к двери.

– Взгляни, – ответила я.

Гертруда тут же вернулась.

– Барышня, – сказала она, – господин граф.

Не произнеся ни слова, я спрятала кинжал за корсаж. Когда граф вошел, я лишь повернула к нему голову. Вне всяких сомнений, моя бледность напугала его.

– Что сказала мне Гертруда?! – воскликнул он. – Вы приняли меня за герцога и, если бы я действительно оказался герцогом, убили бы себя?

Впервые я видела его в таком волнении. Но кто скажет, было ли оно подлинным или притворным?

– Гертруда напрасно напугала вас, сударь, – ответила я, – раз это не герцог, то все хорошо. Мы замолчали.

– Вы знаете, что я пришел сюда не один, – сказал граф.

– Гертруда видела четырех человек.

– Вы догадываетесь, кто они, эти люди?

– Предполагаю, один из них священник, а двое остальных наши свидетели.

– Стало быть, вы готовы стать моей женой?

– Но ведь мы договорились об этом? Однако я хочу напомнить условия нашего договора; мы условились, что, если не возникнет каких-то неотложных причин, признанных мною, я сочетаюсь с вами браком только в присутствии моего отца.

– Я прекрасно помню это условие, но разве эти неотложные причины не возникли?

– Пожалуй, да.

– Ну и?

– Ну и я согласна сочетаться с вами браком, сударь. Но запомните одно: по-настоящему я стану вашей женой только после того, как увижу отца.

Граф нахмурился и закусил губу.

– Сударыня, – сказал он, – я не намерен принуждать вас. Если вы считаете себя связанной словом, я возвращаю вам ваше слово; вы свободны, только...

Он подошел к окну и выглянул на улицу.

– ...только посмотрите сюда.

Я поднялась, охваченная той неодолимой силой, которая влечет нас собственными глазами удостовериться в своей беде, и внизу под окном я увидела закутанного в плащ человека, который, казалось, пытался проникнуть в наш дом.

– Боже мой! – воскликнул Бюсси. – Вы говорите, что это было вчера?

– Да, граф, вчера, около девяти часов вечера.

– Продолжайте, – сказал Бюсси.

– Спустя некоторое время к незнакомцу подошел другой человек, с фонарем в руке.

– Как по-вашему, кто эти люди? – спросил меня господин де Монсоро.

– По-моему, это принц и его лазутчик, – ответила я.

Бюсси застонал.

– Ну а теперь, – продолжал граф, – приказывайте, как я должен поступить, – уходить мне или оставаться?

Я все еще колебалась; да, несмотря на письмо отца, несмотря на свое клятвенное обещание, несмотря на опасность, непосредственную, осязаемую, грозную опасность, да, я все еще колебалась! И не будь там, под окном, этих двух людей...

– О, я злосчастный! – воскликнул Бюсси. – Ведь это я, я был человеком в плаще, а другой, с фонарем, – Реми ле Одуэн, тот молодой лекарь, за которым вы посылали.

– Так это были вы! – вскричала, словно громом пораженная, Диана.

– Да, я! Я все больше убеждался в том, что мои грезы были действительностью, и отправился на поиски того дома, где меня приютили, комнаты, в которую меня принесли, женщины или, скорее, ангела, который явился мне. О, как я был прав, назвав себя злосчастным!

И Бюсси замолчал, словно раздавленный тяжестью роковой судьбы, использовавшей его как орудие для того, чтобы принудить Диану отдать свою руку графу.

– Итак, – спросил он, собрав все свои силы, – вы его жена?

– Со вчерашнего дня, – ответила Диана.

И снова наступила тишина, нарушаемая только прерывистым дыханием обоих собеседников.

– Ну а вы? – вдруг спросила Диана. – Как вы проникли в этот дом, как вы оказались здесь? Бюсси молча показал ей ключ.

– Ключ! – воскликнула Диана. – Откуда у вас этот ключ, кто вам его дал?

– Разве Гертруда не пообещала принцу ввести его к вам нынче вечером? Принц видел, хотя и не узнал, господина де Монсоро и меня, так же как господин де Монсоро и я видели его; он побоялся попасть в какую-нибудь ловушку и послал меня вперед, на разведку.

– А вы согласились? – с упреком сказала Диана.

– Для меня это была единственная возможность увидеть вас. Неужели вы будете столь жестоки и рассердитесь на меня за то, что я отправился на поиски женщины, которая стала величайшей радостью и самым большим горем моей жизни?

– Да, я сержусь на вас, – сказала Диана, – потому что нам было бы лучше не встречаться снова. Не увидев меня еще раз, вы бы меня забыли.

– Нет, сударыня, – сказал Бюсси, – вы ошибаетесь. Напротив, сам бог привел меня к вам и повелел проникнуть до самой глубины в подлый заговор, жертвой которого вы стали.

Послушайте меня: как только я вас увидел, я дал обет посвятить вам всю свою жизнь. Отныне я приступаю к выполнению этого обета. Вы хотели бы знать, что с вашим отцом?

– О да! – воскликнула Диана. – Ведь поистине мне неизвестно, что с ним случилось.

– Ну что ж, я берусь узнать это. Только сохраните добрую память о том, кто, начиная с сегодняшнего дня, будет жить вами и для вас.

– Ну а ключ? – с беспокойством спросила Диана.

– Ключ? Отдаю его вам, так как я хотел бы получить его только из ваших собственных рук. Скажу одно: даю вам слово, что ни одна сестра не доверила бы ключ от своих покоев более преданному и более почтительному брату.

– Я верю слову отважного Бюсси, – сказала Диана. – Возьмите, сударь.

И она вернула ключ молодому человеку.

– Сударыня, – сказал Бюсси, – пройдет две недели, и мы узнаем, кто такой на самом деле господин де Монсоро.

И, простившись с Дианой с почтительностью, к которой примешивались одновременно и пылкая любовь, и глубокая печаль, Бюсси спустился по ступенькам лестницы.

Диана, склонив голову в сторону двери, прислушивалась к его удаляющимся шагам. Шум шагов давно уже затих, а она все слушала, слушала с трепещущим сердцем и со слезами на глазах.

Глава XVII

О том, как ехал на охоту король Генрих III и какое время требовалось ему на дорогу из Парижа в Фонтенбло

Три или четыре часа спустя после только что описанных нами событий бледное солнце чуть посеребрило края красноватой тучи, и занимающийся день стал свидетелем выезда короля Генриха III в Фонтенбло, где, как мы уже говорили, на следующее утро намечалась большая охота.

Выезд на охоту у всякого другого короля прошел бы незамеченным, но у того оригинала, историю царствования которого мы решились бегло очертить, он вызвал столько шума, суеты и беготни, что превратился в настоящее событие, как это случалось со всеми затеями Генриха. Судите сами: около восьми часов утра из больших ворот Лувра, между Монетным двором и улицей Астриус, выехала кавалькада придворных на добрых конях и в плащах, подбитых мехом; за ними последовало великое множество пажей, затем толпа лакеев и, наконец, рота швейцарцев, которая непосредственно предшествовала королевской карете.

Сие сложное сооружение, влекомое восьмеркой мулов в богатой сбруе, заслуживает отдельного описания.

Оно представляло собой прямоугольный длинный кузов, поставленный на четыре колеса, внутри сплошь выложенный подушками, снаружи задрапированный парчовыми занавесками. В длину карета имела примерно пятнадцать футов, а в ширину – восемь. На труднопроходимых участках дороги или на крутых подъемах восьмерку мулов заменяли волами в любом потребном количестве. Эти медлительные, но сильные и упрямые животные хотя и не прибавляли скорости, зато вселяли уверенность в том, что место назначения будет достигнуто, правда, с опозданием, и с опозданием не на какой-нибудь час, а уж не менее чем на два или три часа.

Карета вмещала короля Генриха III и весь его походный двор, за исключением королевы Луизы де Водемон; по правде говоря, королева так мало принадлежала ко двору своего супруга, что о ней можно было бы вообще не упоминать, если бы не паломничества и религиозные процессии, в которых она принимала самое деятельное участие.

Оставим же бедняжку в покое и расскажем, из кого состоял походный двор короля Генриха III.

Прежде всего в него входил сам король, затем королевский лекарь Марк Мирон, королевский капеллан, имя которого до нас, к сожалению, не дошло, затем наш старый знакомец, королевский шут Шико, пять или шесть миньонов, бывших в фаворе, – в описываемое нами время этих счастливых звали Келюс, Шомберг, д'Эпернон, д'О и Можирон, – затем две огромные борзые, чьи удлиненные, змеиные головы, нередко с раскрытой в отчаянном зевке пастью, то и дело высывались из этой толпы людей, лежащих, сидящих, стоящих на ногах или на коленях, – наконец, неотъемлемой принадлежностью походного двора были крохотные английские щенки в корзинке, которую король либо держал на коленях, либо подвешивал на цепочке или на лентах к себе на грудь.

Из особо оборудованной ниши время от времени извлекали их кормилицу, суку с набухшими молоком сосцами, и вся щенячья команда тут же пристраивалась к ее животу. Борзые, прижимаясь своими острыми носами к побрякивавшему по левую сторону от короля четкам в виде черепов, снисходительно смотрели на обряд кормления и даже не давали себе труда ревновать, будучи твердо уверены в особом благорасположении к ним короля.

Под потолком королевской кареты покачивалась клетка из золоченой медной проволоки, в клетке сидели самые красивые во всем мире голуби: белоснежные птицы с двойным черным воротничком. Если, по воле случая, в карете появлялась дама, к этому зверинцу добавлялись

две или три обезьянки из породы уистити или сапажу – обезьяны были в особой чести у модниц при дворе последнего Валуа.

В глубине кареты, в позолоченной нише, стояла Шартрская богоматерь, высеченная из мрамора Жаном Гужоном³⁷ по заказу короля Генриха II; взор богоматери, опущенный долу, на голову ее богоданного сына, казалось, выражал удивление всем происходящим вокруг.

Вполне понятно, что все памфлеты того времени – а в них не было недостатка – и все сатирические стихи той эпохи – а их сочинялось великое множество – оказывали честь королевской карете и частенько упоминали ее, именуя обычно Ноевым ковчегом.

Король восседал в глубине экипажа, как раз под статуэткой Шартрской богоматери. У его ног Келюс и Можирон плели коврики из лент, что в те времена считалось одним из самых серьезных занятий для молодых людей. Некоторым счастливым удавалось подобрать искусные сочетания цветов, неизвестные до тех пор и с тех пор оставшиеся неповторенными, и сплести коврики из двенадцати разноцветных ленточек. В одном углу Шомберг вышивал свой герб с новым девизом, который, как ему казалось, он только что изобрел, а на самом деле он на него просто где-то набрел. В другом углу королевский капеллан беседовал с лекарем. Невыспавшиеся д'О и д'Эпернон рассеянно глазели в окошечки и дружно зевали, не хуже борзых. И, наконец, в одной из дверей сидел Шико, спустив ноги наружу, чтобы быть готовым в любую минуту, когда ему взбредет в голову, соскочить с кареты или же забраться внутрь ее; он то распевал духовные гимны, то декламировал стихотворные сатиры, то составлял бывшие тогда в большом ходу анаграммы, находя в имени каждого куртизана – либо по-французски, либо по-латыни – намеки, донельзя обидные для того, чью личность он таким образом высмеивал.

Когда карета выехала на площадь Шатле, Шико затянул духовный гимн.

Капеллан, который, как мы уже говорили, беседовал с Мироном, повернулся к шуту и нахмурил брови.

– Шико, друг мой, – сказал король, – поберегись; кусай моих миньонов, разорви в клочья мое величество, говори все, что хочешь, о боге – господь добр, – но не ссорься с церковью.

– Спасибо за совет, сын мой, – отозвался Шико, – а я и не заметил, что там в углу наш достойный капеллан беседует с лекарем о последнем покойнике, которого медик послал святому отцу, дабы тот упокоил брненное тело в земле, и жалуется, что за день это был третий по счету и что его вечно отрывают от трапезы. Не надо гимнов, золотые твои слова, гимны уже устарели, лучше я спою тебе совсем новенькую песенку.

– А на какой мотив? – спросил король.

– Да все на тот же, – ответил Шико.

И загорланил во всю глотку:

Наш король должен сотню миллионов...

– Я должен куда больше, – прервал его Генрих. – Сочинитель твоей песни плохо осведомлен.

Шико, не смущаясь поправкой, продолжал:

Генрих должен две сотни миллионов,
На миньонов потратился он.
Нужно срочно придумать закон,
Чтоб в заклад не попала корона.
Новых пошлин набавить пяток,

³⁷ Жан Гужон (ок. 1510–1564 или 1568) – известный французский скульптор. Ему принадлежит скульптурная отделка и оформление некоторых частей Лувра.

А быть может, и новый налог.
Эта дружная гарпий³⁸ семья
Когти в нас запустила глубоко;
Ненасытные дети порока,
Все глотают они, не жуя.

– Недурно, – сказал Келюс, продолжая сплетать ленты, – а у тебя прекрасный голос, Шико; давай второй куплет, дружок.

– Скажи свое слово, Валуа, – не устаивая Келюса ответом, обратился Шико к королю, – запрети своим друзьям называть меня другом; это меня унижает.

– Говори стихами, Шико, – ответил король, – твоя проза ни гроша не стоит.

– Изволь, – согласился Шико и продолжал:

Их наряд драгоценным шитьем
И брильянтами весь изукрашен,
Постыдилась бы женщина даже
Показаться на улице в нем,
Головою вертеть им удобно
В брыжах пышных, обширных и модных.
На крахмал не годна им пшеница,
Полотно, дескать, портит она,
И крахмалы для их полотна
Нынче делают только из риса.

– Браво! – похвалил король. – Скажи, д'О, не ты ли выдумал рисовый крахмал?

– Нет, государь, – сказал Шико, – это господин де Сен-Мегрен, который прошлый год отдал богу душу – его заколол шпагой герцог Майеннский! Черт побери, не отнимайте заслуг у бедного покойника; ведь для того, чтобы память о нем дошла до потомства, он может рассчитывать лишь на этот крахмал, да еще на неприятности, причиненные им герцогу де Гизу; отнимите у него крахмал, и он застрянет на полу.

И, не обращая внимания на лицо короля, помрачневшее при этом воспоминании, Шико снова запел:

Их прически полны новизны...

– Разумеется, речь все еще идет о миньонах, – заметил он, прервав свое пение.

– Да, да, продолжай, – сказал Шомберг.

Шико запел:

Их прически полны новизны:
По линейке подстрижены пряди;
Непомерно обкорнаны сзади,
Впереди непомерно длинны.

– Твоя песенка уже устарела, – сказал д'Эпернон.

– Как устарела? Она появилась только вчера.

³⁸ *Гарпии* – первоначально богини вихря в греческой мифологии. Позднее их представляли себе в виде крылатых чудовищ с женскими головами. Вергилий изображает их грозными стражами подземного царства.

– Ну и что? Сегодня утром мода уже переменялась. Вот посмотри.

И д'Эпернон, сняв шляпу, показал Шико, что впереди у него волосы острижены почти так же коротко, как и сзади.

– Фу, какая мерзкая голова! – заметил Шико и снова запел:

И клеєм обмазаны густо,
Уложены в волны искусно
Волоса, от рожденья прямые,
И не шляпы отнюдь, не береты —
Колпачки шутовские надеты
На головы эти пустые.

– Я пропускаю четвертый куплет, – сказал Шико, – он чересчур безнравственный.
И продолжал:

Уж не мните ли вы, что деды,
Соблюдавшие чести закон,
Французы былых времен,
Друзья и любимцы Победы,
В сражениях или в походе
Думали только о моде
Или что в битвах жестоких
В накладных они дрались кудрях,
В накрахмаленных кружевах,
Румянами вымазав щеки?

– Bravo! – сказал Генрих. – Если бы мой братец ехал с нами, он был бы тебе весьма признателен, Шико.

– Кого ты зовешь своим братом, сын мой? – спросил Шико. – Не Жозефа ли Фулона, аббата монастыря Святой Женеьевы, где, как я слышал, ты собираешься постричься?

– Нет, – ответил Генрих, подыгрывавший шуточкам Шико. – Я говорю о моем брате Франсуа.

– Ах, ты прав; этот действительно твой брат, но не во Христе, а во дьяволе. Добро, добро, значит, ты говоришь о Франсуа, божьей милостью наследнике французского престола, герцоге Брабантском, Лотьерском, Люксембургском, Гельдрском, Алансонском, Анжуйском, Туреньском, Беррийском, Эвре и Шато-Тьерри, графе Фландрском, Голландском, Зеландском, Зютфенском, Мэнском, Першском, Мантском, Меланском и Бофорском, маркизе Священной империи, сеньоре Фриза и Малиня, защитнике бельгийской свободы, которому из одного носа, дарованного природой, оспа соорудила целых два; по поводу этих носов я сложил такой куплет:

Господа, не глядите косо
На Франсуа и его два носа.
Ведь и по нраву и по обычаю
Два носа под стать двуличию.

Миньоны дружно захохотали, ибо считали герцога Анжуйского своим личным врагом и эпиграмма, высмеивающая герцога, немедленно заставила их забыть направленную против них сатиру, которую только что распевал Шико.

Что до короля, то, поскольку из этого каскада острот на него попадали только отдельные брызги, он смеялся громче всех, весело угощал собак сахаром и печеньем и усердно оттачивал язык на своем брате и на своих друзьях.

Вдруг Шико воскликнул:

– Фу, как это неумно, Генрих, как неосторожно и даже дерзко.

– О чем ты? – сказал король.

– Нет, слово Шико, ты не должен признаваться в таких вещах. Фи, как это нехорошо!

– В каких вещах? – спросил удивленный король.

– В тех, в которых ты признаешься всякий раз, когда подписываешь свое имя. Ах, Генрике! Ах, сын мой!

– Берегитесь, государь, – сказал Келюс, заподозривший под елейным тоном Шико какую-то злую шутку.

– Какого черта? Что ты хочешь сказать?

– Как ты подписываешься? Скажи-ка?

– Черт побери... я подписываюсь... я подписываюсь «Henri de Valois» – Генрих Валуа.

– Добро. Заметьте, господа, он сам это сказал, по доброй воле, а теперь взглянем, не найдется ли среди этих тринадцати букв буквы «V».

– Разумеется, найдется: «Valois» начинается с «V».

– Возьмите ваши таблички, отец капеллан, ибо сейчас вы узнаете, как отныне вам следует записывать в них имя короля. Ведь «Henri de Valois» – это всего лишь анаграмма.

– То есть как?

– Очень просто. Всего лишь анаграмма. Я сейчас вам открою подлинное имя ныне царствующего величества. Итак, мы сказали: в подписи «Henri de Valois» есть «V», занесите эту букву на ваши таблички.

– Занесли, – сказал д'Эпернон.

– Нет ли там еще и буквы «i»?

– Конечно, есть, последняя буква в слове «Henri».

– До чего безгранично людское коварство! – сказал Шико. – Так разделить две буквы, созданные, чтобы стоять рядышком, друг возле дружки. Напишите «i» сразу после «V». Сделано?

– Да, – ответил д'Эпернон.

– Теперь поищем хорошенько, не найдется ли буква «l»? Ага, вот она, попалась! А теперь – буква «a»; она тоже тут; еще одно «i» – вот оно; и, наконец, «n». Добро. Ты умеешь читать, Ногарэ?

– К стыду моему, да, – сказал д'Эпернон.

– Смотрите, какой хитрец! Да, случаем, не считаешь ли ты, что настолько уж знатен, что можешь быть круглым невеждой?

– Пустомеля, – сказал д'Эпернон, замахиваясь на Шико сарбаканом.

– Ударь, но прочти, грамотей, – сказал Шико.

Д'Эпернон рассмеялся и громко прочел:

– «Vi-lain», vilain – подлый.

– Молодец! – воскликнул Шико. – Видишь, Генрих, как это делается: вот уже найдено настоящее имя, данное тебе при крещении. Надеюсь, если мне удастся раскрыть твою подлинную фамилию, ты прикажешь выплачивать мне пенсион не хуже того, который наш брат Карл Девятый пожаловал господину Амьё.

– Я прикажу тебя поколотить палками, Шико, – сказал король.

– Где ты разыщешь палки, которыми колотят дворян, сын мой? Неужто в Польше? Скажи мне, пожалуйста.

– Однако, если я не ошибаюсь, – заметил Келюс, – герцог Майеннский все же где-то нашел такую палку в тот день, когда он застал тебя, мой бедный Шико, со своей любовницей.

– Это счет, который нам еще предстоит закрыть. Будьте покойны, синьор Купидо, – вот тут все занесено герцогу в дебет.

И Шико постучал пальцем себе по лбу, и это доказывает, что уже в те времена голову считали вместилищем памяти.

– Перестань, Келюс, – вмешался д’Эпернон, – иначе из-за тебя мы можем упустить фамилию.

– Не бойся, – сказал Шико, – я ее держу крепко, если бы речь шла о господине де Гизе, я бы сказал: за рога, а о тебе, Генрих, скажу просто: за уши.

– Фамилию, давайте фамилию! – дружно закричали миньоны.

– Прежде всего, среди тех букв, которые нам остаются, мы видим «Н» прописное: пиши «Н», Ногарэ.

Д’Эпернон повиновался.

– Затем «е», потом «г», да еще там в слове «Valois» осталось «о»; наконец, в подписи Генриха имя от фамилии отделяют две буквы, которые ученые грамматик называют частицей; и вот я накладываю руку на «d» и на «е», и все это вместе с «s», которым заканчивается родовое имя, образует слово; прочти его по буквам, Эпернон.

– «He-ro-des», Herodes – Ирод,³⁹ – прочитал д’Эпернон.

– «Vilain Herodes»! Подлый Ирод! – воскликнул король.

– Верно, – сказал Шико. – И таким именем ты подписываешься каждый день, сын мой. Фу!

И шут откинулся назад, изобразив на лице ужас и отвращение.

– Господин Шико, вы переходите границы! – заявил Генрих.

– Да ведь я сказал только то, что есть. Вот они, короли: им говорят правду, а они сердятся.

– Да уж, нечего сказать, прекрасная генеалогия, – сказал Генрих.

– Не отказывайся от нее, сын мой, – ответил Шико. – Клянусь святым чревом! Она вполне подходит королю, которому два или три раза в месяц приходится обращаться к евреям.

– За этим грубияном, – воскликнул король, – всегда останется последнее слово! Не отвечайте ему, господа, только так можно заставить его замолчать.

В карете немедленно воцарилась глубокая тишина, и это молчание, которое Шико, весь ушедший в наблюдение за дорогой, по-видимому, не собирался нарушать, длилось несколько минут, до тех пор, пока карета, миновав площадь Мобер, не достигла угла улицы Нуайе. Тут Шико внезапно соскочил на мостовую, растолкал гвардейцев и преклонил колени перед каким-то довольно приятным на вид домиком с выступающим над улицей резным деревянным балконом, который опирался на расписные балки.

– Эй, ты! Язычник! – закричал король. – Коли тебе так уж хочется встать на колени, встань хотя бы перед крестом, что на середине улицы Сен-Женевьев, а не перед простым домом. Что в этом домишке, церковь спрятана или, может, алтарь?

Но Шико не ответил, он стоял, коленапреклоненный, посреди мостовой и во весь голос читал молитву. Король слушал, стараясь не упустить ни одного слова.

– Господи боже! Боже милосердный, боже праведный! Я помню этот дом и всю жизнь буду его помнить; вот она, обитель любви, где Шико претерпел муки, если не ради тебя, господи, то ради одного из твоих созданий; Шико никогда не просил тебя наслать беду ни на герцога Майеннского, приказавшего подвергнуть его мучениям, ни на мэтра Николая Давида,

³⁹ *Ирод* – имеется в виду Ирод Великий, царь Иудеи (40 г. до н. э. – 4 г. н. э.). По евангельскому преданию, Ирод, узнав, что в городе Вифлееме родился будущий «царь иудейский», приказал перебить всех младенцев Вифлеема. Имя Ирода стало синонимом жестокости и бесчеловечности.

выполнившего этот приказ. Нет, господа, Шико умеет ждать, Шико терпелив, хотя он и не вечен. И вот уже шесть полных лет, в том числе один високосный год, как Шико накапливает проценты на маленьком счете, который он открыл на имя господ герцога Майеннского и Николя Давида. Считая по десяти годовых, – а это законный процент, под него сам король занимает деньги, – за семь лет первоначальный капитал удвоится. Великий боже! Праведный боже! Пусть терпения Шико хватит еще на один год, чтобы пятьдесят ударов бичом, полученные им в сем доме по приказу этого подлого убийцы – лотарингского принца, от его грязного наемника – нормандского адвоката, чтобы эти пятьдесят ударов, извлечшие из бедного тела Шико добрую пинту крови, выросли до ста ударов бичом каждому из этих негодяев и до двух пинт крови от каждого из них. Пусть у герцога Майеннского, как бы он ни был толст, и у Николя Давида, как бы он ни был длинен, не хватит ни крови, ни кожи расплатиться с Шико, и пусть они объявят себя банкротами и молят скостить им выплату до пятнадцати или двадцати процентов, и пусть они сдохнут на восьмидесятом или восемьдесят пятом ударе бича. Во имя отца, и сына, и святого духа! Да будет так! – заключил Шико.

– Аминь, – сказал король.

На глазах у пораженных зрителей, ничего не понявших в этой сцене, Шико поцеловал землю и снова занял свое место в карете.

– А теперь, – сказал король, который хотя за последние три года и лишился многих привилегий, подобающих его сану, отдав их в другие руки, все еще сохранял право обо всем узнавать первым. – А теперь, мэтр Шико, откройте нам, зачем была нужна такая странная и длинная молитва? К чему это биение себя в грудь? К чему, наконец, все эти кривляния перед самым обычным с виду домом?

– Государь, – ответил гасконец, – Шико – как лисица: Шико обнюхивает и лижет камни, на которые пролилась его кровь, до тех пор, пока не размозжит об эти камни головы тех, кто ее пролил.

– Государь, – воскликнул Келюс, – я держу пари! Как вы сами могли слышать, Шико в своей молитве упомянул имя герцога Майеннского. Держу пари, что эта молитва связана с палочными ударами, о которых мы только что говорили.

– Держите пари, сеньор Жак де Леви, граф де Келюс, – сказал Шико, – держите пари – и вы выиграете.

– Стало быть... – начал король.

– Именно так, государь, – продолжал Шико, – в этом доме жила возлюбленная Шико, доброе и очаровательное создание, из благородных, черт побери! Однажды ночью, когда Шико пришел ее повидать, один ревнивый принц приказал окружить дом, схватить Шико и жестоко избить его, и Шико был вынужден спастись через окно, разбив стекла, – открыть его у Шико не было времени, – и затем прыгнуть с высоты этого маленького балкона на улицу. Не убили он только чудом, и потому всякий раз, проходя мимо этого дома, Шико преклоняет колени, молится и в своих молитвах благодарит господина, извлечшего его из такой передраги.

– Ах, бедняга Шико, а вы еще порицаете его, государь. По-моему, он вел себя, как подобает доброму христианину.

– Значит, тебя все же изрядно поколотили, мой бедный Шико?

– О, весьма изрядно, государь, но не так сильно, как я бы хотел.

– То есть?

– По правде говоря, я не прочь был бы получить несколько ударов шпагой.

– В счет твоих грехов?

– Нет, в счет грехов герцога Майеннского.

– Ах, я понимаю; ты намерен воздать Цезарю...

– Нет, зачем же Цезарю, не будем смешивать, государь, божий дар с яичницей: Цезарь – великий полководец, отважный воин, Цезарь – это старший брат, тот, кто хочет быть королем

Франции. Речь не о нем, у него счета с Генрихом Валуа, и это касается тебя, сын мой. Плати свои долги, Генрих, а я уплачу свои.

Генрих не любил, когда при нем упоминали его кузена, герцога де Гиза, поэтому, услышав намек Шико, король насупился, разговор был прерван и не возобновлялся более до прибытия в Бисетр.

Дорога от Лувра до Бисетра заняла три часа, исходя из этого оптимисты считали, что королевский поезд должен прибыть в Фонтенбло назавтра к вечеру, а пессимисты предлагали пари, что он прибудет туда не раньше чем в полдень послезавтра.

Шико был убежден, что он туда вообще не прибудет.

Выехав из Парижа, кортеж начал двигаться живее. На погоду грех было жаловаться: стояло погожее утро, ветер утих, солнцу наконец-то удалось прорваться сквозь завесу облаков, и начинающийся день напоминал ту прекрасную октябрьскую пору, когда под шорох последних опадающих листьев восхищенным взорам гуляющих открывается голубоватая тайна перешептывающихся лесов.

В три часа дня королевский выезд достиг первых стен крепостной ограды Жювизи. Отсюда уже видны были мост, построенный через реку Орж, и большая гостиница «Французский двор», от которой пронизывающий ветер доносил запах дичи, жарящейся на вертеле, и веселый шум голосов.

Нос Шико на лету уловил кухонные ароматы. Гасконец высунулся из кареты и увидел вдаль, у дверей гостиницы, группу людей, закутанных в длинные плащи. Среди них был маленький толстяк, лицо которого до самого подбородка закрывала широкополая шляпа.

При виде приближающегося кортежа эти люди поспешили войти в гостиницу.

Но маленький толстяк замешкался в дверях, и Шико с удивлением признал его. Поэтому в тот самый миг, когда толстяк исчез в гостинице, наш гасконец соскочил на землю, взял свою лошадь у пажа, который вел ее под уздцы, укрылся за углом стены и, затерявшись в быстро сгущающихся сумерках, оторвался от кортежа, продолжавшего путь до Эссонна, где король наметил остановку на ночлег. Когда последние всадники исчезли из виду и глухой стук колес по вымощенной камнем дороге затих, Шико покинул свое убежище, объехал вокруг замка и появился перед гостиницей со стороны, противоположной той, откуда на самом деле прибыл, как если бы он возвращался в Париж. Подъехав к окну, Шико заглянул внутрь через стекло и с удовлетворением увидел, что замеченные им люди, среди них и приземистый толстяк, который, по-видимому, его особенно интересовал, все еще там. Однако у Шико, очевидно, имелись причины желать, чтобы вышеупомянутый толстяк его не увидел, поэтому гасконец вошел не в главную залу, а в комнату напротив, заказал бутылку вина и занял место, позволяющее беспрепятственно наблюдать за выходом из гостиницы.

С этого места Шико, предусмотрительно усевшемуся в тени, была видна часть гостиничного зала с камином. У камина, на низеньком табурете, восседал маленький толстяк и, несомненно не подозревая, что за ним наблюдают, спокойно подставлял свое лицо потрескивающему огню, в который только что подбросили охапку сухих виноградных лоз, удвоившую силу и яркость пламени.

– Нет, глаза мои меня не обманули, – сказал Шико, – и, когда я молился перед домом на улице Нуайе, можно сказать, я нюхом учуял, что он возвращается в Париж. Но почему он пробирается украдкой в престольный град нашего друга Ирода? Почему он прячется, когда король проезжает мимо? Ах, Пилат, Пилат! Неужто добрый боженька не пожелал дать мне отсрочку на год, о которой я просил, и требует от меня выплаты по счетам раньше, чем я предполагал?

Вскоре Шико с радостью обнаружил, что в силу какого-то акустического каприза с того места, на котором он сидит, можно не только видеть, что происходит в зале гостиницы, но и

слышать, что там говорят. Сделав такое открытие, Шико напряг слух с не меньшим усердием, чем зрение.

– Господа, – сказал толстяк своим спутникам, – полагаю, нам пора отправляться, последний лакей кортежа давно скрылся из виду, и, по-моему, в этот час дорога безопасна.

– Совершенно безопасна, монсеньор, – произнес голос, заставивший Шико вздрогнуть. Голос принадлежал человеку, на которого Шико, всецело погруженный в созерцание маленького толстяка, до этого не обращал никакого внимания.

Человек с голосом, резанувшим слух Шико, представлял собой полную противоположность тому, кого называли монсеньором. Он был настолько же несуразно длинен, насколько тот был мал ростом, настолько же бледен, насколько тот был румян, настолько же угодлив, насколько тот был высокомерен.

– Ага, попался, мэтр Николя, – сказал Шико, беззвучно смеясь от радости. – *Tu quoque...*⁴⁰ Нам очень не повезет, если на этот раз мы расстанемся, не обменявшись парой слов.

И Шико осушил свой стакан и расплатился с хозяином, чтобы иметь возможность беспрепятственно встать и уйти, когда ему заблагорассудится.

Эта предосторожность оказалась далеко не лишней, так как семь человек, привлечшие внимание Шико, в свою очередь, расплатились (вернее сказать, маленький толстяк расплатился за всех). Они вышли из гостиницы, лакеи или конюхи подвели им лошадей, все вскочили в седла, и маленький отряд поскакал по дороге в Париж и вскоре затерялся в первом вечернем тумане.

– Добро! – сказал Шико. – Он поехал в Париж, значит, и я туда вернусь.

И Шико, в свою очередь, сел на коня и последовал за кавалькадой на расстоянии, позволяющем видеть серые плащи всадников или же, в тех случаях, когда осторожный гасконец терял их из виду, слышать стук лошадиных копыт.

Все семеро свернули с дороги, ведущей на Фроманто, и прямо по открытому полю доскакали до Шуази, затем переехали Сену по Шарантонскому мосту, через Сент-Антуанские ворота проникли в Париж и наконец, как рой пчел исчезает в улье, исчезли во дворце Гизов, двери которого тотчас же плотно закрылись за ними, словно только и ожидали их прибытия.

– Добро, – повторил Шико, устраиваясь в засаде на углу улицы Катр-фис, – здесь пахнет уже не одним Майенном, но и самим Гизом. Пока что все это только любопытно, но скоро станет весьма занятным. Подождем.

И действительно, Шико прождал добрый час, не обращая внимания на голод и холод, которые начали грызть его своими острыми клыками. Наконец двери открылись, но вместо семи всадников, закутанных в плащи, из них вышли, потрясая огромными четками, семеро монахов монастыря Святой Женевиевы, лица у всех у них были скрыты под капюшонами, опущенными на самые глаза.

– Вот как? – удивился Шико. – Что за неожиданная развязка! Неужто дворец Гизов до такой степени пропитан святостью, что стоит разбойникам переступить его порог, как они тут же превращаются в агнцев божьих? Дело становится все более и более занятным.

И Шико последовал за монахами так же, как до этого он следовал за всадниками, не сомневаясь, что под рясами скрываются те же люди, что прятались под плащами.

Монахи перешли через Сену по мосту Нотр-Дам, пересекли Сите, преодолели Малый мост, вышли на площадь Мобер и поднялись по улице Сен-Женевьев.

⁴⁰ И ты (Брут) (*лат.*). – начальные слова фразы, которую, по сообщениям античных историков, римский император Гай Юлий Цезарь произнес перед смертью, обращаясь к претору Бруту, возглавившему заговор против Цезаря и участвовавшему в убийстве императора. Марка Юния Брута считали не только лучшим другом, но даже и сыном императора. Выражение «И ты, Брут» означает измену человека, на которого рассчитывали больше всего.

– Что такое! – воскликнул Шико, не забыв снять шляпу у домика на улице Нуайе, перед которым нынче утром он возносил свою молитву. – Может быть, мы возвращаемся в Фонтенбло? Тогда я выбрал отнюдь не самый краткий путь. Но нет, я ошибся, так далеко мы не пойдем.

И действительно, монахи остановились у входа в монастырь Святой Женеьевы и вошли под его портик; там в глубине можно было разглядеть монаха того же ордена, который самым внимательным образом рассматривал руки входящих в монастырь.

– Смерть Христова! – выругался Шико. – По-видимому, нынче вечером в аббатство пускают только тех, у кого чистые руки. Решительно, здесь происходит что-то из ряда вон выходящее.

Придя к такому заключению, Шико, до сих пор всецело занятый тем, чтобы не упустить из виду тех, за кем он следовал, оглянулся вокруг и с удивлением увидел, что на всех улицах, сходящихся к аббатству, полным-полно людей в монашеских рясах с опущенными капюшонами; поодиночке или парами все они, как один, направлялись к монастырю.

– Вот как! – сказал Шико. – Значит, сегодня вечером в аббатстве состоится великий капитул, на который приглашены все монахи-женеьевцы со всей Франции? Честное слово, меня впервые разбирает желание присутствовать на капитуле, и, признаюсь, желание необоримое.

А монахи все шли и шли, вступали под своды портика, предъявляя свои руки или некий предмет, который держали в руках, и скрывались в аббатстве.

– Я бы прошел вместе с ними, – сказал Шико, – но для этого мне недостает двух существенно важных вещей: во-первых, почтенной рясы, которая их облекает, ибо, как я ни смотрю, я не вижу среди сонма святых отцов ни одного мирянина; и, во-вторых, той штучки, которую они показывают брату привратнику; а они ему что-то показывают. Ах, брат Горанфло, брат Горанфло! Если бы ты был сейчас здесь, у меня под рукой, мой достойный друг!

Слова эти были вызваны воспоминанием об одном из самых почтенных монахов монастыря Святой Женеьевы, обычном сотрапезнике гасконца в те дни, когда он обедал в городе, о монахе, с которым в день покаянной процессии Шико недурно провел время в кабачке возле Монмартрских ворот, поедая чирка и запивая его терпким вином.

А монахи продолжали прибывать, – можно было подумать, что половина парижского населения надела рясу, – брат привратник без устали проверял вновь прибывших, никого не обделяя своим вниманием.

– Посмотрим, посмотрим, – сказал Шико, – решительно, нынче вечером произойдет что-то необыкновенное. Ну что ж, будем любопытны до конца. Сейчас половина восьмого, сбор милостыни закончен. Я найду брата Горанфло в «Роге изобилия», это час его ужина.

И Шико предоставил легиону монахов возможность свободно маневрировать вокруг аббатства и исчезать в его дверях, а сам, пустив коня галопом, добрался до широкой улицы Сен-Жак, где напротив монастыря Святого Бенуа стояла гостиница «Рог изобилия», заведение весьма процветающее и усердно посещаемое школярами и неистовыми спорщиками – монахами.

В этом доме Шико пользовался известностью, но не как завсегдатай, а как один из тех таинственных гостей, которые время от времени появляются, чтобы оставить золотой эку и частицу своего рассудка в заведении мэтра Клода Бономе. Так звали раздавателя даров Цереры и Бахуса,⁴¹ тех даров, которые без устали извергал знаменитый мифологический рог, служивший вывеской гостинице.

⁴¹ ...даров Цереры и Бахуса ... – Церера – римская богиня полей, земледелия и плодородия. Бахус (Вакх) – латинское имя греческого бога Диониса, покровителя виноградарства и виноделия. Иносказательно «дары Цереры и Бахуса» – пища и вино.

Глава XVIII, где читатель будет иметь удовольствие познакомиться с братом Горанфло, о котором уже дважды говорилось на протяжении нашей истории

За погожим днем последовал ясный вечер, однако день был прохладный, а к вечеру еще похолодало. Можно было видеть, как под шляпами запоздалых буржуа сгущается пар от дыхания, розоватый в свете фонаря. Слышались четко звучащие по замерзающей земле шаги, звонкие «хм», исторгаемые холодом и, как сказал бы современный физик, отражаемые эластичными поверхностями. Одним словом, на дворе стояли те прекрасные весенние заморозки, которые придают двойное очарование светящимся багряным светом окнам гостиницы.

Шико сначала вошел в общий зал, окинул взором все его углы и закоулки и, не обнаружив среди гостей мэтра Клода того, кого искал, непринужденно направился на кухню.

Хозяин заведения был занят чтением какой-то божественной книги, в то время как целое озеро масла, заключенное в берегах огромной сковороды, терпеливо томилось, ожидая, пока температура не поднимется до градуса, который позволил бы положить на сковороду обваленных в муке мерланов.

Услышав шум открывающейся двери, мэтр Бономе поднял голову.

– Ах, это вы, сударь, – сказал он, захлопывая книгу. – Доброго вечера и доброго аппетита.

– Спасибо за двойное пожелание, хотя вторая его часть пойдет на пользу столько же вам, сколько и мне. Но мой аппетит будет зависеть...

– Как, неужели ваш аппетит от чего-то еще зависит?

– Да, вы знаете, что я терпеть не могу угощаться в одиночестве.

– Ну если так надо, сударь, – сказал Бономе, приподнимая свой фисташкового цвета колпак, – я готов отужинать вместе с вами.

– Спасибо, великодушный хозяин, я знаю, что вы отменный сотрапезник, но я ищу одного человека.

– Не брата ли Горанфло? – осведомился Бономе.

– Именно его, – ответил Шико, – а что, он уже приступил к ужину?

– Пока еще нет, но поторопитесь.

– Зачем торопиться?

– Непременно поторопитесь, так как через пять минут он уже кончит.

– Брат Горанфло еще не преступал к ужину и через пять минут он уже отужинает, говорите вы?

И Шико покачал головой, что во всех странах мира считается знаком недоверия.

– Сударь, – сказал мэтр Клод, – сегодня среда, Великий пост уже начался.

– Ну и что с того? – спросил Шико, явно сомневаясь в приверженности брата Горанфло к догматическим установлениям религии.

– А, черт! – высказался мэтр Бономе, махнув рукой, что, очевидно, означало: «Я тут понимаю не больше вашего, но дела обстоят именно так».

– Решительно, – заметил Шико, – что-то разладилось в нашем подлунном механизме: пять минут на ужин брату Горанфло! Мне суждено сегодня повидать подлинные чудеса.

И с видом путешественника, вступающего на неисследованные земли, Шико сделал несколько шагов по направлению к маленькой боковой комнатке, подобии отдельного кабинета, толкнул стеклянную дверь, закрытую шерстяным занавесом в белую и розовую клетку, и при свете свечи с чающим фитилем увидел в глубине комнаты почтенного монаха, который пренебрежительно ковырял вилкой на тарелке скудную порцию шпината, сваренного в

кипятке, пытаясь усовершенствовать вкус этой травянистой субстанции путем присовокупления к ней остатков сюренского сыра.

Пока достойный брат готовит свою смесь с гримасой на лице, выражающей сомнение во вкусовых качествах столь жалкого сочетания, попытаемся представить его нашим читателям в самом ярком свете и этим загладить нашу вину, состоящую в том, что мы так долго оставляли его в тени.

Итак, брат Горанфло был мужчиной лет тридцати восьми и около пяти футов росту. Столь малый рост возмещался, по словам самого монаха, удивительной соразмерностью порций, ибо все, что брат сборщик милостыни потерял в высоте, он приобрел в ширине и в поперечнике от одного плеча к другому имел примерно три фута; такая длина диаметра, как известно, соответствует девяти футам в окружности.

Между этими поистине геркулесовыми плечами располагалась дюжая шея, на которой, словно канаты, выступали могучие мускулы. К несчастью, шея также находилась в соответствии со всем остальным телом, то есть она была толстой и короткой, что угрожало брату Горанфло при первом же мало-мальски сильном волнении неминуемым апоплексическим ударом. Но, сознавая, какой опасностью чреват этот недостаток его телосложения, брат Горанфло никогда не волновался; и мы должны сказать, что лишь в крайне редких случаях его можно было видеть таким разобиженным и раздраженным, как в тот час, когда Шико вошел в кабинет.

– Э, дружище, что вы здесь делаете? – воскликнул наш гасконец, глядя поочередно на травы, на Горанфло, на чающую свечу и на чашу, до краев полную водой, чуть подкрашенной несколькими каплями вина.

– Разве вы не видите, брат мой? Я ужинаю, – ответил Горанфло голосом гулким, как колокол его аббатства.

– Вы называете это ужином, вы, Горанфло? Травка и сыр? Да что с вами? – воскликнул Шико.

– Мы вступили в первую среду Великого поста; попечемся же о нашем спасении, брат мой, попечемся о нашем спасении, – прогнусавил Горанфло, блаженно возводя очи горе.

Шико замер как громом пораженный, взгляд гасконца говорил, что ему не раз приходилось видеть брата Горанфло, совсем иным манером прославляющего святые дни того самого Великого поста, который только что начался.

– О нашем спасении? – повторил он. – А разве наше спасение может зависеть от воды и травы?

По пятницам ты мяса не вкушай,
А также и по средам, —

пропел Горанфло.

– Ну а давно ли вы завтракали?

– Я совсем не завтракал, брат мой, – сказал монах, говоря все более и более в нос.

– Ах, если все дело в том, чтобы гнусавить, – сказал Шико, – я берусь соревноваться с монахами-женевьевцами всего мира. – И он загудел в нос самым отвратительным образом: – Итак, если вы еще даже не завтракали, то чем же вы были заняты, брат мой?

– Я сочинял речь, – заявил Горанфло, гордо вскинув голову.

– Что вы говорите? Речь, а зачем?

– Затем, чтобы произнести ее нынче вечером в аббатстве.

«Вот тебе на! – подумал Шико. – Речь сегодня вечером в аббатстве. Занятно».

– А сейчас, – добавил Горанфло, поднося ко рту первую вилку с грузом шпината и сыра, – мне уже пора уходить, мои слушатели, наверное, заждались.

Шико подумал о бесчисленном множестве монахов, которые на его глазах устремлялись к аббатству, и, вспомнив, что среди них, по всей вероятности, был и герцог Майеннский, задал себе вопрос, почему Жозефу Фулону, аббату монастыря Святой Женеьевы, взбрело в голову избрать для произнесения проповеди перед лотарингским принцем и столь многочисленным обществом именно Горанфло, ценимого до сего дня за качества, не имевшие никакого отношения к красноречию.

– Ба! – сказал он. – А в каком часу ваша проповедь?

– С девяти часов до девяти с половиной, брат мой.

– Добро! Сейчас девять без четверти. Уделите мне всего пять минут. Клянусь святым чревом! Уже более восьми дней нам не выпадало случая пообедать вместе.

– Но это не наша вина, – сказал Горанфло, – и поверьте, возлюбленный брат мой, что наша дружба не потерпела от этого никакого ущерба; обязанности, связанные с вашей должностью, удерживают вас при особе нашего славного короля Генриха Третьего, да хранит его господь; обязанности, вытекающие из моего положения, вынуждают меня заниматься сбором милостыни, а все оставшееся время посвящать молитвам; поэтому ничего удивительного, что мы так долго не встречались.

– Вы правы, однако, клянусь телом Христовым, – сказал Шико, – мне кажется, это еще одна причина возрадоваться тому, что мы снова свиделись.

– Я и радуюсь, радуюсь беспредельно, – ответил Горанфло, скроив самую благостную физиономию, какую только можно себе представить, – и тем не менее мне придется вас покинуть.

И монах приподнялся на стуле, собираясь встать.

– Доешьте хоть вашу травку, – сказал Шико, положив ему руку на плечо.

Горанфло взглянул на шпинат и вздохнул.

Затем он обратил взор на розоватую воду и отвернулся.

Шико понял, что настал благоприятный момент для атаки.

– Помните, как мы с вами прекрасно посидели последний раз, – обратился он к Горанфло, – там, в кабачке у Монмартрских ворот? Пока наш славный король Генрих Третий бичевал себя и других, мы уничтожили чирка из болот Гранж-Бательер и раковый суп, а все это запили превосходным бургундским; как бишь оно называется? Не то ли это вино, которое открыли вы?

– Это романейское вино, вино моей родины, – сказал Горанфло.

– Да, да припоминаю; это то самое молочко, которое вы сосали в младенчестве, достойный сын Ноя.

Горанфло с грустной улыбкой облизал губы.

– Ну и что вы скажете о тех бутылках, которые мы распили? – спросил Шико.

– Хорошее было вино, однако не из самых лучших сортов.

– Это же говорил как-то вечером и наш хозяин, Клод Бономе. Он утверждал, что в его погребе найдется с полсотни бутылок, перед которыми вино у его собрата с Монмартрских ворот просто выжимки.

– Чистая правда, – засвидетельствовал Горанфло.

– Как! Правда? – возмутился Шико. – И вы тянете эту мерзкую подкрашенную воду, когда вам только руку стоит протянуть, чтобы выпить такого вина? Фу!

И Шико схватил чашку и выплеснул ее содержимое на пол.

– Всеу свое время, брат мой, – сказал Горанфло. – Вино хорошо, если после того, как ты его выпьешь, тебе остается только славить господя, создавшего такую благодать. Но если ты должен выступать с речью, то вода предпочтительнее, не по вкусу, конечно, а по воздействию: *facunda est aqua*.⁴²

⁴² Вода способствует красноречию (*лат.*).

– Ба! – ответил Шико. – *Magis facudum est vinum*,⁴³ и в доказательство я закажу бутылочку вашего романейского, хотя мне сегодня тоже выступать с речью. Я верю в чудотворную силу вина; по чести, Горанфло, посоветуйте, какую закуску мне к нему взять.

– Только не эту премерзостную зелень, – сказал монах. – Хуже ее ничего не придумаешь.

⁴³ Вино еще больше способствует (*лат.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.